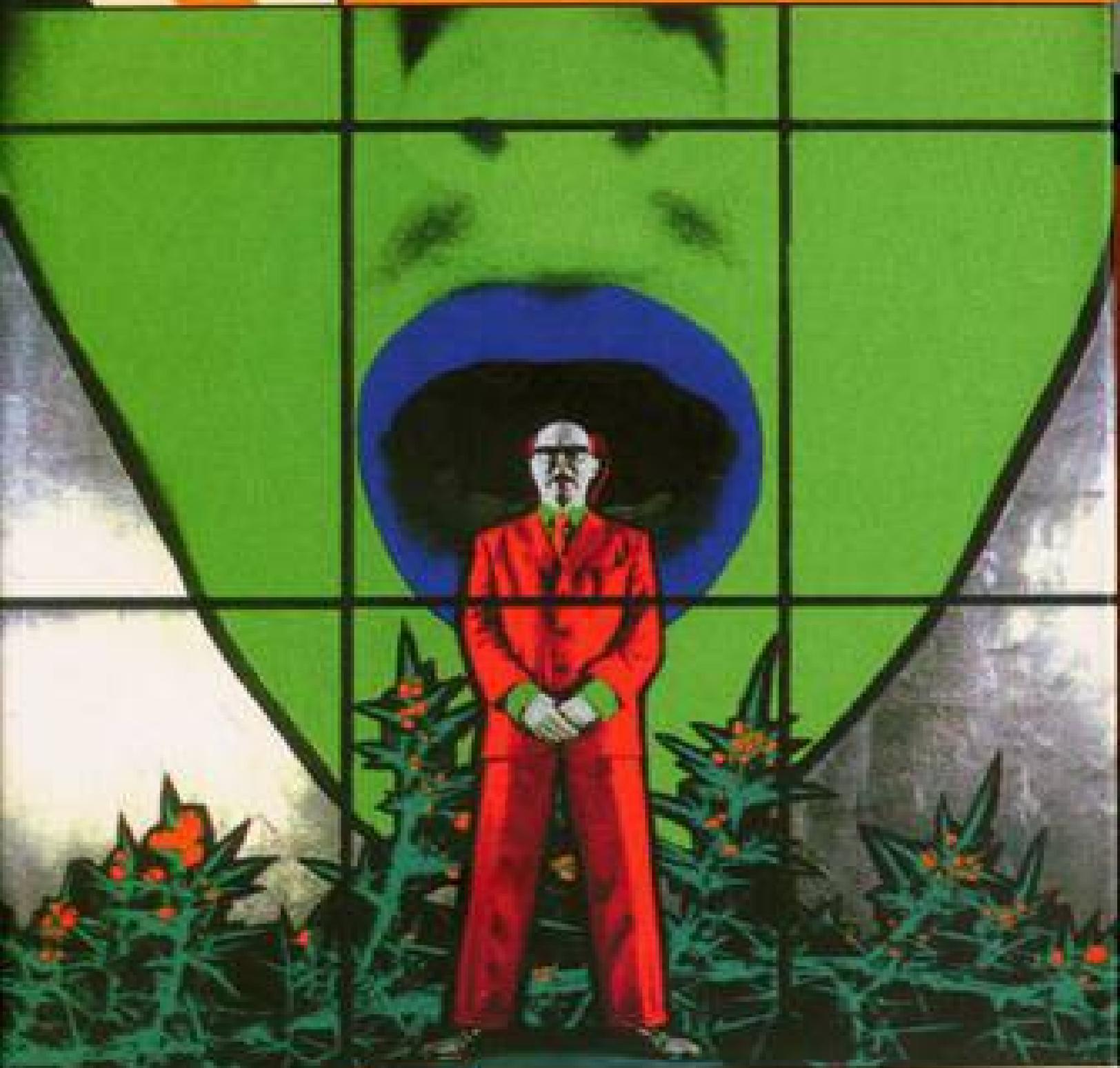


Том Шарп

Уилт



Annotation

Все началось с дружеской вечеринки, куда попал скромный преподаватель колледжа Генри Уилт. Избежав атаки любвеобильной хозяйки дома, Генри попадает в плен к надувной резиновой кукле из секс-шопа и никак не может вырваться из ее объятий. И вот... семейная жизнь Уилта трещит по швам, а тупоголовый инспектор Флинт подозревает его в тяжком преступлении...

Цикл о Генри Уилте – самая большая удача в творчестве английского писателя – сатирика и юмориста Тома Шарпа.

Содержание

Когда Генри Уилт выводил собаку на прогулку, или, точнее, когда собака выводила его погулять, или, еще точнее, когда миссис Уилт приказывала им убираться из дому, чтобы дать ей возможность заняться йогой, он всегда выбирал один и тот же маршрут. Вернее, этот маршрут выбирала собака, а Генри послушно следовал за ней. Они шли мимо почты, пересекали детскую площадку, проходили под железнодорожным мостом и выходили на тропинку, ведущую вдоль реки. Пройдя по ней около мили, они опять переходили железную дорогу и возвращались домой улицами, где все дома были больше и лучше, чем дом Уилта, где много зелени, а вдоль дороги припаркованы исключительно «роверы» и «мерседесы». Почему-то именно здесь Клем, чистокровный Лабрадор, чувствовал себя как дома и делал все свои дела, пока Уилт неловко стоял, сознавая, что он чужой в этом районе, и жалея, что это так, а не иначе. За всю прогулку практически только здесь Уилт в какой-то мере осознавал, где он находится. Всю остальную часть пути он обычно был погружен в мысли, не имевшие никакого отношения к его маршруту. По сути дела, каждая прогулка с собакой превращалась для него в путешествие в несбыточное, мечты об отдаленной возможности безвозвратного исчезновения миссис Уилт, о внезапном обретении богатства или назначении на высокий пост, о том, что бы он стал делать, будь он министром просвещения, или, еще лучше, премьер-министром. Он придумывал уловки, которые могли бы помочь ему достичь цели, мысленно спорил со своими оппонентами. Если бы кто-нибудь в этот момент обратил внимание на Уилта (а большинство людей не обращало на него никакого внимания), то увидел бы, что время от времени губы его шевелятся, а рот кривится в усмешке. Это Уилт отвечал на собственные вопросы и вдребезги разбивал контраргументы. Именно во время одной из таких прогулок, к тому же под дождем и после особо утомительного дня в училище, Уилт впервые почувствовал, что не сможет осуществить свое предназначение – жить так, как он сам считает нужным, – если с его женой не произойдет какого-нибудь страшного и не совсем случайного несчастья.

Этот вывод не был внезапным, медлительность вообще была характерна для Уилта, которому всегда не хватало решительности. Доказательством тому являлись десять лет, проведенные им в Фэнлендском техучилище в качестве младшего преподавателя второй категории. Десять долгих лет он проработал на гуманитарном отделении училища, читая лекции будущим газовщикам, шпукатурам, каменщикам и водопроводчикам. Или, вернее, следя за тем, чтобы они вели себя тихо. Десять лет он провел, переходя из одной классной комнаты в другую с двумя дюжинами экземпляров Оруэлла, «Сыновей и любовников», «Кандида» или «Повелителя мух», изо всех сил стараясь, безо всякого видимого успеха, развить эстетические чувства слушателей дневного отделения.

Мистер Моррис, заведующий гуманитарным отделением училища, называл эти преподавательские муки «один на один с культурой». С точки зрения Уилта, их правильнее было бы назвать «один на один с варварством». Несомненно, этот жизненный опыт помог ему покончить с идеалами и иллюзиями юности. Помогли этому и двенадцать лет брака с Евой.

Если газовщики прекрасно существовали, ничего не ведая об эмоциональной значимости межличностных отношений, изображенных в «Сыновьях и любовниках», и издевались над глубоким проникновением Лоуренса в сексуальную сущность бытия, то Ева

не была способна на подобную отрешенность. Она занималась культурной деятельностью и самосовершенствованием с энтузиазмом, раздражавшим Уилта. Хуже того, ее понятие о культуре постоянно менялось, иногда распространяясь на Барбару Гартлэнд и Аню Ситон, иногда на Успенского и Кеннета Кларка, но чаще всего ограничивалось инструктором класса керамики по вторникам или лектором по трансцендентальной медитации по четвергам. По этой причине Уилт никогда не мог знать, что его ждет вечером кроме наспех приготовленного ужина, попреков в отсутствии у него честолюбия и доморощенного интеллектуального эклектизма, который приводил его в исступление.

Чтобы забыть этих псевдочеловеков-газовщиков и Еву в позе «лотос», Уилт, шагая по тропинке вдоль реки, погрузился в мрачные мысли, которые становились еще тягостнее от сознания, что вот уже пятый год подряд ему почти наверняка откажут в повышении в должности и не назначат старшим преподавателем и что если он не предпримет как можно скорее каких-либо решительных мер, то обречен всю оставшуюся жизнь иметь дело с 3-й группой газовщиков, 2-й группой шпукатуров и Евой. С этим невозможно мириться. Надо что-то делать. Над его головой прогремел поезд. Уилт стоял, провожая глазами удаляющиеся огни, и думал о несчастных случаях, связанных с пересечением железнодорожных путей.

* * *

– Он последнее время такой странный, – сказала Ева. – Просто не могу понять, что с ним.

– Что касается Патрика, то я уже давно отказалась от всяких попыток его понять, – промолвила Мэвис Моттрам, разглядывая Евину вазу. – Мне кажется, люпин стоит сдвинуть немного влево. Так он лучше оттенит ораторические свойства розы. Теперь насчет вот этого ириса. Нужно стремиться, комбинируя цвета, произвести почти звуковой эффект. Так сказать, контрапунктический.

Вздохнув, Ева кивнула.

– Он был такой энергичный, – сказала она, – а теперь он просто сидит и смотрит телек. Все, что я могу сделать, это заставить его погулять с собакой.

– Может, ему скучно без детей? – заметила Мэвис. – Я знаю, что Патрик скучает.

– Это потому, что ему есть по кому скучать, – с горечью произнесла Ева. – Генри не в состоянии даже взбодриться настолько, чтобы этих самых детей завести.

– Прости, Ева, я совсем забыла, – произнесла Мэвис и передвинула люпин так, чтобы он лучше контрастировал с геранью.

– Да не извиняйся, – отмахнулась Ева, среди недостатков которой жалости к самой себе не было. – Думаю, что я еще радоваться должна. Представь себе детей, похожих на Генри. Он такой нетворческий по характеру, и, кроме того, от детей столько беспокойства. Они забирают у человека всю творческую энергию.

Мэвис удалилась, чтобы помочь кому-нибудь еще добиться контрапунктического эффекта, на этот раз с помощью настурций и мальвы в вазе вишневого цвета. Ева потрогала розу пальцем. Мэвис так повезло. У нее есть Патрик, а Патрик Моттрам такой энергичный. Несмотря на свои размеры, Ева очень верила в энергичность и творческую жилку. Поэтому даже вполне разумные люди, не склонные поддаваться влиянию, не выдерживали больше десяти минут в ее обществе. Даже в позе «лотос» в классе йоги она умудрялась выделять

энергию, а во время попыток трансцендентальной медитации напоминала кипящую скороварку. Творческая энергия несла с собой энтузиазм, лихорадочный энтузиазм женщины, не нашедшей себя, для которой каждая новая идея возвещала зарю нового дня и наоборот. Поскольку все ее идеи были либо мелки, либо невразумительны для нее же самой, то и приверженность им была соответственно кратковременной и не могла заполнить ту пустоту в жизни, которая образовалась в результате неспособности Генри к свершениям. Пока Генри жил в своем воображении бурной жизнью, Ева, начисто лишенная воображения, вела бурную жизнь на деле.

С энтузиазмом, достойным лучшего применения, она ввязывалась в разные дела, заводила новые знакомства, присоединялась к различным группам и участвовала во всевозможных мероприятиях, причем делала все это с безрассудством, под которым скрывалась ее эмоциональная неспособность остановиться хотя бы на мгновение. Сейчас же, попятившись от своей вазы, она наткнулась на кого-то, стоящего за ее спиной.

– Простите, – сказала она и, обернувшись, обнаружила пару карих глаз, внимательно ее разглядывающих.

– Не стоит извинений, – произнесла женщина с американским акцентом. Она была худенькая и одета с простотой, далеко превосходящей скромные финансы возможности Евы.

– Я Ева Уилт, – сказала Ева, которая когда-то посещала курсы умения знакомиться с людьми при деревенском колледже в Оакрингтоне. – Мой муж преподает в техучилище, а живем мы на Парквью, 34.

– Салли Прингшейм, – произнесла женщина с улыбкой. – Мы живем на Росситер Глоув. Мы сейчас в годичном отпуске. Гаскелл – биохимик.

Должным образом оценив полученную информацию, Ева Уилт порадовалась, что оказалась достаточно предусмотрительной, одев голубые джинсы и свитер. Люди, жившие на Росситер Глоув, были на порядок выше тех, кто проживал на Парквью, да и мужья-биохимики, пребывавшие в годичном отпуске, безусловно, преподавали в университете. Мир Евы держался на способности мгновенно схватывать подобные нюансы.

– Знаете, я не уверена, что ужилась бы с ораторической розой, – заметила Салли. – Я ничего не имею против симфоний в концертных залах, но вполне обойдусь без них в вазах.

Ева уставилась на нее одновременно с удивлением и восхищением. Открытая критика искусства Мэвис Моттрам составлять букеты на Парквью считалась явным богохульством.

– Знаете, мне всегда хотелось сказать то же самое, – сказала она с неожиданной теплотой, – но я никак не могла набраться мужества.

Салли Прингшейм улыбнулась.

– Считаю, каждый должен всегда говорить то, что думает. Правда очень важна во всех сколь-нибудь серьезных взаимоотношениях. Я всегда говорю крошке Джи то, что думаю.

– Крошке Джи? – переспросила Ева.

– Это Гаскелл, мой муж, – сказала Салли. – Не то, чтобы он в полном смысле мой муж. Просто у нас свободная договоренность жить вместе. Конечно, мы официально женаты, и все такое, но я полагаю, что самое главное – иметь свободу сексуального выбора, разве не так?

Домой Ева прибыла, обогащенная несколькими новыми словами. Уилт был уже в постели и делал вид, что спит. Она разбудила его и рассказала о Салли Прингшейм. Уилт перевернулся на другой бок, пытаясь снова заснуть и моля всех богов, чтобы Ева ограничилась своими контрапунктическими букетами. В данный момент свобода сексуального выбора для обеих сторон была нужна ему меньше всего. К тому же подобные декларации, исходящие от жены биохимика, который мог себе позволить жить на Росситер Глоув, не внушали доверия. Ева слишком легко попадала под влияние богатства, общественного положения и новых знакомых, чтобы ей можно было позволить общаться с женщиной, полагавшей, что оральная стимуляция клитора является неотъемлемой частью действительно свободных взаимоотношений и что унисекс имеет право на существование. У Уилта хватало проблем со своими мужскими способностями и без требований Евы обогатить ее супружеские права орально. Ночь у него была беспокойная. Его одолевали мрачные, мысли по поводу случайных смертей, связанных со скоростными поездами, железнодорожными переездами, с их собственным «фордом» и привязным ремнем, которым пристегивалась в нем Ева. Поэтому утром Уилт поднялся ни свет ни заря и сам приготовил себе завтрак. Когда он уже собрался уходить, чтобы успеть на девятичасовую лекцию в 3-й группе механиков, Ева спустилась вниз с мечтательным выражением на лице.

– Я только что вспомнила, что забыла тебя кое о чем спросить вчера. – сказала она. – Как ты считаешь, что такое «транссексуальное разнообразие»?

– Это когда стихи о гомиках сочиняют, – быстро ответил Уилт и пошел к машине. Проехав по Парквью, он на повороте попал в пробку. Он сидел и про себя матерился. Ему было уже 34 года, и все его способности были растрчены на группу механиков и женщину, которая, без сомнения, была с интеллектуальной точки зрения ниже всякой нормы. Хуже того, он вынужден был признать, что Евины постоянные упреки, что он не мужчина, соответствовали действительности. «Если бы ты был настоящим мужчиной, – повторяла она, – ты бы проявлял больше инициативы. Ты должен самоутвердиться».

На повороте Уилт самоутвердился, ввязавшись в перепалку с водителем миниавтобуса. Как обычно, и здесь он оказался не на высоте.

* * *

– Мне кажется, проблема Уилта в том, что ему не хватает честолубия, – заметил заведующий кафедрой английского языка, человек без нервов, имеющий тенденцию рассматривать и решать проблемы с той мерой неопределенности, которая удачно маскировала отсутствие у него уверенности в себе.

Комиссия по повышениям закивала головами, что она делала пять лет подряд.

– Может, он и недостаточно честолубив, зато предан делу, – сказал мистер Моррис, ежегодно выступавший в поддержку повышения Уилта.

– Предан? – переспросил заведующий столовой. – Чему это он так предан? Абортам, марксизму или распущенности? Чему-нибудь, да обязательно. Я еще не встречал преподавателя-гуманитария, который не был бы чудачком, извращенцем или ярким революционером, а, чаще всего, первым, вторым и третьим одновременно.

– Совершенно верно, совершенно верно, – подтвердил заведующий кафедрой механической обработки материалов, на станках которого студент-придурок однажды

смастерил несколько бомб.

Мистер Моррис ошетинился.

– Я согласен, что один или два преподавателя слишком... так сказать... ударялись в политику, но я решительно возражаю против предположения, что...

– Давайте отвлечемся от всех этих общих вещей и вернемся к Уилту, – заявил заместитель директора училища. – Мы остановились на том, что он предан делу.

– Он нуждается в поощрении, – сказал мистер Моррис. – Черт побери, он работает здесь уже десять лет, и у него все еще вторая категория.

– Именно это я и имел в виду, говоря, что он недостаточно честолюбив, – заметил заведующий английской кафедрой. – Если бы он был достоин повышения, то давным-давно был бы старшим преподавателем.

– Должен заметить, что я полностью с этим согласен, – сказал завкафедрой географии. – Совершенно очевидно, что человек, который в течение десяти лет безропотно соглашается иметь дело с газовщиками и водопроводчиками, не способен заниматься административной работой.

– Разве мы повышаем людей только из административных соображений? – спросил мистер Моррис устало. – Между прочим, Уилт прекрасный преподаватель.

– Хочу заметить, – вмешался доктор Мейфилд, заведующий кафедрой социологии, – что сейчас, в преддверии введения степеней в области исследований проблем городов и изучения средневековой поэзии, – я счастлив сообщить вам, что их введение в принципе одобрено Национальным советом по научным званиям, – крайне важно проводить солидную кадровую политику и резервировать места старших преподавателей для кандидатов, обладающих специальной подготовкой и достижениями в конкретных областях науки, а не...

– Если я правильно вас понял, – перебил его доктор Боард, возглавляющий кафедру современных языков, – вы предлагаете предпочесть на должности старших преподавателей остепененных специалистов, не умеющих преподавать, а не тех, кто умеет это делать, но не имеет степени?

– Если бы доктор Боард не прерывал меня, – продолжил доктор Мейфилд, – он бы понял, что то, что я сказал...

– Маловероятно. – заметил доктор Боард, – даже если забыть о вашем синтаксисе.

Вот так и случилось, что пятый раз подряд о повышении Уилта забыли. Фэнлендское техникум расширилось. Возникали новые курсы, и все больше студентов, у которых было мало способностей, поступало туда, чтобы обучаться у высококвалифицированных преподавателей, чтобы в один прекрасный день училище сменило приставку «тех» на «политех». Это было сокровенной мечтой всех заведующих кафедрами и отделениями, и в процессе достижения этой высокой цели чувством личного достоинства Уилта и надеждами Евы Уилт можно было пренебречь.

Уилт узнал эти печальные новости в столовой, перед ленчем.

– Мне очень жаль. Генри, – сказал мистер Моррис после того, как они взяли подносы. – Всеми виной это ужасное экономическое давление. Даже на отделении современных языков сокращения. У них только двое получили повышение.

Уилт кивнул. Ничего другого он и не ожидал. Он работал не на той кафедре, был женат не на той женщине и вообще жил не той жизнью. Он поставил свою тарелку с рыбными палочками на угловой столик и съел их в одиночестве. Вокруг него преподаватели

обсуждали различные планы, в частности, кто попадет в следующем семестре в правление курса. Все они преподавали либо математику, либо экономику, либо английский, то есть предметы, которые считались наиболее важными, и поэтому добиться повышения было для них плевым делом. Гуманитарные науки в расчет не принимались, так что о повышении здесь было бесполезно даже заикаться. Уилт закончил ленч и пошел в справочную библиотеку посмотреть фармакопею на инсулин. Ему вдруг пришло в голову, что инсулин – яд, не оставляющий следов.

* * *

Так ничего и не выяснив, без пяти два он направился в комнату 752 развивать эстетические чувства пятнадцати учеников-мясников, обозначенных в расписании как «Мяс. Ы». Как водится, они опоздали и были в подпитии.

– Мы пили за здоровье Билла, – возвестил один из них, когда они в десять минут третьего ввалились в класс.

– Что вы говорите! – отозвался Уилт, раздавая учащимся экземпляры «Повелителя мух». – Ну и как он?

– Чертовски плохо, – отозвался верзила, на кожаной куртке которого сзади было написано «От-зынь!». – Его выворачивает наизнанку. У него день рождения, он выпил четыре рюмки водки и коктейль...

– Мы остановилась на том, как Пигги попадает в лес, – сказал Уилт, пытаясь отвлечь их внимание от дня рождения. Он взял тряпку и стер с доски изображение противозачаточного колпачка.

– Это отличительный знак мистера Седвика, – сказал один из мясников. – Он всю дорогу распространяется о противозачаточных средствах и тому подобном. У него такой пунктик.

– Пунктик? – переспросил Уилт, стараясь быть лояльным.

– Ну, знаете, насчет контроля за рождаемостью. Он ведь когда-то был католиком, верно? А теперь он уже не католик, вот и старается наверстать упущенное, – сказал невысокий парнишка с бледным лицом, развертывая шоколадку.

– Кто-нибудь должен рассказать ему о противозачаточных таблетках, – вмешался другой парень, поднимая голову с парты и глядя на Уилта заспанными глазами. – С резинкой ни фи́га не чувствуешь. С таблеткой куда лучше.

– Наверное, ты прав. – сказал Уилт. – Но я слышал, бывают и осложнения.

– Ну, это кто и как берется за дело. – заявил парень с бакенбардами.

Уилт неохотно вернулся к «Повелителю мух». Он читал эту книгу, наверное, уже в двухсотый раз.

– Так вот. Пигги попадает в лес и... – начал он, но его тут же перебил еще один ученик, который, судя по всему, разделял отвращение Уилта к приключениям Пигги.

– Осложнения дают только те таблетки, где много половых гормонов.

– Половых гормонов? Очень интересно, – заметил Уилт. – Похоже, ты хорошо в этом разбираешься.

– Одна старуха, что живет на, нашей улице, получила тромб в ноге...

– Глупая старуха, – сказал парень с шоколадкой.

– Слушайте, – вмешался Уилт, – или мы будем разбираться, что Питер знает по поводу побочных эффектов противозачаточных таблеток, или мы будем дальше читать про Пигги.

– А пошла она, эта Пигги, – заявили бакенбарды.

– Прекрасно, – сказал Уилт с облегчением. – Тогда сидите тихо.

– Итак, – сказал Питер, – эта баба, правда, она не такая уж и старая, ей где-то около тридцати, так вот она пила таблетки, и у нее появился тромб, и доктор сказал моей тетке, что все дело в гормонах и что ей лучше пить другие таблетки. Так вот ее мужу пришлось пойти на стерилизацию, чтобы у нее больше не было тромба.

– Пусть меня застрелят, чтоб я такое над собой позволил, – заявил парень с шоколадкой. – Я хочу, чтобы у меня там все было как положено.

– Каждому – свое, – сказал Уилт.

– Никому не позволю подступиться к моему хозяйству с проклятым ножом, – сказали бакенбарды.

– Да кому ты нужен? – заметил кто-то.

– А как насчет того мужика, чью жену ты трахнул? – спросил парень с шоколадкой. – Уверен, он не имел бы ничего против.

Уилт еще раз прибегнул к помощи поросенка и вернул их к обсуждению проблем стерилизации.

– Кстати, – сказал Питер, – теперь это не то, чтобы раз и навсегда. Они теперь могут тебе вставить такой маленький золотой краник, и ты можешь его повернуть, если захочешь потомства.

– Да иди ты! Все вранье!

– Ну, бесплатно тебе это никто не сделает, надо заплатить. Я читал об этом в журнале, в Америке уже эксперименты проводят.

– А что если прокладка полетит? – спросил парень с шоколадкой.

– Позовешь водопроводчика.

Уилт сидел и слушал, как мясники из первой группы разглагольствовали о стерилизации и противозачаточных спиралях, об индейцах, которым бесплатно раздают приемники, о самолете, приземлившемся в Одли Энде с грузом нелегальных иммигрантов, о том, что сказал чей-то брат, полицейский в Брикстоне, о черных, о том, что ирландцы еще хуже и о бомбах, а потом опять о католиках и контроле за рождаемостью, о том, что кто это захочет жить в Ирландии, где даже презервативов не купишь, и опять о таблетках. И все это время Уилт напряженно думал, как бы ему избавиться от Евы. Посадить ее на диету из противозачаточных таблеток с высоким содержанием гормонов? Если их растереть и смешать с овалтином, который она принимает перед сном, то есть надежда, что она быстренько вся покроется тромбами. Но он тут же выбросил эту идею из головы. От одной мысли о Еве с тромбами выворачивало наизнанку. Кроме того, таблетки могли не подействовать. Нет, надо придумать что-то более эффективное и надежное. Лучше всего подошел бы несчастный случай.

По окончании урока Уилт собрал свои книги и направился в учительскую. У него было «окно». По пути он прошел мимо строящегося административного корпуса. Участок уже был расчищен, и строители бурили шурфы под фундамент. Уилт остановился и стал смотреть, как буровая машина медленно вгрызается в землю. Рыли большие ямы. Широкие. Тело вполне поместится.

– На какую глубину копаете? – спросил он одного из рабочих.

- Тридцать футов.
 - Тридцать футов? – переспросил Уилт. – А когда бетон будете заливать?
 - В понедельник утром, если повезет, – сказал рабочий.
- Уилт пошел дальше. Ему пришла в голову жуткая идея.

Это был один из лучших дней Евы Уилт. У нее были просто дни, отличные дни и другие, которые она называла «один из таких дней». В «просто» дни все шло своим чередом, она стирала, пылесосила гостиную, мыла окна, убирала постели, драила ванну, посыпала антисептиком унитаз, отправлялась в Центр общественной гармонии, где помогала ксерокопировать или разбирать старую одежду к распродаже, иными словами, помогала, как могла. Потом возвращалась домой обедать, после чего шла в библиотеку или к Мэвис, Сюзан или Джин попить чаю и поговорить про жизнь и про то, как редко теперь Генри спит с ней и как она упустила свой шанс, отказав в свое время клерку, который теперь уже управляющий, затем возвращалась домой и готовила Генри ужин. Потом шла на занятия йогой, составлением букетов, медитацией или керамикой, и наконец забиралась в постель с чувством выполненного долга.

В «один из таких дней» все шло наперекосяк. Хотя она делала то же самое, все валилось из рук. Например, сгорал предохранитель в пылесосе, или забивался сток в раковине, куда попал кусочек морковки. В такие дни пришедшего с работы Генри ждало либо молчание, либо град упреков по поводу его многочисленных ошибок и Недостатков. В такие дни Генри обычно особенно долго гулял с собакой и спал беспокойно, то и дело поднимаясь, чтобы пойти в туалет, сводя этим на нет благотворное действие антисептика, которым Ева посыпала края унитаза, и тем самым давая ей предлог поутру снова наброситься на него с упреками и напоминаниями о всех его недостатках.

– Что же я, черт побери, должен делать? – спросил он однажды. – Если я спускаю воду, ты жалуешься, что я не даю тебе спать, а если я не спускаю воду, ты говоришь, что утром на, все это противно смотреть.

– Да, противно, и, кроме того, зачем это ты смываешь антисептик с боков унитаза? И не отпирайся! Я сама видела. Ты прицеливаешься по кругу, чтобы порошка совсем не осталось. Ты делаешь это специально.

– Если я буду спускать воду, он и так весь смоеется, да еще и ты проснешься, – сказал Уилт, сознавая, что у него действительно, выработалась привычка метиться именно в порошок. Чем-то он ему был противен.

– Почему ты не можешь дождаться утра? И вообще, так тебе и надо, – сказала она, предупреждая его очевидный ответ. – Меньше надо пива пить. Ты должен гулять с Клемом, а не наливать в этой ужасной забегаловке.

– Отлить иль не отлить, вот в чем вопрос, – сказал Уилт, принимаясь за овсянку. – Что ты от меня хочешь? Чтоб я его узлом завязал?

– Какая разница, завяжешь не завяжешь, – с горечью заметила Ева.

– Для меня очень даже большая разница, так что спасибо.

– Я имею в виду нашу интимную жизнь, и ты прекрасно это понимаешь.

– А, ты об этом, – сказал Уилт.

Но так обычно происходило в «один из таких дней».

В ее лучшие дни случалось нечто неожиданное, привносившее в ежедневную рутину новое и будившее в Еве уснувшие было надежды, что каким-то чудесным образом все изменится к лучшему. Именно на таких ожиданиях и зиждилась ее вера в жизнь. Эти смутные надежды были духовным эквивалентом тех мелочей, которые занимали все ее время

и так удручающе действовали на Генри. В ее лучшие дни солнце обычно светило ярче, настроение у Евы было приподнятое, и, обрабатывая мастикой лестницу, она напевала себе под нос «Однажды принц придет ко мне». В такие дни, преисполненные неясных, но прекрасных и возвышенных ожиданий, Еву особенно раздражал вид Генри Уилта, возвращающегося после трудного дня в училище. Генри приходилось самому заботиться об ужине, и, если у него хватало сообразительности, он старался держаться от дома как можно дальше. Именно такими вечерами Генри бывал ближе всего к тому, чтобы действительно убить Еву, а там будь что будет.

* * *

В один из ее лучших дней, по дороге в Общественный центр, Ева натолкнулась на Салли Прингшейм. Эта абсолютно случайная встреча произошла потому, что Ева отправилась в путь не на велосипеде, а пешком, и предпочла Росситер Глоув прямой дороге по Парквью, хотя последняя была на полмили короче. Салли как раз выезжала из ворот на новеньком «мерседесе». Этот факт не ускользнул от внимания Евы, и она понимающе улыбнулась.

– Это же надо, как я неожиданно наткнулась на вас, – сказала она жизнерадостно, когда Салли остановила машину и открыла дверцу.

– Может, вас подвезти? Я еду в город, надо купить что-нибудь легкомысленное для сегодняшнего вечера. К Гаскеллу приезжает шведский профессор из Гейдельберга, и мы собираемся к Ма Танте.

Ева с удовольствием уселась на сиденье, в уме подсчитывая стоимость машины и дома, поражаясь необходимости иметь что-то легкомысленное для посещения Ма Танте (где, как она слышала, даже аперитивы стоят 95 пенсов) и тому, что д-р Прингшейм развлекает приезжающих в Ипфорд шведских профессоров.

– Я собиралась идти пешком, – соврала она. – Генри забрал машину, а сегодня такой чудесный день.

– Гаскелл купил себе велосипед. Он говорит, что так быстрее, да и полезно для фигуры, – сказала Салли, сама не ведая, что тем самым обрекает Генри Уилта еще на одну неприятность. Ева про себя сразу же решила, что Генри должен купить на полицейском аукционе велосипед и ездить на нем на работу и в дождь и в снег. – Я собиралась заглянуть в «Моды Фелисити», посмотреть, нет ли там чесучовых пончо. Я их сама не видела, но мне говорили, что это стоящее дело. Жена профессора Гранта там была и говорит, что у них прекрасный выбор.

– Не сомневаюсь, что это так, – подтвердила Ева, чьи отношения с «Модами Фелисити» ограничивались разглядыванием витрин и недоумением, кто же, черт побери, может позволить себе платья по 40 фунтов. Теперь она это знала. Они въехали в город и оставили машину на многоэтажной стоянке. К этому времени Ева успела узнать очень многое о Прингшеймах. Приехали они из Калифорнии. Салли познакомилась с Гаскеллом, когда добиралась автостопом из Аризоны. До того она жила в Канзасе, но уехала, чтобы пожить в коммуне. У нее были и другие мужчины. Гаскелл ненавидит кошек. У него на них аллергия. Борьба за эмансипацию женщин – нечто большее, чем просто сжечь свой лифчик. Это прежде всего полная поддержка программы достижения превосходства женщин над мужчинами. Любовь – это прекрасно, если не давать задеть себя за живое. Компост они уже

внесли, а сломанный телевизор вынесли. У отца Гаскелла была сеть магазинов, и это было отвратительно. Иметь деньги очень удобно, а на Росситер Глоув тоска смертная. И прежде всего, ебля должна быть в удовольствие, обязательно в удовольствие, с какой бы стороны на это ни посмотреть.

Услышав последнюю сентенцию, Ева вздрогнула. В ее кругу это слово произносили мужчины, нечаянно ударив себя молотком по пальцу. Сама же Ева могла произнести его только в тишине ванной комнаты, причем делала она это с томлением, лишавшим его всякой грубости и наполнявшим такой потенцией, что перспектива хорошего секса становилась наиболее отдаленным и абстрактным из всех ее ожиданий, имевшим мало общего с неловкими телодвижениями Генри изредка рано поутру. Слово, употребленное Салли, подразумевало почти непрерывный процесс, нечто привычное и приятное, придающее жизни новую окраску. Ева с трудом выбралась из машины и в полном шоке последовала за Салли в магазин.

Посещение магазина в обществе Салли стало для Евы подлинным откровением. Манера американки делать покупки отличалась захватывающей решительностью. Там, где Ева хмыкала и ахала, Салли выбирала, а выбрав, двигалась дальше, оставляя не понравившиеся ей вещи брошенными на стульях. Хватала другие, взглянув на них, заявляла с усталой снисходительностью, что это, пожалуй, сгодится, и наконец покинула магазин с грудой коробок, в которых было на двести фунтов чесучовых пончо, шелковых летних пальто, шарфов и блузок. Ева потратила семьдесят фунтов на желтую пляжную пижаму и плащ с широкими отворотами и поясом, в котором, по словам Салли, она была вылитым Гэтсби^[1].

– Теперь нужно купить шляпу, и будет просто блеск, – заметила она, когда они грузили коробки в машину. Они купили мягкую фетровую шляпу и затем выпили кофе в кафе Момбаза, где Салли с длинной тонкой сигарой в руке, перегнувшись через стол, говорила о телесном контакте так громко, что, как заметила Ева, женщины, сидевшие за соседними столиками, перестали разговаривать и начали прислушиваться с явным неодобрением.

– Соски Гаскелла сводят меня с ума, – говорила тем временем Салли. – Он тоже становится просто как бешеный, когда я их сосу.

Ева выпила кофе и прикинула, что бы сказал Генри, если бы ей пришлось в голову сосать его соски. Стал бы как бешеный – это, пожалуй, мягко сказано, и, кроме того, Ева начала сожалеть о потраченных 70 фунтах. Это уж непременно приведет его в бешенство. Генри неодобрительно относился к кредитным карточкам. Но Еве было так хорошо, что даже мысль о его реакции не испортила ей настроение.

– Я думаю, соски играют очень большую роль, – продолжила Салли. Две женщины за соседним столом расплатились и ушли.

– Наверное, – сказала Ева неуверенно. – От моих мне как-то было мало пользы.

– Разве? – удивилась Салли. – Это дело надо исправить.

– Не вижу, что здесь можно сделать, – сказала Ева. – Генри никогда не снимает пижаму, да и моя ночная рубашка мешает.

– Только не говорите мне, что вы спите одетыми. Бедняжка! Еще и ночная рубашка. Господи, как это унижительно для вас? Я хочу сказать, что все это типично для общества, где доминируют мужчины, все эти условности с одеждой. Вы, наверное, страдаете от недостатка прикосновений. Гаскелл говорит, что это еще хуже, чем недостаток витаминов.

– Ну, Генри всегда приходит домой очень усталым, – сказала Ева. – Да и я все время чем-то занята и тоже устаю.

– Меня это ничуть не удивляет, – заметила Салли. – Гаскелл говорит, что усталость у мужчин является следствием их половой неуверенности. У Генри большой или маленький?

– По-разному, – сдавленно промолвила Ева. – Иногда большой, а иногда маленький.

– Я предпочитаю мужчин, у которых маленький, – сказала Салли. – Они так стараются.

Они допили кофе и вернулись к машине, обсуждая пенис Гаскелла и его теорию о том, что в сексуально недифференцированном обществе стимуляция сосков будет играть все возрастающую роль в развитии у мужа осознания его гермафродитной природы.

– Он об этом написал статью, – сказала Салли по дороге домой. – Она называется «Мужчина в роли матери». Ее в прошлом году напечатали в журнале, издаваемом Обществом по изучению недифференцированного секса в Канзасе. Джи делал для них исследование поведения животных. Там же он писал свою диссертацию о смене половых ролей у крыс.

– Наверное, это очень интересно, – сказала Ева неуверенно. Все это впечатляло и, конечно, редкие статьи Генри о слушателях дневного отделения в квартальном журнале «Гуманитарные науки» не могли идти ни в какое сравнение с монографиями д-ра Прингшейма.

– Право, я не знаю. По сути дела, все очевидно. Если вы надолго поместите в одну клетку двух самцов крыс, то рано или поздно у одного из них обязательно разовьются активные тенденции, а у другого пассивные, – устало сказала Салли. – Но Гаскелл просто осатанел. Он считал, что они должны меняться ролями. Джи, он такой. Я ему сказала, что все это глупо. Я сказала: «Джи, радость моя, крысы по сути недифференцированы. Они же не могут делать собственный экзистенциальный выбор». И знаете, что он ответил? «Крысы – это парадигма, крошка. Если ты это запомнишь, ты все поймешь правильно. Крысы – это парадигма». Что вы на это скажете?

– По-моему, крысы просто отвратительны, – сказала Ева не подумав. Салли рассмеялась и положила руку ей на колено.

– О Ева, солнышко, – пробормотала она, – вы такая очаровательно приземленная. Нет, я не повезу вас домой. Мы поедem ко мне, выпьем и пообедаем. Я жуть как хочу посмотреть на вас в этой лимонной пижаме.

И они повернули в сторону Росситер Глоув.

* * *

Если крысы были парадигмой для д-ра Прингшейма, то наборщики из 3-й группы были парадигмой для Генри Уилта, правда, несколько иного сорта. Они сконцентрировали в себе все самое трудное, грубое и кровожадное, что было спецификой дневного отделения, и, более того, эти поганцы считали себя грамотными, поскольку умели читать, а Вольтера идиотом, потому что он заставлял Кандида все делать не так. Занятия в этой группе шли после медсестер и перед перерывом и будили все самое худшее в Уилте. По-видимому, они будили все самое худшее и в Сесиле Уильямсе, которого Уилт вынужден был заменять.

– Он уже вторую неделю болеет, – сказали Уилту ученики.

– Ничего удивительного, – отозвался Уилт. – От вас любой заболит.

– У нас был один дядька, так он отравился газом. Его звали Пинкертон. Он вел у нас семестр и заставлял читать эту книгу, ну, «Джуд Незаметный»^[2]. Ничего книжечка. Про

этого убогого Джуда.

– Я знаю, – заметил Уилт.

– В следующем семестре старичок Пинки не объявился. Он проехал немножко вниз по реке, одел шланг на выхлопную трубу и отравился.

– Я его понимаю, – сказал Уилт.

– Как же так? Он ведь должен был показывать нам пример.

Уилт мрачно разглядывал класс.

– Я убежден, что именно это он и имел в виду, когда покончил с собой. Ну, а теперь займитесь делом и тихонько почитайте, поешьте и покурите так, чтобы никто из административного корпуса не заметил. Мне тут надо кое-что сделать.

– Сделать? Как будто вы знаете, что такое настоящее дело. Вы только и умеете, что сидеть и читать. Это что, по-вашему, работа? Пусть меня застрелят, если это работа, а вы еще и деньги за это получаете...

– Заткнись, – сказал Уилт с неожиданной яростью. – Заткни свою дурацкую пасть.

– Кто это мне указывает? – спросил наборщик.

Уилт хотел сдержаться, но не смог справиться с собой. Этот класс наборщиков был невероятно нагл и самонадеян.

– Я, – заорал он.

– Вы и кто еще? Вы один и мышь не сможете заставить заткнуться, даже если будете этим заниматься весь день.

Уилт поднялся.

– Ах ты, засранец поганый! Ах ты, грязный, сопливый...

* * *

– Должен сказать, Генри, что ожидал от вас большей выдержки, – говорил заведующий гуманитарным отделением час спустя, когда кровь из носа Уилта уже перестала идти, а медсестра заклеила ему бровь лейкопластырем.

– Ну, это вообще не мой класс, они меня достали, насмехаясь над самоубийством Пинкертона. Этого бы не произошло, если бы Уильямс не заболел, – объяснил Уилт. – Как у него занятия в группе наборщиков, так он болеет.

Мистер Моррис уныло покачал головой.

– Мне безразлично, кто они. Просто нельзя допустить, чтобы вы набрасывались на учащихся с кулаками.

– Я? На учащихся? Да я пальцем...

– Ладно, ладно, но ведь вы употребляли оскорбительные выражения. Боб Фенуик вел занятия в соседнем классе, и он слышал, что вы обозвали этого Аллисона поганым засранцем и придурком с грязным умишком. Стоит ли удивляться, что он вас ударил?

– Наверное, вы правы, – сказал Уилт. – Я не должен был выходить из себя. Мне очень жаль.

– Давайте обо всем забудем, – сказал мистер Моррис. – Но запомните, что, если вы хотите получить старшего преподавателя, не стоит оставлять пятна крови на журнале после драки с учащимися.

– Да не дрался я с ним, – сказал Уилт. – Он меня ударил.

– Будем надеяться, что он не пойдет в полицию и не обвинит вас в нападении на него. Только такой рекламы нам не хватало.

– Снимите меня с этой группы, – попросил Уилт. – Я сыт этим зверьем по горло.

* * *

Уилт прошел по коридору в учительскую, взял пальто и портфель. Ему казалось, что его нос увеличился вдвое, а бровь ужасно болела. По дороге к машине он встретил нескольких коллег, но никто не поинтересовался, что с ним случилось. Он вышел из училища незамеченным и сел в машину. Закрыв дверцу, Уилт несколько минут сидел, наблюдая, как рабочие забивают сваи под фундамент нового корпуса. Вверх-вниз, вверх-вниз. Как гвозди в гроб забивают. Когда-нибудь и он будет лежать в гробу, незамеченный и не оцененный при жизни младший преподаватель (второй категории). Совершенно забытый всеми, кроме подонка-наборщика из 3-й группы, который навсегда запомнит день, когда он дал в нос преподавателю гуманитарных наук и это сошло ему с рук. Наверняка будет хвастаться этим перед своими внуками.

Уилт завел машину и поехал в сторону главной магистрали, переполненный отвращением к наборщикам из 3-й группы, техучилищу, жизни вообще и себе в частности. Теперь он понимал террористов, готовых пожертвовать собой ради стоящего дела. Были бы у него бомба и дело, он с восторгом взорвал бы себя и невинных прохожих к чертям собачьим, чтобы доказать хотя бы на миг, что он тоже способен действовать. Но ни бомбы, ни дела у него не было. И поэтому он просто поехал домой, несколько раз нарушив по дороге правила, а приехав, припарковал машину около дома 34 на Парквью. Затем открыл парадную дверь и вошел.

В холле странно пахло. Вроде какими-то духами. Запах был такой тяжелый и сладкий. Он поставил портфель и заглянул в гостиную. Евы дома не было. Он пошел на кухню, поставил чайник и потрогал свой нос. Надо будет посмотреть на него как следует в ванной комнате. Он уже почти поднялся по лестнице, размышляя о том, что эти духи определенно обладают какими-то миазматическими свойствами, как вдруг застыл на месте. В дверях спальни стояла Ева Уилт в ослепительно желтой пижаме, нижняя часть которой напоминала широченные шаровары. Выглядела Ева чудовищно, особенно если учесть, что ко всему прочему она курила длинную тонкую сигару в длинном тонком мундштуке, а губы ее были покрашены ярко-красной помадой.

– Крошка пенис, – пробормотала она хрипло и покачнулась. – Иди же сюда. Я буду сосать твои соски, пока ты не дашь мне кончить орально.

Уилт повернулся и скатился вниз. Сучка напилась. Видно, это был один из ее лучших дней. Даже не выключив чайник, Генри Уилт вышел из дому и снова забрался в машину. Не дожидаясь она, чтобы он дал ей сосать свои соски. На сегодняшний день с него хватит неприятностей.

Ева Уилт спустилась вниз и без большого энтузиазма искала «крошку пениса». Во-первых, ей вовсе не хотелось его найти, во-вторых, у нее не было настроения сосать его соски, и, в-третьих, она хорошо знала, что ей не следовало тратить семьдесят фунтов на пляжную пижаму и плащ, которые она вполне могла купить за тридцатку у Блоудена. Они ей были не нужны, да и вообще она плохо представляла себе, как появится в таком виде на Парквью. Ко всему прочему ее подташнивало.

Все-таки раз он оставил чайник на плите, значит, он где-то здесь. Это было не похоже на Генри – уйти и оставить чайник. Ева заглянула в комнату для отдыха. До обеда, пока Салли не назвала свою гостиную комнатой для отдыха, она тоже была гостиной. Она заглянула в столовую и даже в сад, но Генри как сквозь землю провалился, забрав с собой машину и Евины надежды на то, что сосание сосков придаст новый смысл их браку и покончит с дефицитом телесного контакта. Наконец она прекратила поиски, заварила себе чай и уселась на кухне, размышляя, что же, черт побери, заставило ее выйти замуж за такую шовинистическую свинью, как Генри Уилт, который не поймет, что такое хороший секс, даже если ему покажут таковой через увеличительное стекло, и для которого идея изысканного вечера сводится к кэрри из цыпленка в индийском ресторане и «Королю Лиру» в Гилдхолле. Почему она не вышла замуж за кого-нибудь вроде Гаскелла Прингшейма, который развлекает шведских профессоров у Ма Танте и осознает значение стимуляции клитора как необходимого чего-то-там-такого для действительно удовлетворяющего взаимного проникновения? Многие до сих пор находят ее привлекательной. Например Патрик Моттрам и Джон Фрост, который преподает ей керамику, да и Салли сказала, что она очаровательна. Ева сидела, уставившись в пространство между сушкой для посуды и миксером, который Генри подарил ей на Рождество, и думала о том, как странно смотрела на нее Салли, когда она переодевалась в лимонную пижаму. Салли стояла в дверях своей спальни с сигарой во рту, следя за движениями Евы чувственным оценивающим взглядом, вогнавшим Еву в краску.

– Дорогая, у вас такое приятное тело, – сказала она, когда Ева быстро повернулась, чтобы спрятать дырки на трусиках, и торопливо надела пижамные брюки. – Нельзя, чтобы все это богатство пропадало.

– Вы правда считаете, что мне идет?

Но Салли уже внимательно разглядывала Евину грудь.

– Крошка с сиськами, – пробормотала она. Грудь у Евы были очень большими, и Генри, в один из его не самых лучших моментов, сказал что-то о вымени ада, вызывающем судьбу тому, кому оно принадлежит. Салли дала Евиному бюсту более высокую оценку и настояла, чтобы Ева сняла бюстгальтер и сожгла его. Они спустились в кухню и выпили по рюмочке теквилы, затем положили лифчик вместе с веточкой остролиста на поднос, и Салли полила все коньяком и подожгла. Им пришлось вынести поднос в сад, потому что запах был просто ужасен, да и дыма было полно. Там они улеглись на траву и хохотали, пока все это тлело. Вспоминая сейчас об этом, Ева испытывала чувство сожаления. Бюстгальтер был хороший, эластичный и призванный, согласно телевизионной рекламе, придавать женщине уверенность в тех местах, где она больше всего в этом нуждается. Но Салли сказала, что сжечь его – ее долг перед собой, как свободной женщиной, и после двух рюмок

у Евы не было настроения сопротивляться.

– Ты должна чувствовать себя свободной, – сказала Салли. – Свободной быть. Свободной быть.

– Свободной быть кем? – спросила Ева.

– Самой собой, дорогая, – прошептала Салли и ласково дотронулась до нее в таком месте, что будь Ева трезвее и не в таком приподнятом настроении, она решительно отвергла бы его как определение самой себя. Они снова вернулись в дом и пообедали смесью теквилы, салата и домашнего сыра, что совсем не удовлетворило Еву, чей аппетит мог сравниться только с ее страстью к новым знакомствам. Она было намекнула об этом Салли, но Салли пренебрежительно отнеслась к идее плотно есть три раза в день.

– С точки зрения калорий, вредно есть пищу с высоким содержанием крахмала, – сказала она. – Важно не то, сколько ты ешь, а что. Секс и еда, радость моя, очень похожи. Лучше сорок раз по разу, чем один раз сорок раз. – Она налила Еве еще одну рюмку теквилы, настояла, чтобы она откусила кусочек лимона перед тем как опрокинуть рюмку, и помогла ей подняться наверх в большую спальню с большим зеркалом над большой кроватью.

– Самое время для КТ. – сказала она, опуская жалюзи.

– Ка те, – пробормотала Ева.

– Касательная терапия, дорогая, – сказала Салли и мягко толкнула Еву на постель. Ева Уилт уставилась на свое отражение в зеркале: большая женщина, нет, две большие женщины в желтых пижамах на большой кровати, большой кровати алого цвета; две большие женщины без желтых пижам на большой кровати алого цвета; четыре голые женщины на большой кровати алого цвета.

– Нет, Салли, не надо.

– Прелесть моя, – сказала Салли и заглушила ее протесты орально. Это были какие-то совершенно новые ощущения, которые, впрочем, Ева мало запомнила. Она уснула еще до того, как касательная терапия дала какой-то эффект. Когда она проснулась часом спустя, то обнаружила Салли уже полностью одетой и стоящей у постели с чашкой кофе в руках.

– Господи, как мне плохо, – сказала Ева, имея в виду не только свое физическое состояние, но и моральное тоже.

– Выпей, и ты почувствуешь себя лучше.

Ева выпила кофе и оделась под аккомпанемент объяснений Салли, что послеконтактная запретительная депрессия является совершенно естественной реакцией на первый сеанс касательной терапии.

– После нескольких сеансов тебе все будет казаться вполне само собой разумеющимся. Может быть, сначала потеряешь контроль над собой и будешь рыдать и кричать, зато потом почувствуешь необыкновенную свободу и облегчение.

– Вы так думаете? Не знаю, право.

Салли отвезла ее домой.

– Вы с Генри обязательно должны прийти к нам на вечеринку в четверг, – сказала она. – Я уверена, что крошка Джи будет рад вас видеть. Он тебе понравится. Он обожает грудь. Он будет от тебя без ума.

– Говорю тебе, она была пьяна в стельку, – сказал Уилт, сидя на кухне в доме Питера Брейнтри, пока хозяин открывал для него бутылку пива. – Пьяна в стельку, и к тому же на ней была жуткая желтая пижама, и она курила сигару в длинном мундштуке.

– А что она говорила?

– Ну, если хочешь знать, она говорила: «Иди сюда...» Нет, это чересчур. У меня был совершенно ужасный день в училище. Моррис сказал, что меня так и не назначат старшим преподавателем. Уильямс опять болеет, и я лишен своего свободного часа. Мне дал по физиономии верзила из группы наборщиков, а дома меня встречает пьяная жена и называет «крошкой пенисом».

– Она тебя так назвала? – переспросил Питер Брейнтри, уставившись на Генри.

– Ты же слышал, что я сказал.

– Ева назвала тебя «крошкой пенисом»? Не может быть!

– Что ж, ты имеешь шанс пойти туда и послушать, как она назовет тебя, – сказал Уилт с горечью. – И не говори потом, что я виноват, если она, пока в настроении, пососет твои соски орально.

– Бог мой? Это что же, она тебе этим угрожала?

– Этим и кое-чем еще, – ответил Уилт.

– Это не похоже на Еву. Совсем не похоже.

– Она, бля, и внешне не была на себя похожа, если уж говорить правду. Она была выряжена в какую-то дикую желтую пляжную пижаму. Этот цвет надо видеть. Лютик перед ним меркнет. А рот у нее был весь вымазан отвратительной ярко-красной помадой, и она курила... Она уже шесть лет как бросила курить, и потом вся эта бредятина насчет «крошки пениса» и сосания сосков. Учти, орально.

Питер Брейнтри покачал головой.

– Какое пакостное слово, – заметил он.

– Если хочешь знать мое мнение, то, что оно подразумевает, не менее пакостно, – заметил Уилт.

– Все это звучит по меньшей мере странно, – заметил Брейнтри. – Один Бог знает, что бы я стал делать, если бы Сьюзан, явившись домой, стала бы настаивать на сосании моих сисек.

– Сделай то же, что и я. Убирайся из дому, – сказал Уилт. – Кроме того, дело не только в сосках. Черт побери, мы женаты уже долгих двенадцать лет. Маленько поздновато уже начинать всю эту оральную чушь. Дело в том, что она помешалась на сексуальной эмансипации. Вчера она явилась домой с занятий икебаной у Мэвис Моттрэм, разглагольствуя о клиторальной стимуляции и свободном сексуальном выборе для обеих сторон.

– Свободном что?.

– Сексуальном выборе. Может, я что не так понял. Знаю только, что про сексуальный выбор там было. Я как-то не совсем тогда еще проснулся.

– Где, черт возьми, она всего этого набралась? – спросил Брейнтри.

– У проклятой янки, которую зовут Салли Прингшейм, – ответил Уилт. – Ты же знаешь Еву. Она способна за милю унюхать заумную бредятину и устремиться туда, как навозный жук, учуявший открытый канализационный люк. Ты представления не имеешь, со сколькими дурацкими «новыми идеями» мне пришлось познакомиться. Ну, с большинством из них я способен ужиться. Ей свое, мне свое. Но если речь идет об оральном участии под ее вопли о

женской эмансипации, то тут уж, пожалуйста, увольте.

– Чего я никак не могу понять, так это почему нам, чтобы добиться сексуальной свободы и женской эмансипации, нужно вновь стать животными, – сказал Брейнтри. – Откуда эта вздорная идея, будто ты должен быть все время страстно влюблен?

– Мартышки, – заметил Уилт угрюмо.

– Мартышки? Почему мартышки?

– Вся эта ерунда насчет поведения животных. Мол, если животные так поступают, то и люди должны. Ты ставишь все с ног на голову и, вместо того чтобы возвыситься, ты оказываешься отброшенным на миллион лет назад. Следуешь напрямик за орангутаном. Эгалитаризм самого низшего пошиба.

– Я все же не совсем понимаю, при чем здесь секс, – сказал Брейнтри.

– Я тоже, – сказал Уилт.

Они отправились в таверну «Поросенок в мешке» и напились.

* * *

Была уже полночь, когда Уилт добрался домой. Ева спала. Уилт тихонько пробрался в постель и долго лежал в темноте, размышляя о высоком содержании гормонов.

* * *

Прингшеймы вернулись к себе на Росситер Глоув от Ма Танте усталыми и раздраженными.

– Нет ничего зануднее шведов. – заявила Салли, раздеваясь.

Гаскелл сел и уставился на свои ботинки.

– Унгсторм в порядке. Его только что бросила жена, ушла к физику, специалисту по низким температурам из Кембриджа. Он не всегда такой подавленный.

– Никогда бы не догадалась. Кстати о женах. Я тут познакомилась с такой неэмансипированной женщиной – я подобных просто не встречала. Зовут Ева Уилт. У нее сиськи, как дыни.

– Не надо, – сказал доктор Прингшейм. – Меньше всего мне сейчас требуются неэмансипированные жены с большими сиськами. – Он забрался в постель и снял очки.

– Я ее сегодня здесь имела.

– Имела?

Салли улыбнулась.

– Гаскелл, солнышко, у тебя поганый умишко.

Гаскелл Прингшейм близоруко улыбнулся своему отражению в зеркале. Он гордился своим умом.

– Просто я тебя знаю, любовь моя, – сказал он. – Знаю все твои маленькие причуды. Кстати о причудах. Что это за коробки в комнате для гостей? Надеюсь, ты не тратила деньги? Ты же знаешь, что у нас в этом месяце...

Салли улеглась в постель.

– Деньги-меньги, – сказала она. – Я отошлю все завтра назад.

– Все?

– Ну, не все, так большую часть. Надо же мне было произвести впечатление на эту крошку с сиськами.

– Для этого совершенно необязательно скупать полмагазина.

– Гаскелл, солнышко, дай мне закончить, – сказала Салли. – Она же маньяк, прелестный, очаровательный, одержимый маньяк. Она не в состоянии посидеть ни минуты, чтобы что-нибудь не чистить, прибираться, драить или стирать.

– Нам только и не хватает в доме еще одной одержимой женщины. Кому нужны две?

– Две? Разве я маньяк?

– С моей точки зрения, маньяк, – ответил Гаскелл.

– Но у той есть сиськи, крошка, понимаешь, сиськи. Короче, я пригласила их на вечеринку в четверг.

– Какого черта?

– Ну, я тебя сто раз просила купить мне посудомоечную машину, но воз и ныне там. Поэтому я решила раздобыть ее себе сама. Такую симпатичную старательную маниакальную посудомоечную машину с сиськами.

– Господи, – вздохнул Гаскелл. – Ну и сучка же ты.

* * *

– Генри Уилт, – сказала Ева на следующее утро, – ты зануда. – Генри сидел в постели. Чувствовал он себя просто ужасно. Нос болел еще сильнее, чем накануне, голова разламывалась, и он провел полночи, смывая антисептик со стенок унитаза. Его настроение не улучшилось от того, что его разбудили и обозвали занудой. Он взглянул на часы. Было уже восемь, а в девять у него были занятия в группе каменщиков. Он вылез из постели и двинулся в ванную комнату.

– Ты слышал, что я сказала? – спросила Ева, тоже выбираясь из постели.

– Слышал, – ответил Уилт и тут увидел, что она голая. Голая Ева Уилт в восемь часов поутру представляла собой почти такое же душераздирающее зрелище, как и пьяная Ева Уилт в пижаме лимонного цвета и с сигарой в зубах в шесть часов вечера. – Какого черта ты ходишь здесь в таком виде?

– Кстати о виде. Что это с твоим носом? Наверное, ты напился и грохнулся. Он весь красный и распухший.

– Он действительно красный и распухший. И чтоб ты знала, я вовсе не грохнулся. Теперь, Христа ради, не путайся под ногами. У меня лекция в девять.

Он протиснулся мимо нее, прошел в ванную комнату и посмотрел на свой нос.

Вид у него был ужасный. Ева вошла следом за ним.

– Если ты не падал, то что же тогда случилось? – настойчиво спросила она.

Уилт выдавил пену из тюбика и осторожно размазал ее по подбородку.

– Ну? – спросила Ева.

Уилт взял бритву и подставил ее под струю горячей воды.

– Несчастный случай, – сказал он.

– Не иначе как столкновение со столбом. Так я и знала, что ты пьянствовал.

– С наборщиком, – невнятно сказал Уилт и начал бриться.

– С наборщиком?

– Вернее, меня ударил по лицу один особо задиристый ученик-наборщик.

Ева уставилась на его отражение в зеркале.

– Ты что, хочешь сказать, что студент ударил тебя при всех?

Уилт кивнул.

– Надеюсь, ты дал ему сдачи.

Уилт порезался.

– Нет, черт побери, – сказал он, пытаясь остановить кровь. – Ну вот, посмотри, что из-за тебя произошло.

Ева на жалобу внимания не обратила.

– Ты должен был дать ему сдачи. Ты не мужчина.

Уилт положил бритву.

– Меня бы уволили. Да еще поволокли бы в суд, обвинив в нападении на студента. Прекрасная идея, ничего не скажешь.

Он взял губку и вымыл лицо.

Ева отступила в спальню, удовлетворенная исходом спора. Теперь о пижаме лимонного цвета будет забыто. Она выбросила из головы терзания о своем маленьком расточительстве, заменив их чувством обиды, которое на время полностью вытеснило все другие мысли. К моменту, когда она закончила одеваться. Генри съел свою овсянку, выпил полчашки кофе и уже мучился в автомобильной пробке у поворота. Ева спустилась вниз, приготовила свой завтрак и приступила к ежедневной уборке, чистке, стирке, обработке порошком и т. д.

* * *

– Следование целостному подходу, – говорил доктор Мейфилд, – является неотъемлемой частью...

Шло заседание Объединенного комитета по развитию гуманитарных наук. Уилт ерзал в своем кресле, мечтая оказаться в другом месте. Доклад доктора Мейфилда «Знания учащихся и внешкольные занятия» был ему совершенно неинтересен и, кроме того, был настолько закручен и монотонен, что Уилт с трудом удерживался, чтобы не уснуть. В окно ему хорошо видны были машины, работающие на строительстве нового административного корпуса. Контраст между практической деятельностью на улице и абстрактными теориями доктора Мейфилда был разительным. Если доктор действительно рассчитывал, что ему удастся внушить какие бы то ни было знания газетчикам из 3-й группы, то он наверняка не в своем уме. Хуже того, его проклятый доклад неизбежно вызовет споры об учебных часах. Уилт посмотрел вокруг. Здесь были представлены все фракции: новые левые, левые, старые левые, независимый центр, культурные правые и реакционные правые.

Себя Уилт считал независимым. В молодые годы он принадлежал политически к левым, а в культурном отношении к правым. Иными словами, он был против атомной бомбы, за аборт и ликвидацию частной системы обучения и против смертной казни, чем заслужил себе репутацию радикала. В то же время Уилт поддерживал идею возвращения ремесел колесного мастера, кузнеца и ручного ткачества, что немало мешало попыткам техучилища привить своим студентам любовь к достижениям современной технологии. Время и непримиримая грубость штукатуров внесли свои коррективы. Идеалы Уилта испарились, а

вместо них возникло убеждение, что человеку, который сказал, что перо сильнее меча, прежде чем открыть рот, следовало бы попытаться прочесть «Мельница на Флоссе»^[3] в 3-й группе механиков. По мнению Уилта, меч в этом случае подошел бы куда больше.

Пока зудел доктор Мейфилд и шли глубокомысленные споры по поводу расписания, Уилт изучал ямы под сваи на строительной площадке. Они превосходно подходили для того, чтобы спрятать там тело. К тому же будет приятно сознавать, что Ева, столь невыносимая при жизни, после смерти будет держать на себе вес многоэтажного здания. Кроме того, ее практически невозможно будет разыскать, а уж об опознании не сможет быть и речи. Даже Еве, которая любила похвастаться своей крепкой конституцией и еще более крепкой волей, вряд ли удастся сохранить свои отличительные черты на дне такого шурфа. Главная трудность заключалась в том, как ее туда, в эту дыру, засунуть. Поначалу казалось, что можно воспользоваться снотворными таблетками, но у Евы был прекрасный сон, и она не верила ни в какие таблетки. «Хотел бы я знать почему, – мрачно подумал Уилт. – Ведь она готова поверить практически во все остальное».

Его размышления были прерваны возгласом мистера Морриса, объявившего собрание закрытым.

– Прежде чем мы разойдемся, – сказал он, – я хотел бы коснуться еще одного вопроса. Заведующий инженерной кафедрой обратился к нам с просьбой организовать курс лекций о современном обществе для практикантов-пожарников. Я составил список тем и преподавателей, которые будут читать эти лекции.

Мистер Моррис раздал темы как Бог на душу положит. Майору Милфилду достались средства массовой информации, связь и демократия, о которых он ничего не знал и знать не хотел. Питер Брейнтри получил новую животную чувственность в архитектуре, ее происхождение и социальные признаки, а Уилт – насилие и развод. В конечном итоге он посчитал, что ему еще повезло. Тема была весьма созвучна его сегодняшнему настроению. По-видимому, мистер Моррис был того же мнения.

– Мне подумалось, что эта тема может вас заинтересовать после вчерашнего маленького эпизода с наборщиками, – сказал он, когда они выходили. Уилт вяло улыбнулся и отправился во 2-ю группу слесарей и наладчиков. Он дал им читать «Шейна», а сам занялся подготовкой тезисов своей будущей лекции. Он слышал шум машин, бурящих шурфы. Уилт представил себе Еву, лежащую на дне ямы, и бетон, льющийся сверху на пиджаму лимонного цвета. Мысль была приятной и помогала ему в работе. Он придумал название: преступление в семье, подзаголовок: убийство одного из супругов, падение уровня преступности после введения законов о разводе.

Да, ему будет о чем побеседовать с практикантами-пожарниками.

– Терпеть не могу вечеринки, – говорил Уилт вечером в четверг. – Если и есть еще что-то хуже вечеринок, так это университетские тусовки, а которые с выпивкой, те самые мерзкие. Ты приносишь с собой бутылку приличного бургундского, а кончается тем, что пьешь чье-то жуткое пойло.

– Это не просто вечеринка, – сказала Ева, – это пикник.

– Здесь сказано «Приходи и прикоснись; вечер с Салли и Гаскеллом в 21.00 в четверг. Приноси свою амброзию или рискни отведать прингшеймовский пунш и что Бог пошлет еще». Если под амброзией не подразумевается алжирская затхлая вода, то я не знаю, что это такое.

– Я думала, ее мужики пьют, чтобы член стоял, – заметила Ева.

Уилт взглянул на нее с глубоким отвращением.

– Изысканных фраз ты набралась от этих новых знакомых. Член стоял! Не представляю, что это взбрело тебе в голову.

– Конечно, не представляешь. Где уж тебе! – сказала Ева, направляясь в ванную. Уилт сел на кровать и стал разглядывать приглашение. Отвратительная карточка имела форму... Какую же она, черт побери, имела форму? Так или иначе, она была розового цвета и открывалась снаружи вовнутрь, и там были эти двусмысленные слова. Приходи и прикоснись. Пусть только кто-нибудь его коснется, он мм скажет, что он о них думает. И еще это, насчет «что Бог пошлет еще»? Сборище согбенных ученых мужей, покурывающих травку и рассуждающих о теории систем для манипулирования данными или значениями допопперовского гегельанизма для современной диалектической обстановки, или еще о чем-то столь же нечленораздельном и время от времени вставляющих слова из трех букв, чтобы доказать, что ничто человеческое им не чуждо?

– А вы чем занимаетесь? – спросят они его.

– Ну вообще-то я преподаю в техучилище.

– В техучилище? Надо же, как интересно, – глядя поверх его плеча в им только понятные вдохновляющие горизонты, и он вынужден будет провести вечер в обществе какой-нибудь страхолюдной бабы, твердо убежденной, что техучилище, приносит реальную пользу, что интеллектуальные достижения в значительной степени переоцениваются и что людей следует ориентировать на умение жить в обществе, а ведь техучилища именно этим и занимаются, не так ли? Уилт-то знал, чем занимаются техучилища. Платят таким как он 3500 фунтов в год, чтобы они заставляли газовщиков вести себя тихо в течение часа.

– Что же, черт возьми, мне надеть?

– У тебя есть мексиканская рубашка, которую ты купил в прошлом году в Коста дель Сол, – отозвалась Ева из ванной. – У тебя как раз не было повода ее надеть.

– И сейчас не собираюсь, – пробормотал Уилт, копаясь в ящиках в поисках чего-нибудь неброского, способного продемонстрировать его независимость. В конце концов он надел полосатую рубашку и джинсы.

– Надеюсь, ты не собираешься идти в таком виде? – спросила Ева, появляясь из ванной в полуголом виде. Лицо ее было покрыто толстым слоем пудры, а губы накрашены помадой карминного цвета.

– Бог ты мой, – поразился Уилт. – Марди Гра, умирающая от злокачественной анемии.

Отпихнув его в сторону, Ева прошла мимо.

– Я буду Великим Гэтсби, – возвестила она. – И если бы у тебя было побольше воображения, ты придумал бы что-нибудь поинтереснее будничной рубашки и голубых джинсов.

– Между прочим, – заметил Уилт, – Великий Гэтсби был мужчиной.

– Ну и черт с ним, – сказала Ева и надела желтую пижаму.

Уилт прикрыл в изнеможении глаза и снял рубашку. Когда они наконец вышли из дома, на нем была красная рубашка и джинсы, а Ева, несмотря на теплую погоду, напялила новый плащ и фетровую шляпу.

– Лучше пойдем пешком, – сказал Уилт.

Они поехали на машине. Ева была еще не готова к тому, чтобы шествовать по Парквью в фетровой шляпе, плаще с поясом и желтой пижаме. По дороге они заехали в магазинчик, где Уилт купил бутылку красного кипрского вина.

– Не думай, что я буду пить эту мерзость. – сказал он. – И лучше возьми ключи от машины. Если эта вечеринка оправдает мои худшие ожидания, я рано уйду домой.

Они оправдались. Даже более того. В своей красной рубашке и голубых джинсах Уилт выглядел белой вороной.

– Ева, дорогая, – сказала Салли, когда они наконец нашли ее, беседующей с мужчиной в набедренной повязке, сделанной из кухонного полотенца с рекламой ирландских сыров, – ты выглядишь потрясающе. Стиль 20-х годов тебе к лицу. А вы, конечно, Генри, тоже в костюме. – Генри совсем не хотел, чтобы с ним фамильярничали. – Генри, познакомьтесь с Рафаэлем.

Мужчина в набедренной повязке внимательно разглядывал джинсы Уилта.

– Видать, 50-е вернулись, – сказал он апатично. – Наверное, так и должно было быть.

Уилт уставился на рекламу сыра и попытался улыбнуться.

– Угощайтесь. Генри. – сказала Салли и повела Еву знакомиться с самой эмансипированной женщиной, которой не терпелось увидеть крошку с сиськами. Уилт пошел в сад, поставил свою бутылку на стол и поискал глазами штопор. Такового не оказалось. В конце концов он заглянул в большое ведро, из которого торчала поварешка. Пол-апельсина и детали изуродованного персика плавали в пурпурного цвета жидкости. Он налил себе пунша в бумажный стаканчик и осторожно попробовал. Как он и ожидал, по вкусу напиток напоминал сидр, смешанный с метиловым спиртом и раздавленным апельсином. Уилт посмотрел по сторонам. В одном углу сада мужчина в поварском колпаке и штанах на помочах жарил, вернее, жег сосиски на жаровне с углями. В другом углу десяток человек улеглись кружком на траве, слушая уотергейтские пленки. Было также несколько пар, углубившихся в беседу, и еще некоторое число индивидуумов, стоявших сами по себе с надменным и отрешенным видом. Уилт узнал в них себя и потому приглядел самую несимпатичную девицу, исходя из теории, что лучше брать быка за рога: в конце концов он все равно неизбежно окажется именно в ее обществе.

– Приветик, – сказал он, сознавая, что следом за Евой переходит на американский. Девица бросила на него пустой взгляд и гордо удалилась.

– Очаровательно, – сказал Уилт и прикончил пунш. Десять минут и еще два стаканчика спустя он втянулся в оживленное обсуждение беглого чтения с толстеньким человечком маленького роста, которого эта тема, судя по всему, очень волновала.

В это время Ева резала на кухне французскую булку, а Салли, со стаканом в руках, беседовала о Леви Стросе^[4] с эфиопом, который только что вернулся из Новой Гвинеи.

– Я всегда чувствовала, что у Леви Строса не все в порядке по части женщин, – говорила она, лениво разглядывая Евин зад. – Я имею в виду, что он пренебрегает врожденным сходством... – Она замолчала и взглянула в окно. – Простите, я на минутку, – сказала она и отправилась вызволять доктора Шеймахера из клещей Генри Уилта. – Эрнст такая душка, – сказала она, вернувшись. – Просто невозможно поверить, что он получил Нобелевскую по сперматологии.

Уилт стоял в центре сада, допивая третий по счету стакан. Он налил себе четвертый и направился послушать уотергейтские записи. Он подошел как раз вовремя, чтобы услышать заключительную фразу.

– В хитрюге Дике^[5] гораздо легче разобраться квадрофоническим способом, – заметил кто-то, и все разошлись.

– С очень одаренным ребенком должны быть особые взаимоотношения. Мы с Роджером обнаружили, что для Тонио лучше всего конструктивный подход.

– Все это куча дерьма. Только послушайте хотя бы, что он говорит о квазарах...

– Честно, я не понимаю, что такого плохого в подслушивании.

– Плевать я хотел на то, что Марккьюз говорит о терпении. Я утверждаю, что...

– При температуре минус 250° водород...

– У Баха есть свои плюсы, наверное, но у него есть и свои минусы...

– Мы купили этот дом в Сент-Троп...

– И все же я думаю, что Калдор был пра...

Уилт допил свой четвертый стакан и пошел искать Еву. С него было достаточно. Его остановил окрик мужчины в поварском колпаке.

– Бургеры готовы. Подходите и берите.

Уилт, спотыкаясь, подошел и взял. Две сосиски, обгоревший бифбургер и кучка рубленой капусты на бумажной тарелке. Ни ножей ни вилок не было видно.

– Бедный Генри кажется таким одиноким, – сказала Салли. – Пойду-ка вдохну в него жизнь.

Она вышла в сад и взяла Уилта под руку.

– Вам так повезло с Евой. Она такая прелестная крошка.

– Ей тридцать пять, – пьяным голосом сказал Уилт. – Тридцать пять и ни днем меньше.

– Чудесно встретить человека, который говорит что думает, – сказала Салли и взяла кусочек бифбургера с его тарелки, – Гаскелл никогда ничего не говорит прямо. Люблю людей, стоящих на земле обеими ногами. – Она уселась на траву и усадила рядом с собой Уилта. – Полагаю, очень важно, чтобы два человека говорили друг другу правду, – продолжила она, отламывая еще кусочек бифбургера и засовывая его в рот Уилту. Она медленно облизала пальцы и посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Уилт через силу прожевал кусок и наконец проглотил его. По вкусу кусок напоминал горелый фарш с привкусом французских духов. Или, может, целого букета.

– Почему два? – спросил он, уничтожая привкус во рту с помощью капусты.

– В каком смысле, почему два?

– Почему два человека? – сказал Уилт. – Почему важно, чтобы два человека говорили друг другу правду?

– Ну, я имела в виду...

– Почему не три? Или четыре? Или сто?

– У ста человек не может быть взаимоотношений. По крайней мере, интимных, – сказала Салли, – значимых.

– Я знаю не так уж много пар, способных на это, – сказал Уилт. Салли потрогала пальцем его капусту.

– Ну как же так? У вас с Евой все бывает по-настоящему.

– Довольно редко, – сказал Уилт. Салли засмеялась.

– О крошка, вы такая правдивая крошка, – сказала она, поднимаясь, чтобы принести еще две порции выпивки. Уилт посмотрел на свой стакан с сомнением. Похоже, он уже здорово набрался.

– Если я правдивая крошка, то какая крошка вы, крошка? – спросил он, стараясь, чтобы в последней «крошке» прозвучало не только презрение, но и нечто большее. Салли уютно прижалась к нему и зашептала на ухо.

– Я крошка, у которой есть тело, – сказала она.

– Это я вижу, – сказал Уилт. – И к тому же очень миленькое тельце.

– Это самое приятное из всего, что мне кто-либо когда-нибудь говорил, – сказала она.

– В этом случае, – заметил Уилт, схватив почерневшую сосиску, – у вас, вероятно, было тяжелое детство.

– Между прочим, так оно и было, – сказала Салли, отнимая у него сосиску. – Именно поэтому у меня сейчас такая большая потребность в любви. – Она засунула большую часть сосиски себе в рот, затем медленно вытащила ее и откусила кончик. Уилт покончил с капустой и запил ее прингшеймовским пуншем.

– Ну не ужасны ли они все? – спросила Салли, повернув голову на шум и смех в углу сада у жаровни.

Уилт тоже посмотрел.

– Между прочим, да, – сказал он. – А кто этот клоун в помочах?

– Это Гаскелл. Он так увлечен. Он обожает всякие игры. В Штатах он просто обожал кататься на подножке тепловоза и ходить на родео, а на прошлое Рождество он хотел нарядиться Дедом Морозом, отправиться к универмагу и там раздавать подарки. Конечно, никто ему этого не позволил.

– Это неудивительно, особенно если он отправился туда в этих помочах, – сказал Уилт. Салли расхохоталась.

– Вы, наверное. Овен, – сказала она. – У вас что на уме, то и на языке. – Она встала и потянула Уилта за собой. – Я хочу показать вам его игрушки. Это так забавно.

Уилт поставил тарелку, и они вошли в дом. На кухне Ева чистила апельсин для фруктового салата и беседовала с эфиопом об обряде обрезания. Эфиоп помогал ей резать бананы. В гостиной несколько пар энергично танцевали спина к спине под музыку 5-й симфонии Бетховена на скорости 78 оборотов.

– Бог мой, – сказал Уилт, увидав, как Салли вытащила бутылку водки из буфета. Они поднялись вверх и по небольшому коридорчику прошли в маленькую спальню, наполненную игрушками. На полу была разложена детская железная дорога, были там и боксерская груша, и огромный плюшевый медведь, и лошадь-качалка, и шлем пожарного, и

надувная кукла в натуральную величину, как две капли воды похожая на настоящую женщину.

– Это Джуди, – представила ее Салли. – У нее самая настоящая п...а. Гаскелл просто помешан на пластике. – Уилт поморщился. – Это все его игрушки. Настоящий ребенок, только достигший половой зрелости.

Уилт оглядел комнату со всем ее содержимым и покачал головой.

– Такое впечатление, что он наверстывает упущенное в детстве, – заметил он.

– О Генри, вы такой проникательный, – сказала Салли, отвинчивая пробку с бутылки с водкой.

– Вовсе нет. Все и так чертовски очевидно.

– Нет, правда. Вы просто ужас какой скромный, вот и все. Скромный, робкий и мужественный. – Она отпила глоток из горлышка и передала бутылку Уилту. Он нерешительно отпил глоток и с трудом проглотил. Салли заперла дверь и уселась на кровать, потянув Уилта за собой.

– Трахни меня. Генри, крошка, – сказала она и задрала юбку. – Трахни меня так, лапочка, чтобы трусики слетели.

– Это будет непросто, – сказал Уилт.

– Да? А почему?

– Ну, во-первых, похоже, что на вас и нет трусиков, а потом, почему я должен это делать?

– Тебе нужен повод? Чтоб трахнуть?

– Да. – твердо сказал Уилт. – Нужен.

– Повод-довод. Чувствуй себя свободно. – Она притянула его и поцеловала. Чего-чего, а уж свободным Уилт себя точно не чувствовал. – Крошка, да не робей!

– Робей? – переспросил Уилт. – Это я робею?

– Конечно, ты робеешь. Ну ладно, я знаю у тебя маленький. Ева мне говорила...

– Маленький? Что вы имеете в виду под маленьким? – заорал Уилт в негодовании.

Салли подарила ему улыбку.

– Не имеет значения. Не имеет значения. Ничего не имеет значения. Только ты и я и...

– Очень даже имеет значение, – огрызнулся Уилт. – Моя жена сказала, что у меня маленький. Вот я покажу этой глупой сучке, у кого маленький. Я покажу...

– Покажи мне. Генри, крошка. Я обожаю маленькие. Ну, иди сюда, скорей.

– Это неправда, – пробормотал Уилт.

– Тогда докажи, любовь моя, – сказала Салли, прижимаясь к нему.

– Не буду, – сказал Уилт и встал.

Салли перестала извиваться и взглянула на него.

– Ты просто боишься, – заявила она. – Ты просто боишься быть свободным.

– Свободным? Свободным? – закричал Уилт, пытаясь открыть дверь. – Быть запертым с чужой женой в комнате, это, по-вашему, свобода? Шутить изволите.

Салли опустила юбку и села.

– Не хочешь?

– Не хочу, – ответил Уилт.

– Может, ты стесняешься? Ты скажи. Я привыкла к стеснительным. Гаскелл тоже...

– Да нет же, – сказал Уилт. – И я не хочу ничего знать про Гаскелла.

– Ты хочешь минет? Хочешь, чтобы я сделала тебе минет? – Она встала с кровати и

направилась к Уилту. Он дико посмотрел на нее.

– Не трогайте меня, – закричал он. – Я ничего от вас не хочу.

Салли остановилась, уставившись на него. Она больше не улыбалась.

– Почему? Потому что у тебя маленький? Поэтому?

Уилт отступил поближе к двери.

– Нет, не поэтому.

– Потому что у тебя не хватает мужества следовать своим инстинктам? Потому что ты психический девственник? Потому что ты не мужчина? Потому что ты не способен взять женщину, умеющую думать?

– Думать? – завопил Уилт, разобиженный пред положением, что он не мужчина. – Думать? Это вы-то думаете? Если хотите знать, я предпочту вам эту пластиковую механическую куклу. У нее в мизинце больше сексуальности, чем во всем вашем поганом теле. Когда мне будет нужна шлюха, я ее себе куплю.

– Ах ты, говнюк, – сказала Салли и изо всех сил толкнула его. Уилт полетел в сторону и столкнулся с боксерской грушей. Затем он поскользнулся на железной дороге и кубарем покатился по комнате. Когда он упал на пол у стены, Салли взяла куклу и наклонилась над ним.

* * *

В кухне Ева, покончив с фруктовым салатом, принялась варить кофе. Вечеринка была просто великолепной. Мистер Осева поведал ей все о своей работе в качестве младшего клерка по культурным делам в ЮНЕСКО и о том, насколько ему эта работа нравилась. Ее дважды мимоходом поцеловал сзади в шею доктор Шеймахер, а мужчина в набедренной повязке с ирландскими сырами прижался к ней куда плотнее, чем требовалось для того, чтобы достать кетчуп. И вокруг было так много ужасно умных людей, и все они так откровенно высказывались. Все было так изысканно. Она выпила еще чуточку и оглянулась, чтобы посмотреть, где Генри. Но Генри нигде не было видно.

– Вы не видели Генри? – спросила она покрасневшую Салли, которая как раз вошла в кухню с бутылкой водки в руке.

– Когда я последний раз его видела, он сидел с какой-то куколкой, – ответила Салли, отправляя в; рот ложку фруктового салата. – Ах. Ева, дорогая моя, ты нечто особенное. – Ева зарумянилась.

– Надеюсь, ему весело. Генри не слишком хорош в смысле вечеринок.

– Ева, крошка, признайся. Генри не слишком хорош, и точка.

– Он просто... – начала Ева, но Салли перебила ее поцелуем.

– Ты для него слишком хороша, – сказала она, – поэтому мы должны найти для тебя кого-нибудь совершенно великолепного. – Пока Ева потягивала из своего стакана, Салли подошла к молодому человеку с копной волос, падающих на лоб, лежащему на диване с девушкой и сигаретой во рту.

– Кристофер, радость моя, – сказала она. – Собираюсь украсть тебя на минутку. Хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Пойди-ка на кухню и подсуетись к женщине с большими сиськами, в ужасной желтой пижаме.

– Господи, ну почему именно я?

– Свет мой, ты же знаешь, ты абсолютно неотразим. И ужасно сексуален. Для меня крошка, для меня.

Кристофер слез с дивана и направился в кухню, а Салли растянулась рядом с девушкой.

– Кристофер просто душка, – сказала она.

– Он жиголо, – ответила девушка. – Мужчина-проститутка.

– Дорогая, – сказала Салли, – самое время нам, женщинам, поставить их на место.

* * *

На кухне Ева кончила разливать кофе. Она ощущала себя в приятном подпитии.

– Не надо, – сказала она поспешно.

– Почему?

– Я замужем.

– Так это хорошо.

– Да, но...

– Никаких но, ласточка.

– О!

* * *

Наверху, в комнате для игрушек. Уилт, медленно приходя в себя от воздействия на него объединенных усилий прингшеймовского пунша, водки, нимфоманиакальной хозяйки и угла шкафа, о который он, падая, ударился, – чувствовал, что с ним что-то здорово не так. И не только от того, что у него кружилась голова, на затылке была огромная шишка и вообще он был голый. У него было такое ощущение, будто нечто вроде мышеловки, с ее малосимпатичными атрибутами, или тисков, или голодной устрицы прочно ухватило его за то, что он доселе привык считать наиболее интимной частью своего тела. Уилт открыл глаза и увидел перед собой улыбающееся, слегка распухшее лицо. Он снова закрыл глаза, надеясь, что оно исчезнет, но, когда открыл их, лицо было все там же. Уилт сделал попытку сесть.

Это было неумно с его стороны. Джуди, пластиковая кукла, раздутая сверх своих нормальных размеров, оказала сопротивление. Уилт со стоном повалился опять на пол. Джуди за ним. Ее нос ударил его по лицу, а ее бюст – по груди. С проклятиями Уилт перекатился на бок, соображая, как выйти из этого положения. О том, чтобы сесть, не могло быть и речи. Это могло кончиться кастрацией. Надо было придумать что-то другое. Он перекатил куклу дальше и оказался сверху, но быстро понял, что его собственный вес еще больше увеличивает давление на то, что осталось от его пениса, и что если он хочет заработать гангрену, то лучшего способа не придумаешь. Уилт снова перевернулся на спину и стал искать клапан. Ведь должен же он где-то быть. Но где? А времени на его поиски, судя по ощущениям, у него не было. Он пошарил по полу в поисках чего-либо острого, что он мог бы использовать как кинжал, и в конце концов отломил кусок пути у железной дороги и ударил им по спине обидчицы. Послышался визг резины, но распухшая улыбка Джуди осталась столь же безмятежной и ее хватка столь же прочной.

Он бил по ней снова и снова, но безрезультатно. Уилт отбросил свой

импровизированный кинжал и стал думать. Он начинал терять самообладание, так как осознал новую опасность. Теперь он подвергался уже не только ее высокому давлению. Его внутреннее давление тоже нарастало. Прингшеймовский пунш и водка давали о себе знать. Сообразив, что если он быстренько не освободится от куклы, то лопнет сам, Уилт схватил Джуди за голову, повернул ее набок и впился зубами ей в шею. Вернее, он хотел так сделать, но ее туго накачанное тело не позволило ему этого. Его отбросило назад, и следующие две минуты он посвятил поискам своего вставного зуба, потерянного в схватке.

К моменту, когда зуб был на месте, Уилт пребывал уже в полной панике. Он должен выбраться из куклы. Он просто обязан это сделать. В ванной комнате должна быть бритва или ножницы. Но где, черт возьми, могла быть ванная? Ладно, не имеет значения. Он найдет ее, будь она неладна. Осторожно, очень осторожно он перевернул куклу на спину. Затем медленно подтянул колени, пока не оказался сидящим верхом на треклятой штуке. Теперь ему требовалось за что-нибудь уцепиться. Уилт перегнулся и ухватился за спинку стула одной рукой, одновременно приподнимая голову Джуди с пола другой. Еще мгновение – и он на ногах. Прижимая куклу к себе, он доковылял до двери и открыл ее. Выглянул в коридор. Что, если кто-нибудь увидит его? К черту их всех. Уилту было уже наплевать, что о нем подумают. Прижимая Джуди к себе, он побрел по коридору в поисках ванной комнаты.

Тем временем внизу Ева прекрасно проводила время. Сначала Кристофер, потом мужчина в набедренной повязке с ирландскими сырами, и, наконец, доктор Шеймахер, все приставали к ней, и все получили отпор. Все это так отличалось от Генри с его полным отсутствием интереса к ней и свидетельствовало о ее привлекательности. Доктор Шеймахер сказал, что она интересный случай скрытой стеатопигии^[6], Кристофер попытался поцеловать ее в грудь, а мужчина в набедренной повязке обратился к ней с совершенно удивительным предложением. И, несмотря на все эти приставания, Ева сохранила добродетель. Ее игривость мастодонта, настойчивые призывы к танцам и, самое сильнодействующее, ее манера говорить громко и довольно грубым голосом «Да вы безобразник!» в самый неподходящий момент производили поразительный сдерживающий эффект. Сейчас она сидела на полу в гостиной, а Салли; Гаскелл и бородатый мужчина из Института экологических исследований спорили по поводу взаимозаменяемости половых ролей в обществе с ограниченным населением. Она ощущала необыкновенный подъем. Парквью, Мэвис Моттрам и ее труды в Центре общественной гармонии остались где-то далеко, в другом мире. Ее принимали как свою люди, для которых поездка из Калифорнии в Токио на конференцию или еще с какой-либо умной целью была столь же обычным делом, как для нее поездка на автобусе в город. Доктор Шеймахер мимоходом заметил, что он утром летал в Дели, а Кристофер только что вернулся из Тринидада, где он что-то фотографировал. Больше того, чувствовалась особая атмосфера значимости вокруг всего, что они делали, некий блеск, начисто отсутствующий в работе Генри в техучилище. Если бы только ей удалось заставить его заняться чем-нибудь интересным и рискованным. Но Генри был такой размазня. Не надо было ей выходить за него замуж. Его кроме книг ничего не интересовало, но ведь жизнь – это совсем не книги. Как говорила Салли, жизнь дана, чтобы жить. Жизнь – это люди, приключения и удовольствия. Генри этого никогда не понять.

Генри, наконец-то добравшийся до ванной, почти ничего не видел там из-за присосавшейся к нему куклы, а главное, не видел способа избавиться от нее. Попытка перерезать этой гадине горло бритвой не увенчалась успехом в основном потому, что найденное орудие оказалось безопасной бритвой. Потерпев неудачу с бритвой, Уилт

попытался использовать шампунь в качестве смазки. В результате он взбил столько пены, что даже на его предвзятый взгляд это выглядело так, как будто он довел куклу до высшей стадии сексуального возбуждения. Ничего другого ему достичь не удалось. В конце концов он вернулся к поискам клапана. У проклятой штуки должен быть клапан, нужно его только найти. Он попытался заглянуть в зеркало на дверце медицинского шкафчика, но оно было слишком маленьким. Над раковиной висело зеркало побольше. Уилт опустил крышку унитаза и залез на него, надеясь получше разглядеть спину куклы. В это время в коридоре послышались шаги. Уилт застыл на крышке унитаза. Кто-то подергал дверь. Шаги удалились, Уилт вздохнул с облегчением. Только бы разыскать клапан. В этот самый момент случилось несчастье. Левой ногой Уилт попал в накапавший на туалетное сиденье шампунь, поскользнулся – и он, кукла и дверца от медицинского шкафчика свалились в ванну вместе с занавеской и тем, на чем она крепилась, а содержимое шкафчика посыпалось в раковину. Уилт издал пронзительный вопль. Затем раздался хлопок, напоминающий звук вылетевшей пробки от шампанского, и Джуди, в конце концов сдавшись под давлением Уилтовых семидесяти килограммов, упавших с высоты больше метра в ванну, выплюнула его. Как в тумане он слышал крики в коридоре, звук выбитой двери, увидел наклонившиеся над ним лица и услышал истерический хохот. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на кровати в комнате для игрушек. Он встал, оделся, прокрался вниз и ушел. Было три часа утра.

Ева сидела на краю кровати и плакала.

– Как он мог? Как он мог такое сделать? – повторяла она. – И у всех на глазах.

– Ева, лапочка, мужчины – они такие, поверь мне, – сказала Салли.

– Но с куклой...

– Это очень характерно: вот так они относятся к женщине, эти шовинистические свиньи-мужчины. Мы для них только предмет для траханья. Предметизация. Зато ты теперь знаешь, как Генри к тебе относится.

– Это ужасно, – сказала Ева.

– Конечно, это ужасно. Мужское господство сводит нас до уровня простого предмета.

– Но раньше Генри ничего такого не делал, – запричитала Ева.

– Зато теперь сделал.

– Я не вернусь к нему. Я этого не выдержу. Мне так стыдно.

– Ласточка, забудь об этом. Никуда тебе не надо идти. Салли о тебе позаботится. А ты ложись и немного поспи.

Ева легла, но заснуть не удавалось. Перед глазами стоял голый Генри в ванне на этой ужасной кукле. Им пришлось выбить дверь, и доктор Шеймахер поранил руку о разбитую бутылку, когда вытаскивал Генри из ванны... Господи, как это все было ужасно! Ей теперь до конца дней будет стыдно смотреть людям в глаза. Конечно, все об этом узнают, и о ней будут говорить как о женщине, чей муж путается с... В новом приступе стыда Ева зарылась лицом в подушку и заревела.

* * *

– Ну, вот уж шумное так шумное завершение вечеринки, – сказал Гаскелл. – Мужик трахает куклу в ванной комнате, а остальные сходят с ума. – Он оглядел гостиную, где все было перевернуто вверх дном. – Если кое-кто думает, что я собираюсь начать уборку, то напрасно. Я уйду спать.

– Не разбуди Еву. У нее была истерика, и я ее с трудом успокоила, – сказала Салли.

– О, великолепно. Теперь у нас в доме маниакальная, одержимая женщина в истерике.

– И завтра она поедет с нами на катере.

– Она что?

– Ты слышал, что я сказала. Она поедет с нами на катере.

– Послушай...

– Я не собираюсь с тобой спорить, Джи. Как я сказала, так и будет. Она поедет с нами.

– Зачем, черт побери?

– Потому что я не хочу, чтобы она вернулась к этому подонку, ее мужу. Потому что ты никак не наймешь мне домработницу и потому что она мне нравится.

– Потому что я никак не найму домработницу. Ну, теперь я слышал все.

– Ничего подобного, – сказала Салли, – ты не слышал и половины. Может, ты и не отдаешь себе в этом отчет, но ты женился на эмансипированной женщине. Никакой свинья-мужчина не возьмет надо мной верх...

– Да я и не пытаюсь взять над тобой верх, – возразил Гаскелл. – Я только хотел сказать, что мне бы не хотелось...

– Речь не о тебе. Речь об этом подонке Уилте. Ты думаешь, он сам вляпался в эту куклу? Подумай хорошенько, Джи, крошка, подумай хорошенько.

Гаскелл сидел на диване и во все глаза смотрел на Салли.

– Ты совсем спятила. Зачем, черт возьми, тебе понадобилось это делать?

– Потому что, если я берусь кого-то освобождать, я довожу дело до конца. Это уж точно.

– Освободить кого-то с помощью... – он покачал головой. – Я этого не понимаю.

Салли налила себе выпить.

– Твой недостаток, Джи, в том, что на словах ты гигант, а на деле ты пигмей. Только болтать и умеешь. «Моя жена эмансипированная женщина. Она свободная женщина». Звучит прекрасно, но как только твоя свободная жена что-то начинает, ты и знать об этом не хочешь.

– Да уж, в твою треклятую голову приходит какая-то идея, а кто потом все расхлебывает? Я. Где тогда слабый пол? Кто вытащил тебя из этой заварушки в Омахе? Кто заплатил легавым в Хьюстоне, когда...

– Ты заплатил, ты. Тогда почему ты на мне женился? Ну, скажи, почему?

Гаскелл протер очки уголком поварского колпака.

– Не знаю, – ответил он, – чтоб меня украли, не знаю.

– Чтобы пощекотать себе нервы, крошка. Без меня ты бы подох со скуки. Я вношу в твою жизнь оживление. Щекочу тебе нервы.

– До желудочных колик.

Гаскелл устало поднялся и направился к лестнице. Именно в такие моменты он всегда удивлялся, как это его угораздило жениться на Салли.

* * *

По дороге домой Уилт испытывал нечто подобное агонии. Боль уже не была чисто физической. Это была агония унижения, ненависти и презрения к самому себе. Из него сделали дурака, извращенца и идиота в глазах людей, которых он презирал. Прингшеймы и их компания олицетворяли все то, что он презирал в людях. Они были лживыми, фальшивыми и претенциозными, эдакий цирк интеллектуальных клоунов, чье шутовство было лишено достоинств его собственного шутовства, поскольку его шутовство было настоящим. Их же – только пародия на веселье. Они смеялись, чтобы слышать собственный смех, и бравовали чувственностью, которая не имеет ничего общего не только с чувствами, но даже с инстинктами, и является плодом небогатого воображения и имитации похоти. *Copulo ergo sum*^[7]. И эта сучка, Салли, еще обвинила его в отсутствии смелости следовать своим инстинктам, как будто инстинкт состоит в том, чтобы извергнуться в химически стерилизованное тело женщины, которую знаешь всего двадцать минут. И Уилт среагировал инстинктивно, испугавшись похоти, проистекавшей из властности, высокомерия и великого презрения к нему, презрения, которое подразумевало, что он, какой бы он там ни был, есть просто-напросто продолжение своего пениса и что предел его мечтаний, чувств, надежд и стремлений – это оказаться между ног зазнавшейся потаскушки. Именно это и означает быть свободным.

– Чувствуй себя свободным, – сказала она и защемила его этой блядской куклой. Уилт, стоя под уличным фонарем, заскрипел зубами.

Да, а как же Ева? Ну, она теперь ему покажет небо в алмазах. Если раньше с ней было невозможно жить, то теперь жизнь превратится в сплошной ад. Она ни за что не поверит, что не трахал он эту куклу, что не по собственной инициативе он в нее попал, что все это сделала Салли. Не поверит, и все тут. И если бы даже она поверила ему, что в конечном итоге изменится?

«Что ты за мужчина, если позволил бабе такое над собой вытворять?» – спросит она. И что он ей ответит? Что он за мужчина? Уилт и сам не знал. Незначительный маленький человечек, с которым случаются разные вещи и вся жизнь которого сплошная цепь унижений. Наборщики бьют его по лицу, и он же оказывается виноват. Его собственная жена помыкает им, а чужие жены делают из него посмешище. Уилт брел пригородными улицами, мимо домов на две семьи и маленьких садиков, и в нем крепла решимость. Хватит плыть по течению. Надо брать быка за рога. Он перестанет быть человеком, на которого сыплются несчастья. Он возьмет все в свои руки. Пусть только Ева попробует возникнуть. Он покажет, где раки зимуют.

Уилт остановился. На словах все так здорово. У проклятой бабы есть оружие, и она не замедлит пустить его в ход. Покажет он ей, как же. Это скорее она Уилту покажет, да к тому же расскажет о его приключении с куклой всем знакомым. Узнают об этом и в техучилище. При мысли об этом Генри содрогнулся. С его карьерой будет покончено. Он вошел в калитку дома 34 и ключом открыл парадную дверь. У него было чувство, что, если он в самое ближайшее время не предпримет каких-либо решительных мер, он обречен.

Спустя час он был уже в постели, но сон не приходил. Уилт размышлял, как быть с Евой и что надо сделать с самим собой, чтобы он мог себя уважать. А что же было достойно уважения? Уилт сжал кулаки под одеялом.

– Решительность, – пробормотал он. – Способность действовать без колебаний. Мужество. – Станный перечень древних добродетелей. Где их сегодня взять? Как им удавалось превратить таких людей как он, в наемников и профессиональных убийц во время войны? Только тренировка. Уилт лежал в темноте и прикидывал, как можно натренировать себя так, чтобы стать не похожим на себя. Засыпая, он пришел к твердому решению попытаться добиться невозможного.

В семь зазвонил будильник. Уилт поднялся, пошел в ванную комнату и посмотрел на себя в зеркало. Он был жестким человеком, человеком без эмоций. Жестким, методичным, хладнокровным и логичным. Человеком, который не ошибается. Он спустился вниз, съел свою овсянку и запил ее чашкой кофе. Евы дома не было. Она осталась ночевать у Прингшеймов. Это облегчает ему задачу. Плохо, что машина и ключи остались у нее. Не может быть и речи о том, чтобы пойти и забрать машину. Он дошел до поворота и оттуда добрался до техучилища на автобусе. Первой была лекция у каменщиков. Когда он вошел в класс, они обсуждали драку со студентами.

– Там был один студент, весь разодетый, ну как официант. «Не будете ли вы так любезны?» – сказал и он. «Не будете ли вы так любезны и не уберетесь ли с моей дороги?» Так и сказал, а я только и делал, что разглядывал книги на витрине...

– Книжки? – переспросил Уилт скептически. – В одиннадцать часов вечера ты разглядывал книги? Не верю.

– Журналы и ковбойские книги, – ответил каменщик. – В этом магазинчике на улице

Финч, где всякое барахло продают.

– Там еще есть журналы с девочками, – заметил кто-то. Уилт кивнул. – Вот это больше похоже на правду.

– Ну я и спросил: «Любезен что?» – продолжал каменщик, – и он сказал: «Убратся с моей дороги». Его дороги! Как будто эта проклятая улица его собственность.

– Ну и что ты сказал?. – спросил Уилт.

– Сказал? Ничего я не сказал. Буду я еще на него слова тратить.

– Ну тогда что ты сделал?

– Ну, я дал ему хорошего пинка. Ему прилично досталось, будьте уверены. А потом я смылся. Уж этот выпускник теперь забудет, как говорить людям, чтоб с дороги убирались, это точно.

Класс одобрительно кивнул.

– Они все одинаковые, эти студенты, – сказал другой каменщик. – Решили, что раз у них есть бабки и они в колледж ходят, то и командовать могут. Их всех стоит как следует вздрючить. Это пойдет им на пользу.

«А если пощечины сделать частью воспитания интеллектуала», – подумал Уилт. После своих вчерашних вечерних приключений он чувствовал, что в этом есть рациональное зерно. Он бы с удовольствием надавал по морде половине тех, кто вчера был на вечеринке у Прингшеймов.

– Значит, вы все считаете, нет ничего дурного в том, чтобы избить студента, попавшегося вам на пути? – спросил он.

– Дурного? – переспросили каменщики в унисон. – Что дурного в хорошей потасовке? Ведь студент не старая бабка или кто-то вроде этого. Он же всегда может дать сдачи, ведь так?

Оставшееся от урока время они посвятили обсуждению роли насилия в современном мире. Похоже, каменщики полагали, что насилие – вполне нормальная вещь.

– Я спрашиваю, зачем идти куда-то в субботу и нажираться, если нельзя при этом маленько помахать кулаками? Надо же каким-то образом избавиться от своей агрессивности, – заявил на редкость красноречивый каменщик. – Я хочу сказать, это ведь естественно, верно?

– Значит, ты считаешь, что человек по натуре агрессивное животное? – спросил Уилт.

– Ну да. Вспомните историю, войны и все такое. Только проклятые пацифисты не любят насилия.

С этим Уилт и ушел на перерыв. В учительской он налил себе чашку кофе из автомата. К нему подошел Питер Брейнтри.

– Ну как прошла вечеринка? – спросил Брейнтри.

– Никак, – пробурчал Уилт.

– Еве понравилось?

– Понятия не имею. Когда я встал сегодня утром, ее еще не было дома.

– Не было дома?

– Именно, – подтвердил Уилт.

– Ты позвонил, узнал, что с нею стряслось?

– Нет, – сказал Уилт.

– Почему?

– Посуди, как бы я выглядел, если бы позвонил, а мне бы сказали, что она в койке с

абиссинским послом?

– Абиссинским послом? Он что, там был?

– Не знаю и знать не хочу. Когда я ее последний раз видел, она ворковала с этим высоким черным парнем из Эфиопии. Что-то об Организации Объединенных Наций. Она делала фруктовый салат, а он резал для нее бананы.

– По-моему, в этом нет ничего компрометирующего, – сказал Брейнтри.

– Наверное, нет. Только тебя там не было, и ты не знаешь, что это была за вечеринка, – сказал Уилт, быстренько приходя к заключению, что должен дать хотя бы отредактированный отчет о событиях. – Эдакая теплая компания пожилых ребяташек, занимающихся всякими глупостями.

– Звучит ужасно. И ты думаешь, что Ева...

– Я думаю, что Ева надрызгалась, потом ей кто-нибудь дал покурить травки, и она отключилась, – сказал Уилт. – Вот что я думаю: Она, наверное, сейчас отсыпается где-нибудь в сортире на первом этаже.

– Это не похоже на Еву, – сказал Брейнтри. Уилт допил кофе и задумался, что делать дальше. Если об истории с этой поганой куклой все равно узнают, так, может быть, лучше ему самому изложить свою версию? С другой стороны...

– А ты что делал там? – спросил Брейнтри.

– Ну, если честно, – Уилт заколебался. А может, вообще не стоит упоминать о кукле? Если Ева не будет разевать свою варежку... – Я и сам слегка подпил.

– Вот это уже похоже на правду, – сказал Брейнтри. – И, наверное, к какой-нибудь даме приставал?

– Если хочешь знать, – оказал Уилт, – дама приставала ко мне. Миссис Прингшейм.

– К тебе приставала миссис Прингшейм?

– Понимаешь, мы поднялись наверх, чтобы посмотреть на игрушки ее мужа...

– Игрушки мужа? По-моему, ты говорил, что он биохимик.

– Он и есть биохимик. И еще он любит игрушки. Железная дорога, плюшевый медведь и все такое. Она говорит, что это случай заторможенного развития. Она и не такое может сказать. Жутко преданная жена.

– А что потом случилось?

– Да ничего, кроме того, что она заперла дверь, легла на постель, раздвинула ноги и предложила мне ее трахнуть, да еще угрожала заняться со мной французской любовью, – сказал Уилт.

Питер Брейнтри посмотрел на него весьма скептически.

– Это, по-твоему, ничего? – выдавил он наконец. – Я имею в виду, ты-то что сделал?

– Увильнул, – ответил Уилт.

– Это что-то новенькое, – сказал Брейнтри. – Значит, ты отправился наверх с миссис Прингшейм и увильнул, пока она лежала на кровати, раздвинув ноги. И теперь ты хочешь знать, почему Ева не пришла домой. Может, она сейчас в конторе у адвоката заявление о разводе составляет.

– Да говорю же я тебе, не трахал я эту сучку. – сказал Уилт. – Я ей посоветовал торговать своими прелестями в другом месте.

– И это ты называешь «увильнул»? Торговать своими прелестями? Где ты подцепил такое выражение?

– В классе мясников, – сказал Уилт, вставая и наливая себе вторую чашку кофе.

Когда он вернулся к столу, он уже знал, что расскажет Питеру.

– Я не помню, что произошло потом, – сказал Уилт, так как Брейнтри настаивал на продолжении. – Я отключился. По-видимому, водка так на меня подействовала.

– Ты хочешь сказать, что отключился в запертой комнате в компании с голой женщиной? – спросил Брейнтри. Судя по его интонации, он не поверил ни одному слову из рассказа Уилта.

– Вот именно, – подтвердил Уилт.

– А когда ты пришел в себя?

– По дороге домой, – сказал Уилт. – Не представляю, что случилось в промежутке.

– Ну, полагаю, мы услышим об этом от Евы. – сказал Брейнтри. – Уж она-то должна знать.

Он встал и ушел, а Уилт стал обдумывать свой следующий шаг. Прежде всего нужно заставить Еву держать язык за зубами. Он подошел к телефону в коридоре и набрал свой домашний номер. Никто не ответил. Уилт отправился на очередной урок со слесарями и наладчиками. Несколько раз в течение дня он пытался дозвониться до Евы, но безуспешно.

«Она не иначе как провела весь день у Мэвис Моттрам, поливая ее слезами и рассказывая всем и вся, какая я свинья, – подумал он. – Наверное, к моему приходу она уже будет дома».

Но Евы дома не было. Зато на кухне на столе лежала записка и сверток. Уилт развернул записку.

– Я уезжаю с Гаскеллом и Салли, чтобы обо всем как следует подумать. То, что ты сделал вчера вечером, ужасно. Я тебе этого никогда не прощу. Не забудь купить собаке еды. Ева. P.S. Салли просила передать, чтобы в следующий раз, когда тебе захочется любви по-французски, ты обратился к Джуди.

Уилт посмотрел на сверток. Он знал, что там, не открывая его. Эта мерзкая кукла. Внезапно его охватила ярость. Он схватил сверток и швырнул его через всю кухню в раковину. Две тарелки и блюда слетели с сушилки и разбились вдребезги.

– Чтоб она застрелилась, эта сучка, – с чувством сказал Уилт, включив в это определение Еву, Джуди и Салли Прингшейм, то есть всех, на кого распространялся в эту минуту его гнев. Потом он сел за стол и перечел записку. – Я уезжаю, чтобы обо всем как следует подумать. – Черта с два. Подумать? Как будто эта тупая корова способна думать. Она будет страдать, пускать слюни по поводу его недостатков, доходя до экстаза от жалости к самой себе. Уилту казалось, что он слышит ее трескотню об этом треклятом управляющем банком, о том, что ей надо было выйти за него замуж, а не связывать свою жизнь с человеком, не способным добиться даже повышения по службе и который к тому же трахает надувных кукол в чужих ванных комнатах. А эта грязная потаскушка Салли Прингшейм будет ее подзуживать. Уилт взглянул на постскрипtum. «Салли сказала, что в следующий раз, когда тебе захочется любви по-французски...» Господи! Можно подумать, что он тогда этого хотел. Но вот вам, пожалуйста, процесс сотворения миф. Совсем как тогда, когда болтали, что он влюблен в Бетти Крабтри, хотя все, что он сделал, так это подбросил ее домой после вечерних занятий. Вся семейная жизнь Уилта была чередованием подобных мифов, являющихся мощным оружием в арсенале Евы, которое можно было в любой момент достать и потрясти им в воздухе. А теперь в ее руках такое сильнодействующее средство устрашения, как кукла. Салли и любовь по-французски. Баланс взаимных обвинений, на котором держались их взаимоотношения, резко нарушился. От Уилта потребуется большая

изобретательность, чтобы восстановить его.

«Не забудь купить собаке еды». По крайней мере, ему оставили машину. Она стояла на стоянке. Уилт съездил в супермаркет, купил три банки собачьей еды, обед типа «вари-прямо-в-пакете» и бутылку джина. Хотелось выпить. Затем он отправился домой и сидел там, пока Клем ел свою еду, а пакет варился. Он налил хорошую порцию джина, добавил туда лимона и пошел бродить по дому. Все это время он помнил о свертке на столе, ждущем, когда он его развернет. И ведь он обязательно развернет. Из простого любопытства. Он это знал, и они это тоже знали. Когда в воскресенье вечером Ева придет домой, она первым делом спросит о кукле и о том, получил ли он удовольствие. Уилт налил себе еще джина и стал придумывать, как можно использовать куклу. Наверняка существовал какой-нибудь способ с ее помощью покончить с Евой.

После второго стакана джина у него начал созревать план, в котором были задействованы кукла, яма на стройплощадке и проверка силы его собственного характера. Одно дело – лелеять мечты об убийстве своей жены, и совсем иное – осуществить их. Тут дистанция огромного размера. Когда близилась к концу третья порция джина, Уилт был полон решимости привести свой план в действие. По крайней мере, это докажет, что он способен совершить убийство.

Уилт поднялся и развернул куклу. Внутренним слухом он слышал голос Евы, рассказывающий ему, что произойдет, когда о его безобразном поведении у Прингшеймов узнает Мэвис Мотграм.

– Над тобой будут смеяться все в округе, – говорила она. – Так и будешь посмешищем.

Так ли? Уилт пьяно усмехнулся и пошел на второй этаж. Уж на этот-то раз Ева ошиблась. Может, он и будет жить посмешищем, но Еве уже не придется позлорадствовать. Ее просто-напросто не будет.

Наверху в спальне он задвинул занавески, положил куклу на кровать и стал искать клапан, который он так безуспешно пытался найти накануне. Наконец он нашел его и пошел за ножным насосом в гараж. Кукла лежала на кровати и улыбалась ему. Уилт посмотрел на нее, прищурившись. Он вынужден был признать, что в полумраке спальни она выглядела омерзительно натурально. Он порылся в Евиных ящиках в поисках бюстгальтера и блузки. Потом решил, что бюстгальтер ей не нужен и достал старую юбку и колготки. В картонной коробке в шкафу он нашел один из Евиных париков. Одно время у нее была париковая мания. И, наконец, пару туфель. Когда он все закончил, на кровати лежал Евин двойник с застывшей улыбкой на лице.

– Ах ты, моя девочка, – сказал Уилт и пошел на кухню посмотреть, как там дела у «вари-прямо-в-пакете». Оно уже превратилось в «гори-прямо-в-пакете». Уилт выключил горелку, пошел в туалет под лестницей и посидел там, обдумывая следующий шаг. Он использует куклу, чтобы прорепетировать убийство. И, когда придет настоящий день, вся процедура будет для него настолько привычной, что он начнет действовать как автомат. Убийство по условному рефлексу. Убийство по привычке. К тому же ему нужно знать, сколько на это уйдет времени. Так что очень кстати, что Ева отправилась на выходные с Прингшеймами. Это может положить начало серии Евиных внезапных исчезновений. Он будет провоцировать ее делать это снова и снова. А затем последует визит к доктору.

– Доктор, у меня бессонница. Моя жена все время куда-то уезжает и оставляет меня, а я не могу привыкнуть спать один. – Рецепт на снотворное. Затем вечером:

– Я сегодня приготовлю овалтайн, дорогая. Ты выглядишь усталой. Я принесу тебе

лекарство в постель. – Признательность, за которой последует храп. Затем вниз, к машине... должно быть не очень поздно... где-нибудь в половине одиннадцатого... потом к техучилищу... и вниз, в яму. Может, засунуть ее в полиэтиленовый пакет... нет, никаких пакетов.

– Как я понимаю, вы приобрели недавно большой полиэтиленовый пакет, сэр. Не могли бы вы его нам показать? – Нет, лучше просто сбросить ее в яму, которую они утром заливают бетоном. И, наконец, недоумевающий Уилт. Сначала он пойдет к Прингшеймам.

– А где Ева? Вы должны знать. – Мы не знаем. – Не лгите мне. Она все время у вас торчит. – Мы говорим правду. Мы ее не видели. – И тогда он отправится в полицию.

Мотива нет, улики нет, раскрытию не подлежит. И это докажет, что он человек, способный на поступок. А может, он на это не способен? Что, если он признается под нажимом? Даже в этом случае смысл есть: так или иначе он узнает, какой же он есть на самом деле, хоть единожды в жизни совершит поступок. А пятнадцать лет в тюрьме, по сути, равнозначны пятнадцати, нет, двадцати годам, проведенным в техучилище с презирающими его бандитами. Более того, на суде он может упомянуть эту книгу в качестве смягчающего обстоятельства.

– Ваша светлость, господа присяжные заседатели! Я прошу вас поставить себя на место обвиняемого. Двенадцать лет он был вынужден читать эту мерзкую книгу умирающим от скуки и агрессивно настроенным молодым людям. Он должен был переносить бесконечные повторы и испытывать тошноту и смертельную скуку от отвратительно романтического взгляда мистера Голдинга на человеческую природу. Да, я знаю, вы все считаете, что мистер Голдинг вовсе не романтик, что его мнение о человеческой природе, выраженное им в описании группы молодых людей, высаженных на необитаемый остров, является полной противоположностью романтизму, и что сентиментальность, в которой я его обвиняю и которой мой подзащитный обязан появлением в этом суде, можно найти не в «Повелителе мух», а скорее в его предшественнике, «Коралловом острове». Но, Ваша светлость, господа присяжные заседатели, существует такая вещь, как извращенный романтизм, романтизм разочарования, пессимизма и нигилизма. Давайте на мгновение предположим, что мой подзащитный потратил двенадцать лет на чтение группе учеников не книги мистера Голдинга, а «Кораллового острова». Можно ли предположить, что в этом случае он был бы доведен до убийства своей жены? Нет. Тысячу раз нет. Он бы почерпнул вдохновение из книги мистера Валлантайна, научился бы самодисциплине, оптимизму и вере в то, что человек способен при помощи собственной изобретательности выбраться из безнадежной ситуации...

Здесь, пожалуй, не стоит заходить так далеко. В конечном счете обвиняемый Уилт проявил достаточно изобретательности, чтобы выбраться из безнадежной ситуации. И все-таки мысль была неплохая. Уилт закончил свои дела в туалете и оглянулся в поисках туалетной бумаги. Таковой не оказалось. Проклятый рулон кончился. Он пошарил в кармане, обнаружил Евину записку и употребил ее по назначению. Затем он спустил ее в канализацию, пофукал антисептиком ей вслед, чтобы выразить свое отношение к ней и ее автору, и направился на кухню за следующей порцией джина.

Остаток вечера он провел перед телевизором с куском хлеба с сыром и банкой консервированных персиков. Наконец пришло время приступить к первой репетиционной поездке. Он вышел из дому через парадную дверь и огляделся. Было уже почти темно, и никого не видно. Оставив дверь открытой, он поднялся на второй этаж, взял куклу и

положил ее на заднее сиденье машины. Ему пришлось потрудиться, прежде чем он сумел закрыть дверь. Уилт сел в машину, выехал на Парквью и поехал на окружную дорогу. К стоянке для машин позади техучилища он подъехал ровно в половине одиннадцатого. Он выключил мотор и посидел, изучая окрестности. Вокруг ни огонька, ни души. Да и откуда им взяться? Техучилище закрывалось в девять.

Салли лежала голая на палубе катера, ее тугие груди были устремлены в небо, ноги раздвинуты. Рядом на животе лежала Ева и смотрела вперед по течению.

– Господи, это просто рай, – вздохнула Салли. – У меня такие глубокие чувства к деревне.

– У тебя такие глубокие чувства, и точка. – сказал Гаскелл, неуверенно направляя катер к шлюзам. На нем были капитанское кепи и светозащитные очки.

– Еще одно клише, – заметила Салли.

– Мы подходим к шлюзам, – забеспокоилась Ева. – Там какие-то мужчины.

– Мужчины? Дорогая, забудь о мужчинах. Здесь только ты и я и крошка Джи, а Джи не мужчина, не так ли? Джи, крошка?

– Со мной это бывает, – сказал Гаскелл.

– Но редко, ужасно редко, – заметила Салли. – К тому же, какое это имеет значение? Вот мы сейчас идиллически плывем вниз по реке в чудесное летнее время.

– А не надо ли нам было прибраться в доме перед отъездом? – спросила Ева.

– Весь смак вечеринок в том, чтобы не убирать после, а убраться прочь. Вернемся, все сделаем.

Ева встала и пошла вниз. Они были уже совсем рядом со шлюзами, и она не могла допустить, чтобы на нее, голую, пялились два старика, сидящие около шлюза на скамейке.

– Черт возьми, Салли, ты не можешь что-нибудь сделать со своей подружкой? У меня от нее соски чешутся, – сказал Гаскелл.

– О, Джи, крошка, не может того быть. Если так, ты можешь поступить, как Чеширский кот.

– Чеширский кот?

– С улыбкой испариться, утробой вперед, радость моя. В ней положительно есть нечто гигантски утробное.

– В ней положительно есть нечто гигантски надоедливое.

– Любовь моя, подожди немного. Ты должен подчеркивать эмансипированность, закрывать глаза на недостатки и быть третьим лишним.

– Не быть третьей лишней. Кодовое слово – третья, – сказал Гаскелл, задевая бортом катера шлюз.

– Но это же главное.

– Что главное? – спросил Гаскелл.

– Быть третьей лишней. Я имею в виду, так у нас должно быть с Евой. Она делает всю домашнюю работу, крошка Гаскелл может изображать капитана и пускать слюни при виде сисек, а душка Салли может пошарить в лабиринтах своего ума.

– Ума? – переспросил Гаскелл. – Какой ум у умственно отсталых? Кстати, о кретинах, что там поделывает мистер-в-промежности?

– У него есть Джуди, так что есть с кем путаться. Сейчас он, наверное, ее трахает, а завтра сядет смотреть с ней телек. Может, он ее даже отправит к Мэвис Моттрам на контраблюдское занятие по составлению букетов. Они подходят друг другу. Ты же не будешь отрицать, что вчера она его крепко зацепила.

– Что было, то было, – сказал Гаскелл и закрыл ворота шлюза.

Катер проплывал мимо двух стариков, сидящих на скамейке. Оба вытаращили глаза при виде Салли. Она сняла солнцезащитные очки и тоже уставилась на них.

– Не повредите свою предстательную железу, старичье, – сказала она грубо. – Что, задницы никогда не видели?

– Вы ко мне обращаетесь? – спросил один из стариков.

– Не сама же я с собой разговариваю, – сказала Салли.

– Тогда я отвечу, – сказал старик. – Почему же, видел. Однажды.

– Вот насчет однажды это точно, – сказала Салли. – И где же?

– У старой коровы, у которой только что был выкидыш, – ответил старик и сплюнул на аккуратную клумбу с геранью.

Ева сидела в каюте и недоумевала, о чем это они там разговаривают. Она прислушивалась к плеску волн за бортом, стуку машины и думала о Генри. То, что он сделал, было так непохоже на него. Совсем непохоже. И на глазах у всех этих людей. Он, наверное, был сильно пьян. Все это так унижительно. Что же, пусть помучается. Салли говорит, что мужчин надо заставлять мучиться, это является частью процесса эмансипации. Им нужно показать, что ты в них не нуждаешься, а насилие – это единственное, что доступно мужской психике. Потому она так сурова с Гаскеллом. Мужчины подобны животным. Им нужно показать, кто хозяин.

Ева прошла на камбуз и вычистила раковину из нержавеющей стали. Пока ее нет, Генри поймет, как она была необходима. Ведь теперь он будет сам делать всю домашнюю работу, и еще готовить, а когда она вернется, она ему покажет, где раки зимуют, по поводу этой куклы. Вообще, все это противоестественно. Может, Генри нужно сходить к психиатру? Салли сказала, что он и к ней приставал с гнусным предложением. Все это доказывает, что никому нельзя доверять. Никогда бы не подумала такого о Генри. В голову бы не пришло, что он может до такого додуматься. А Салли такая душечка и так все хорошо понимает. Она знает, что чувствует женщина, и даже не рассердилась на Генри.

– Он просто-напросто сфинктер-бэби, – сказала она. – Это характерно для общества, где доминируют такие шовинистические свиньи, как мужчины. Я ни разу не встречала шовинистическую свинью-мужчину, который, говоря: «Имел я тебя в зад», – действительно не подразумевал бы этого.

– Генри постоянно произносит это выражение, – призналась Ева. – То и дело «имел я то» или «имел я это».

– Ну вот видишь, Ева, лапочка. Что я тебе говорила? Это такая семантическая деградация, анальным способом.

– Все это чертовски мерзко, – сказала Ева, и была права.

Она продолжала чистить и драить, пока катер не вышел из шлюза и не поплыл вниз по течению. Тогда она поднялась на палубу и уселась, глядя на плоские пустынные берега на закате. Начало путешествия оказалось романтичным и волнительным, так отличалось от всего, к чему она привыкла. Это была жизнь, о которой она всегда мечтала, богатая, веселая, приносящая удовлетворение. Ева Уилт вздохнула. Несмотря ни на что, она была довольна.

* * *

На стоянке машин позади техучилища Уилт испытывал недовольство всем, и прежде

всего Евиным двойником. Когда он, пошатываясь, обошел машину и попытался извлечь из нее Джуди, то обнаружил, что даже надувные куклы демонстрируют силу воли, когда их вытаскивают из маленьких машин. Руки и ноги Джуди цеплялись буквально за все. Если в ночь, когда он решит избавиться от Евы, она будет вести себя подобным же образом, ему придется здорово потрудиться. Надо, пожалуй, как следует упаковать ее. Наконец, ухватив куклу за ноги, Уилт вытянул ее и положил на землю. Затем полез искать парик и нашел его под сиденьем, одернул на Джуди юбку, чтобы прикрыть срам, и водрузил парик ей на голову. Затем внимательно осмотрел стоянку, парусиновые палатки строителей и главное здание. Вокруг никого не было, путь свободен. Уилт подхватил куклу под мышку и направился к строительной площадке. На полпути он сообразил, что делает все неправильно. Напичканную лекарствами спящую Еву под мышкой не унесешь. Тут больше подойдет пожарный лифт. Уилт остановился, перекинул куклу через плечо и пошел дальше, слегка покачиваясь, отчасти от джина а отчасти для того, чтобы придать большую правдоподобность всему мероприятию. С Евой на плече ему уж точно придется нелегко. Он дошел до забора и перекинул через него куклу. Парик снова свалился. Уилт поискал его в грязи и нашел. Потом пошел к калитке. Она была заперта. Так и должно было быть. Надо все хорошенько запомнить. Детали очень важны. Он попытался перелезть через калитку, но не смог. Нужна какая-то приступочка. Велосипед? У главных ворот была велосипедная стоянка. Засунув парик в карман, Уилт обошел палатки, минул столовую и уже шел по полянке перед лабораторным корпусом, когда из темноты возникла фигура, в лицо Уилта ударил луч фонаря. Это был сторож.

– Эй, что это вы тут делаете? – спросил сторож. Уилт остановился.

– Я... я вернулся, чтобы забрать кое-какие записи из учительской.

– А, это вы, мистер Уилт, – сказал сторож. – Вам пора уже знать, что в это время вы туда не попадете. Мы же все закрываем в половине десятого.

– Простите, совсем забыл, – пробормотал Уилт.

Сторож вздохнул.

– Ну, только для вас, в порядке исключения, – сказал он и открыл дверь главного учебного корпуса. – Вам придется подниматься пешком. В это время лифты не работают. Я вас здесь внизу подожду.

Уилт медленно взобрался на пятый этаж в учительскую и направился к своему ящику. Он взял пачку бумаг и экземпляр «Открытого дома», который он собирался вот уже несколько месяцев взять домой, да все никак не мог собраться. Он хотел положить бумаги в карман, но обнаружил там парик. Кстати, стоит захватить и эластичную ленту, чтобы укрепить парик на голове Джуди. Он нашел ленту в ящике с канцелярскими принадлежностями, засунул бумаги в карман и спустился вниз.

– Большое спасибо, – сказал он сторожу. – Извините, что побеспокоил. – Пошатываясь, он зашел за угол, где была расположена велосипедная стоянка.

– Пьяный в стельку, – заметил сторож и вернулся к себе в комнату.

Уилт проследил, как он зажигает трубку, и посмотрел на велосипеды. Все проклятушие велосипеды были заперты. Ему придется нести какой-нибудь на руках. Он положил «Открытый дом» в корзину, схватил велосипед и потащил его к забору. Перелез через него и начал искать в темноте куклу. Наконец он нашел ее, потратил минут пять, укрепляя парик у нее на голове эластичной лентой, которую он завязал под подбородком. Парик все время соскакивал.

– Ну, по крайней мере, с Евой у меня этой проблемы не будет, – пробормотал он, когда парик был наконец, закреплен. Убедившись, что он больше не соскакивает, Уилт осторожно двинулся вперед, обходя кучи гравия, машины, мешки и крепежные детали. Неожиданно ему пришла в голову мысль, что он сам рискует свалиться в одну из ям. Он положил куклу на землю и стал искать в своих карманах фонарь. Найдя его, он осветил себе под ноги. В нескольких метрах от себя он разглядел большой квадрат, прикрытый фанерой. Уилт подошел к нему и приподнял фанеру. Под ней была дыра, очень миленькая, объемистая дыра. Как раз подходящего размера. В самый раз. Он осветил фонарем вниз. Наверное, не меньше десяти метров глубиной. Он отодвинул фанеру в сторону и пошел за куклой. Парик слетел снова.

– Твою мать, – выругался Уилт и полез в карман за другой лентой. Минут через пять парик был прочно закреплен на голове у Джуди с помощью четырех эластичных лент, завязанных у нее под подбородком. Теперь не соскочит. Оставалось подтащить двойник к яме и убедиться, что он туда влезет. Здесь Уилт заколебался. У него появились сомнения в надежности своего проекта. Возникало что-то слишком много неожиданностей. С другой стороны, он испытывал какую-то приподнятость от того, что находился ночью совершенно один на строительной площадке. Может, ему лучше вернуться домой? Нет, он должен довести дело до конца. Он опустит куклу в дыру, чтобы убедиться, что она туда влезет. Затем он выпустит из нее воздух и поедет домой, а потом снова прорепетирует, пока не доведет все до полного автоматизма. Кукла пусть лежит в багажнике машины. Ева туда никогда не заглядывает. Потом он будет надувать куклу уже на автомобильной стоянке. И Еве тогда никогда не догадаться, в чем дело. Ни за что в жизни. Уилт улыбнулся пр... мысли, как все просто. Затем он поднял Джуди и принялся толкать ее в яму ногами вперед. Она легко сползала вниз. Великолепно. Но вдруг Уилт поскользнулся. Падая, он выпустил куклу из рук и вцепился в лист фанеры. Встав на ноги, Уилт выругался. Брюки были в грязи, руки тряслись.

– Чуть сам не свалился ко всем чертям, – пробормотал он, ища глазами Джуди. Но Джуди нигде не было видно. Уилт взял фонарь и осветил в яму. Кукла застряла в яме, но парик был на месте. В отчаянии Уилт уставился на нее, соображая, что же теперь делать. Кукла застряла на глубине шести, нет, четырех метров. В любом случае слишком глубоко, чтобы он мог до нее дотянуться. С другой стороны, слишком высоко, чтобы рабочие утром могли ее не заметить. Уилт выключил фонарь и закрыл дыру фанерой. Чтобы самому не свалиться в яму.

Что же делать? Веревка с крюком на конце? У него нет ни веревки, ни крюка. Веревку он еще, может, и найдет, но вот с крюком похуже. Достать веревку, привязать ее к чему-нибудь, спуститься вниз и вытащить куклу? Не пойдет. Не так просто спуститься по веревке, имея обе руки свободными, но подняться вверх с куклой в руках совершенно невозможно. В этом случае он уж наверняка окажется на дне ямы сам. Единственное, чего он точно не хотел, так это оказаться обнаруженным в понедельник утром на дне десятиметровой ямы в объятиях пластиковой куклы со всеми женскими прелестями, одетой к тому же в тряпки его жены. Это будет полной катастрофой. Уилт представил себе сцену в кабинете директора училища и свои попытки объяснить, как он оказался... К тому же они могли и не найти его и не услышать его крики. Эти проклятые грузовики с цементом поднимают такой грохот, что не стоит рисковать быть погребенным под... дерьмо. Вот и рассуждай о высшей справедливости. Нет, выход один: заставить эту блядскую куклу спуститься на дно, а там

молить дьявола, чтобы никто не заметил ее до того, как залиют бетон. Что же, он хотя бы выяснил, что это не самый разумный способ избавиться от Евы. Уж это точно. Даже в самой мрачной ситуации можно найти свои светлые стороны.

Уилт отошел от ямы и стал искать, чем затолкать куклу на дно. Он попробовал бросить горсть гравия, но кукла только качнулась и осталась на месте. Требовалось нечто более тяжелое. Он пошел к куче песка, набрал немного в мешок и высыпал в яму. Песок придал парикку миссис Уилт еще более отвратительный вид, но не принес желаемых результатов. А что если бросить на куклу кирпич? Может, она лопнет? Уилт поискал кирпич, но довольствовался лишь комком глины. Пожалуй, сгодится. Он бросил глину в яму. Раздался глухой удар, затем посыпался гравий, потом еще удар. Уилт посветил фонарем. Джуди достигла дна и уселась там в гротескной позе: ноги подогнуты, одна рука патетически вытянута в сторону Уилта. Уилт схватил еще кусок глины и кинул его, вниз. На этот раз парик сполз набок, а голова склонилась к плечу. Уилт сдался. Больше он ничего не мог сделать. Он закрыл яму фанерой и побрел к забору.

Здесь его опять ждали неприятности. Велосипед был по другую сторону забора. Уилт нашел доску, приставил ее к забору и перелез через него. Теперь нужно отнести велосипед на место. А пошел он на фуй, этот велосипед. Пусть остается, где есть. Ему все обрыдло. Он оказался неспособным избавиться даже от пластиковой куклы. Смешно думать, что он может спланировать, осуществить и довести до конца настоящее убийство более или менее успешно. Он, должно быть, рехнулся, если такая идея вообще пришла ему в голову. Это все чертов джин виноват.

– Давай, давай, вини во всем джин, – бормотал Уилт про себя, ковыляя к машине. – Ты сам начал об этом думать еще несколько месяцев назад. – Он залез в машину и долго сидел там в темноте, недоумевая, что, черт подери, побудило в нем фантазии насчет убийства Евы. Это же сумасшествие, чистое сумасшествие. Каким безумием было думать, что он сможет воспитать в себе хладнокровного убийцу. Откуда взялась эта идея? И почему? Ладно, Ева – тупая корова, которая портит ему жизнь постоянными попреками и увлечением восточным мистицизмом с патологическим энтузиазмом, способным свести с ума даже самого здравомыслящего мужа, но с чего это он заиклился на убийстве? Почему он стремится доказать, что он мужчина, только путем насилия? Откуда это у него? Здесь, на стоянке машин, Генри Уилт, внезапно отрезвев, вдруг ясно осознал, какое потрясающее действие оказали на него десять лет работы в техучилище. Десять долгих лет штукатурки из 3-й группы и мясники из 1-й находились под воздействием культуры, олицетворяемой Уилтом и «Повелителем мух», и столько же лет Уилт находился лицом к лицу с вандализмом, был постоянно подвержен опасности насилия, на которое всегда были готовы и штукатурки и мясники. Вот где собака зарыта. Здесь, а в нереалистичности литературы, которой он вынужден был обучать. В течение десяти лет он служил потоком, по которому путешествовали такие воображаемые существа, как Ностромо, Джек и Пигги, Шейн существа, которые действовали, и чьи действия приносили результаты. И все это время он видел себя как бы отраженным в их глазах, беспомощным пассивным человеком, целиком зависящим от обстоятельств. Уилт покачал головой. И вот это все плюс несчастья последних двух дней, и вылились в полупреступление – символическое убийство Евы Уилт.

Он завел машину и выехал со стоянки. Сейчас он поедет к Брейнтри. Они еще не спят и будут рады ему. Кроме того, ему необходимо выговориться. За его спиной, на строительной площадке летали и падали в грязь, гонимые ночным ветром, его записки о насилии и

распаде семьи.

- Природа так похотлива, – заметила Салли, освещая фонарем водоросли через иллюминатор. – Посмотрите на камыш. Он определенно прототип фаллоса, не так ли, Джи?
- Камыш? – переспросил Гаскелл, беспомощно разглядывая карту. – Камыш меня не вдохновляет.
- Схемы, похоже, тоже.
- Карты, детка, морские карты.
- Ну и где мы?
- А черт его знает. Мы или в Лягушачьем плесе или в проливе Фен. Точнее сказать не могу.
- Предпочитаю последнее. Обожаю проливы. Ева, солнце мое, не выпить ли нам еще кофе? Я хочу не спать всю ночь и дожидаться восхода над камышами.
- Без меня, – сказал Гаскелл. – Я сыт по горло прошлой ночью. Этот сумасшедший парень с куклой в ванне, да еще Шей порезался. Для одного дня более чем достаточно. Кто как, а я в койку.
- На палубу, – сказала Салли, – будешь спать на палубе, Джи. Ева и я – в каюте. Втроем там тесно.
- Втроем? Да с этими сиськами вас никак не меньше пяти. Ладно, я сплю на палубе. Нам придется пораньше встать, чтобы сняться с этой проклятой мели.
- Капитан Прингшейм посадил нас на мель, не так ли, крошка?
- Это все карты виноваты. На них не указаны точные глубины.
- Знай ты, где мы находимся, так, возможно, обнаружил бы, что и глубина указана. Какой толк знать, что глубина три фута...
- Морских саженей, дорогая, морских саженей.
- Три морские сажени в Лягушачьем плесе, в то время как на самом деле мы в проливе Фен.
- Ну, где бы мы ни были, самое время начать молиться, чтобы был прилив и снял нас с мели, – сказал Гаскелл.
- Господи, Гаскелл, ты у нас ловкач, – сказала Салли.
- Отчего ты не мог держаться посередине реки? Нет же, тебе потребовалось на всех парах рвануть по этому ручейку и вляпаться прямо в грязь. И все почему? Из-за этих чертовых уток.
- Болотные птицы, детка. Не просто утки.
- Ну пусть болотные птицы. Ты захотел их сфотографировать, и в результате мы попали туда, куда никто в здравом уме на катере не полезет. Кто, ты думаешь, здесь может появиться? Джонатан по прозвищу Чайка?

* * *

Ева на камбузе варила кофе. На ней было ярко-красное эластичное бикини Салли, которое ей было маловато. В некоторых местах она из него выпирала, тогда как в других оно так натягивалось, что подчеркивало больше, чем скрывало. Но это все же лучше, чем ходить

голой, хотя Салли сказала, что ходить голой – значит быть эмансипированной, и пусть она вспомнит индейцев с Амазонки. Ей надо было бы взять свои вещи, но Салли торопила ее. А теперь у нее только лимонная пижама и бикини. Честно говоря, Салли здорово раскомандовалась.

– Эластик двойного назначения, крошка, – сказала Салли. – К тому же у Джи пунктик насчет пластика, правда, Джи?

– С точки зрения биодegradации да.

– Биодegradации? – переспросила Ева в надежде быть посвященной в еще один аспект женской эмансипации.

– Пластиковые бутылки, которые разлагаются, вместо того чтобы валяться повсюду, образуя экологическое болото, – сказала Салли, открывая иллюминатор и выбрасывая за борт пустую пачку от сигарет. – Это дело жизни Гаскелла. Это и утилизация отходов. Вечная утилизация.

– Правильно, – подтвердил Гаскелл. – На сегодняшний день запланированное устаревание в автомобильной промышленности нас уже не устраивает. Что нам нужно, так это встроенная биодegradационная растворимость в кратчайший срок.

Ева слушала, и хоть ничего не понимала, зато ощущала себя в центре некоего интеллектуального мира, далеко превосходящего тот, в котором существовали Генри и его друзья с их скучными разговорами о новых курсах лекций и студентах.

– У нас есть компостная куча в углу сада, – сказала Ева, наконец сообразив, о чем идет речь. – Я туда сбрасываю картофельные очистки и другие отбросы.

Гаскелл возвел глаза к крыше каюты. Поправка. К верхней палубе.

– Кстати, об отбросах, – сказала Салли, любовно поглаживая Евин зад. – Интересно, как там у Генри дела с Джуди?

Ева содрогнулась. Забыть о Генри и кукле в ванне было невозможно.

– Не могу понять, что на него нашло, – сказала она, хмуро взглянув на хихикнувшего Гаскелла. – Он мне никогда не изменял, и все такое. Он не такой, как все... У Патрика Моттрама постоянно шашни с разными женщинами, но Генри всегда был порядочным в этом отношении. Он тихий и не очень напористый, но никто не может назвать его шлендрой.

– Ну конечно, – сказал Гаскелл, – у него предубеждение против секса. Просто сердце разрывается, как его жалко.

– Не понимаю, почему вы считаете, что если он мне не изменяет, значит, у него не все в порядке, – обиделась Ева.

– Джи имел в виду не это, правда, Джи? – сказала Салли. – Он считает, что в браке должна быть настоящая свобода. Никакого господства, никакой ревности, никакого чувства собственности. Джи, я верно говорю?

– Верно, – кивнул Гаскелл.

– Знаешь, как проверяется настоящая любовь? Ты смотришь, как твоя жена трахается с другим, и все равно продолжаешь ее любить, – продолжала Салли.

– Я никогда не смогла бы смотреть, как Генри... – сказала Ева. – Никогда.

– Значит, ты его не любишь. Ты чувствуешь себя неуверенно. Ты ему не доверяешь.

– Доверять ему? – сказала Ева. – Если Генри переспал с другой женщиной, то как я могу ему доверять? Зачем тогда он на мне женился?

– Это сложный вопрос, – заметил Гаскелл и, прихватив спальный мешок, направился на

палубу. За его спиной Ева начала рыдать.

– Тихо, тихо, – сказала Салли, обнимая Еву. – Джи просто пошутил. Он ничего такого не хотел сказать.

– Не в этом дело, – сказала Ева, – я что-то последнее время перестала что-либо понимать. Все так сложно.

* * *

– Господи, что с тобой, ну у тебя и вид, – сказал Питер Брейнтри, открывая Уилту дверь.

– Я скверно себя чувствую. – признался Уилт. – Ох уж этот джин.

– Ты хочешь сказать, Ева не вернулась? – спросил Брейнтри, направляясь по коридору на кухню.

– Когда я пришел домой, ее не было, – ответил Уилт. – Только записка о том, что она уезжает с Прингшеймами, чтобы обо всем подумать.

– Подумать обо всем? Ева? О чем обо всем?

– Ну... – начал было Уилт, но вовремя остановился.

– Наверное, она имеет в виду эту историю с Салли. Она сказала, что никогда меня не простит.

– Но у тебя же ничего не было с Салли. По крайней мере, ты мне так сказал.

– Я-то знаю, что не было. В этом все дело. Если бы я сделал то, чего хотела эта нимфоманиакальная сучка, не было бы никакого шума.

– Генри, я не понимаю. Если бы ты сделал то, чего она хотела, вот тогда у Евы был бы повод жаловаться. Но почему она бесится, если ты ничего не делал?

– Салли ей наврала, сказав, что это я заставлял ее, – произнес Уилт, твердо решив умолчать об инциденте с куклой в ванной.

– Ты что, о минете?

– Сам не знаю, о чем. Кстати, а что такое минет?

На лице Брейнтри отразилось недоумение.

– Не могу сказать точно, – произнес он, – но, судя по всему, это что-то такое, чего жены не ожидают от своих мужей. Если я скажу Бетти, что сделал минет, она подумает, что я ограбил банк.

– Я и не собирался его делать, – сказал Уилт. – Она хотела сделать его мне.

– Наверное, это французский способ, – заявил Брейнтри, ставя чайник на плиту. – Мне так кажется.

– Ну, а мне так не кажется, – сказал Уилт, вздрогнув. – Ты бы видел выражение ее лица.

Он с унылым видом уселся за кухонный стол.

Брейнтри с интересом его разглядывал.

– Такое впечатление, что ты побывал в переделке, – заметил он.

Уилт посмотрел на свои брюки. Они были в грязи, а на коленях налипли круглые глиняные лепешки.

– Да... ну... у меня по дороге колесо спустило, – не слишком убедительно произнес он. – Пришлось менять шину, вставать на колени. Я был здорово под газом.

Питер Брейнтри взглянул на него с сомнением. Объяснение Уилта не показалось ему убедительным. Бедный старина Генри был явно не в себе.

– Ты можешь умыться, – сказал он.

Со второго этажа спустилась Бетти Брейнтри.

– Я невольно слышала, что ты тут говорил о Еве, – сказала она. – Мне очень жаль. Генри. Я бы на твоём месте не волновалась. Она обязательно вернется.

– Рад бы разделить твою уверенность, – мрачно сказал Генри, – но вообще я не знаю, хочу ли заполучить ее назад.

– Да Ева в порядке, – заметила Бетти. – У нее бывают эти неожиданные увлечения и восторги, но ведь все быстро проходит. Просто она так устроена. У Евы ведь как – легко приходит, легко уходит.

– Полагаю, именно это и беспокоит Генри. – вмешался Питер. – Особенно, что касается «легко приходит».

– Ты не прав. Ева совсем не такая.

Уилт сидел за кухонным столом и пил кофе.

– Я все допускаю, если иметь в виду ее сегодняшнюю компанию, – пробормотал он мрачно. – Помните, что было, когда она помешалась на этой макробиотической диете? Доктор Мэнникс мне тогда сказал, что таких близких к цинге случаев ему не приходилось наблюдать со времен, когда он работал на строительстве железной дороги в Бирме. А этот случай с батутом? Она записалась в физкультурный класс при Балхэмском колледже и купила себе этот дурацкий батут. Вы ведь знаете, что из-за этой идиотской штуки миссис Портвей попала в больницу.

– Я помню, что был какой-то несчастный случай, но Ева никогда не вдавалась в подробности, – сказала Бетти.

– Еще бы. Просто чудо, что нас по судам не затаскали, сказал Уилт. – С этого батута миссис Портвей вылетела прямо через крышу парника. Вся лужайка была в битом стекле, причем миссис Портвей никогда не отличалась хорошим здоровьем.

– Это у нее ревматоидный артрит?

Уилт уныло кивнул.

– И шрамы на лице, как после дуэли, – сказал он. – Все из-за нашего парника.

– Должен заметить, что есть места, более подходящие для батута, чем парник, – сказал Питер. – Парник был не слишком велик, верно?

– Слава богу, и батут был не слишком велик, – сказал Уилт. – Иначе миссис Портвей вылетела бы на орбиту.

– Это говорит только об одном, – сказала Бетти, пытаясь найти во всем светлую сторону. – Ева способна на дикие поступки, но это у нее быстро проходит.

– Чего нельзя сказать о миссис Портвей, – заметил Уилт. – Она провалялась в больнице полтора месяца, пересаженная кожа долго не приживлялась. После этого случая она близко к нашему дому не подходит.

– Ты увидишь, эти Прингшеймы надоедят Еве через неделю-другую. Это просто ее очередная причуда.

– Если хотите знать, у этой причуды масса преимуществ. Деньги, статус и сексуальная неразборчивость. Все то, что я ей дать не могу, да к тому же щедро приправленное интеллектуальной трепотней насчет женской эмансипации, насилия, неприятия терпимости, революции полов и насчет того, что, если ты не бисексуален, значит, незрел. От всего этого блевать хочется. Именно на такой бред Ева и покупается. Я хочу сказать, что она способна купить даже протухшую селедку, если какой-нибудь клоун из верхов общества

скажет ей, что сейчас это самое модное блюдо. Вот уж доверчивость так доверчивость.

– Все дело в том, что у Евы слишком много энергии, – сказала Бетти. – Тебе надо попытаться уговорить ее пойти работать.

– Работать? – переспросил Уилт. – Да у нее больше работ, чем у меня обедов. Я ведь еще не все говорю. Мне достается только холодный ужин и записка, в которой она сообщает, что ушла на занятия керамикой, трансцендентальной медитацией или какой-нибудь такой же ерундой. Помните «Поттерс», машиностроительную фирму, которая разорилась после забастовки два года назад? Так вот, если хотите знать, в этом виновата Ева. Она нашла себе работу в фирме, дающей консультации по вопросам рабочего времени и повышения по службе. Ее направили на этот завод. И не успели оглянуться, пожалуйста, забастовка...

Они проговорили около часа, супруги предложили Генри остаться ночевать, но он отказался.

– У меня завтра много дел, – сказал он.

– Например?

– Во-первых, покормить собаку.

– Можно съездить и покормить. За один день Клем не умрет.

Они не смогли уговорить Уилта, который буквально упивался жалостью к себе. К тому же ему не давала покоя мысль о кукле. Может, еще раз попытаться вытащить ее из ямы? Он поехал домой и лег в постель, представлявшую собой кучу одеял и простыней. Утром он ее так и не прибрал.

– Бедный старина Генри, – сказала Бетти, когда они с Питером поднялись наверх. – Он в самом деле ужасно выглядит.

– Он сказал, что ему пришлось менять колесо.

– Да я не об одежде говорю. Меня беспокоит выражение его лица. Тебе не кажется, что он на грани срыва?

Питер Брейнтри покачал головой.

– Хотел бы я посмотреть, какой у тебя был бы вид, если заставить тебя в течение десяти лет каждый день заниматься с газовщиками и штукатурами, да к тому же если у тебя сбежала жена, – сказал он.

– Почему ему не поручат более интересную работу?

– Почему? Да потому, что техучилище хочет стать политехом, вот они и организывают новые курсы лекций, читать которые приглашают людей со степенями, а студенты на эти курсы не записываются. Набрали таких специалистов, как доктор Фитцпатрик, который знает буквально все о детском труде на четырех фабриках в Манчестере в 1837 году, но вряд ли знает что-либо обо всем остальном. А посади его один на один с учениками дневного отделения, и от него останутся рожки да ножки. По крайней мере раз в неделю я вынужден заходить в его старшие классы и говорить студентам, чтобы они заткнулись. А Генри, хоть внешне и робкий, но вполне может справиться с этими безобразниками. Он слишком хорошо выполняет свою работу. В этом причина всех его бед. Кроме того, он не подхалим, а у нас в техучилище это смерти подобно. Не умеешь лизать задницы, ничего не достигнешь.

– Знаешь, – сказала Бетти, – твоя работа ужасно повлияла на твою манеру выражаться.

– Она ужасно повлияла на мое мировоззрение, и плевал я на манеру выражаться, – сказал Брейнтри. – От всего этого запить можно.

– Что, по-видимому, и случилось с Генри. От него так и несло джином.

Однако у Уилта это не прошло. Утром он проснулся с чувством, что не хватает не только Евы, но и чего-то еще. Не хватало проклятой куклы. Он лежал в постели, стараясь придумать какой-нибудь способ вытащить куклу из ямы до того, как в понедельник там появятся рабочие. Но ничего путного не придумал, кроме как вылить в яму канистру бензина и поджечь. Поразмышляв об этом, Уилт пришел к выводу, что лучшего способа привлечь всеобщее внимание к тому, что он засунул в яму пластиковую куклу, одетую в штотки своей жены, трудно изобрести. Никаких других практических идей ему в голову не пришло. Оставалось надеяться, что все как-то обойдется.

Утром Уилт вылез из постели и спустился вниз, чтобы достать воскресные газеты и почитать их за овсянкой. Затем он покормил собаку, послонялся в пижаме по дому, сходил пообедать в гостиницу «Ферри Пат», поспал немного и весь вечер провел перед ящиком. Потом разобрал постель и улегся, но спал плохо, так как все время думал о Еве. Хотя казалось, что теперь после стольких бесплодных часов, отданных размышлениям о том, как избавиться от нее уголовным способом, он должен был бы меньше всего волноваться, куда она исчезла.

«Если я не хотел ее исчезновения, то какого черта я придумывал, как ее убить, – думал он в два часа ночи. – Нормальные люди во время прогулки с Лабрадором не строят планов убийства собственной жены. Ведь с ней можно просто-напросто развестись». Наверное, все дело в этой дерьмовой психологии. Уилт и сам мог придумать несколько психологических причин, что было, пожалуй, многовато и не облегчала выбор наиболее правдоподобной из них. И вообще, психологическое объяснение требовало такой степени самопознания, которой Уилт, будучи неуверен, что у него вообще есть что познавать в себе, был лишен. Десять лет, проведенные со штукартами, лицом к лицу с вандализмом, научили его, что на каждый вопрос есть ответ, и не важно, каков этот ответ, если он звучит убедительно. В XIV веке сказали бы, что эти мысли у него от дьявола. Теперь же, в постфрейдовскую эпоху, начнут болтать о комплексах или, что современнее, о химическом дисбалансе. Через сотню лет появится совершенно иное объяснение. С успокоительной мыслью, что то, что является правдой в одну эпоху, оказывается полным абсурдом в другую, и что не суть важно, о чем ты думаешь, коль скоро ты поступаешь как надо – а именно это, с его точки зрения, он и делал, – Уилт заснул.

Будильник разбудил его в семь часов, а в половине девятого он припарковал машину на стоянке позади училища. Он прошел мимо строительной площадки, где уже трудились рабочие. Потом зашел в учительскую и выглянул из окна. Квадрат фанеры был на месте, прикрывая яму, но бурильную машину убрали. По-видимому, в ней не было больше нужды.

Без пяти девять он взял из шкафа 25 экземпляров «Шейна» и отправился в группу механиков. Книга была идеальным снотворным. Эти тупицы будут вести себя тихо, а он посидит и посмотрит, что происходит внизу. Вид на строительную площадку из 593-й комнаты машиностроительного корпуса был как из партера. Уилт заполнил журнал, раздал книги ученикам. Все это он проделал с куда большим энтузиазмом, чем можно было ожидать от него в понедельник утром, и класс углубился в невзгоды фермеров. Сам Уилт

уоставился в окно, захваченный происходившими там драматическими событиями.

Грузовик с вращающимся барабаном, наполненным жидким бетоном, въехал на стройплощадку и стал медленно пятиться задом к фанерному квадрату. Затем он остановился. Прошло несколько мучительных минут, пока водитель выбирался из кабины и закуривал сигарету. Еще один человек, судя по всему мастер, вышел из деревянного домика и направился к грузовику. Вскоре около ямы собралось несколько человек. Уилт поднялся и подошел к окну поближе. Какого черта они прохлаждаются? Наконец водитель вернулся в кабину, а двое рабочих сняли фанеру. Желоб идущий от барабана, установили в нужную позицию. Еще один сигнал. Барабан начал наклоняться. Сейчас польется бетон. Уилт видел, как он начал течь по желобу, и как раз в этот момент мастер заглянул в яму. За ним еще один рабочий. В следующее мгновение площадка превратилась в сумасшедший дом. Мастер орал и дико махал руками. Через окно Уилту были ясно видны только широко разинутые рты и суматошные жесты. Но бетон продолжал литься. Уилт закрыл глаза и содрогнулся. Они нашли эту блядскую куклу.

* * *

На стройплощадке царила полная неразбериха.

– Чего орешь? Я быстрее лить не могу, – кричал водитель, неправильно поняв отчаянные сигналы мастера. Он передвинул рукоятку вперед до упора, и бетон начал литься еще быстрее. В следующее мгновение он сообразил, что сделал что-то не так. Мастер дергал ручку кабины и орал благим матом.

– Остановись, Христа ради, остановись, – орал он. – Там внизу баба.

– Кто? – переспросил водитель и выключил мотор.

– Баба, мать ее так, и посмотри, что ты, мать твою, натворил. Я говорил тебе, чтоб ты остановился. Говорил, кончай лить, а ты продолжал. Теперь на ней двадцать тонн жидкого бетона.

Водитель выбрался из кабины и подошел к желобу, с которого падали в яму последние капли бетона.

– Баба? – спросил он. – Где? В яме? А чего она там делает?

Мастер дико посмотрел на него.

– Делает? – прорычал он. – Как ты думаешь, что она там делает? Что бы ты делал, если бы на тебя вылили двадцать тонн жидкого бетона? Утонул бы, к такой-то матери, вот что.

Водитель почесал голову.

– Откуда же мне было знать, что она там внизу? Как я мог это знать? Надо было сказать.

– Сказать? – завопил мастер. – Я сказал. Я говорил, чтобы ты остановился. Но ты не слушал.

– Я думал, что надо лить быстрее. Я не мог расслышать, что ты там говоришь.

– Зато любой педик в округе мог, – орал мастер. Вне сомнения и Уилт в комнате 593 мог. Он с ужасом наблюдал, как стройплощадку охватывает паника. За его спиной механики из третьей группы, потеряв всякий интерес к книге, столпились у окна и наблюдали за развитием событий.

– Ты уверен? – спросил водитель.

– Уверен? Конечно, уверен, – кричал мастер. – Спроси Барни.

Другой рабочий, по-видимому Барни, кивнул.

– Была она там, внизу, точно. Могу поручиться. И вся такая скрюченная. У нее одна рука была вытянута вверх, а ноги...

– Господи, – сказал явно потрясенный водитель. – А чего теперь-то делать?

Именно этот вопрос волновал Уилта. По-видимому, позвать полицию. Как оказалось, мастер придерживался той же точки зрения.

– Позвоните в полицию. И в «Скорую помощь». И пожарным. Достаньте насос. Бога ради, достаньте насос.

– Насос не поможет, – заметил водитель. – Вы бетон оттуда не выкачаете, как ни старайтесь. Да и какая в том польза? Она наверняка уже померла. Раздавлена насмерть. Тонуть ей не понадобится под двадцатью тоннами. А чего она молчала?

– Много было бы пользы, если бы она что-то сказала, – хрипло промолвил мастер. – Ты бы все равно продолжал лить.

– А вообще, как она туда попала? – спросил водитель, желая сменить тему.

– Хер ее знает. Упала, наверное...

– И прикрыла за собой дыру фанерой, так, что ли? – спросил Барни, который определенно отличался практическим складом ума. – Кто-то ее кокнул.

– Мы все это знаем, – взвизгнул мастер. – Крис, вот кто. Я велел ему прекратить лить. Вы слышали. Все в радиусе полмили слышали, только не Крис. Нет, Крису надо было продолжать...

– Ее кокнули до того, как она попала в яму, – сказал Барни. – Если бы она свалилась туда сама, эта деревянная крышка не была бы на месте.

Мастер вытер лицо платком и уставился на фанеру.

– В этом что-то есть, – пробормотал он. – Никто не может сказать, что мы не приняли всех мер предосторожности. Ты прав. Ее, наверное, убили. О, Господи!

– Убийство на почве секса, точно, – сказал Барни. – Изнасиловали и потом задушили. А может, это чья-нибудь благоверная. Попомните мои слова. Вся такая скрюченная, и эта рука... Никогда не забуду эту руку, до конца дней своих.

Мертвецки бледный мастер взглянул на него. Казалось, он не мог найти слова, чтобы выразить свои чувства. Как, впрочем, и Уилт. Он вернулся за свой стол и сидел там, охватив голову руками, пока весь класс, разинув рты, глазел из окна, пытаясь разобраться, в чем дело. Вскоре завывли сирены, вой становился все громче. Прибыли полицейская машина, четыре пожарных и «Скорая помощь». Все больше людей в форме собиралось вокруг того, что когда-то было дырой в земле. Стало совершенно очевидно, что засунуть куклу в яму неизмеримо легче, чем вытащить ее оттуда.

– Бетон схватывается через двадцать минут, – объяснил водитель, когда кто-то в сотый раз заговорил о насосе. Инспектор полиции и начальник пожарной бригады тупо смотрели на яму.

– Вы уверены, что видели тело женщины там, внизу? – спросил инспектор. – Вы уверены?

– Уверен? – завопил мастер. – Еще как уверен. Вы же не думаете... Скажи им, Барни. Ты тоже видел.

Барни рассказал все инспектору с еще более живописными подробностями.

– У нее были такие волосы, и рука вытянута вперед, как будто она просила о помощи, и эти пальцы... Говорю вам, зрелище было кошмарное. Как-то все неестественно.

– Чего уж тут естественного, – сказал инспектор сочувственно. – И вы говорите, что, когда вы пришли утром, яма была закрыта фанерой?

Мастер ответил выразительным жестом, а Барни показал фанерный щит.

– Я на нем сейчас стою, – сказал он. – Все было, как надо, да поможет мне Бог.

– Загвоздка в том, как вытащить ее оттуда, – сказал начальник пожарной бригады. С этим же вопросом обратились к управляющему строительной компании, когда он прибыл на место происшествия.

– Один Бог знает, – ответствовал он. – Вынуть теперь весь этот бетон будет чертовски трудно. Понадобятся буры, чтобы добраться до десятиметровой глубины.

Прошел уже почти час, а решение не было найдено. Механики нехотя оторвались от увлекательного зрелища и потащились на урок черчения, Уилт собрал непрочитанные экземпляры «Шейна» и в полном шоке направился в учительскую. Единственное утешение, что им понадобится два или три дня, чтобы добраться до дна и убедиться, что там не тело убитой женщины, а просто надувная кукла. Правда, Уилт сомневался, что она осталась надутой. Противостоять жидкому бетону казалось делом безнадежным.

Противостоять жидкой грязи, в которой застрял катер, тоже было невозможно. В дополнение ко всем их бедам, отказал двигатель. Гаскелл сказал, что все дело в руле.

– Это что, надолго? – спросила Салли.

– Это значит, что нас придется тащить к пристани на буксире.

– И кто же это будет делать? – спросила Салли.

– Какое-нибудь проходящее судно, – ответил Гаскелл.

Салли посмотрела на окружающие их камыши.

– Проходящее? – сказала она. – Мы торчим здесь всю ночь и полутра, и пока ничего не проходило, а если и проходило, то мы бы все равно не заметили из-за этого чертового камыша.

– Мне казалось, камыш тебя возбуждает.

– То было вчера, – резко сказала Салли. – Сегодня он означает, что нас никто не увидит с десяти метров. И ты запорол двигатель. Говорила тебе, не гоняй его так.

– Откуда я мог знать, что из-за этого полетит рулевое управление? – сказал Гаскелл. – Я пытался сняться с этой мели. Хотел бы я знать, как можно это сделать, не заводя двигатель.

– Мог вылезти и подтолкнуть.

Гаскелл посмотрел за борт.

– Я бы вылез и утонул, – заявил он.

– Катеру было бы легче, – заметила Салли. – Все должны идти на жертвы, к тому же ты обещал, что прилив снимет нас с мели.

– Ну, я ошибся. Там вода пресная, а это значит, что прилив сюда не доходит.

– Тебя слушать... Сначала мы на Лягушачьем пляже...

– Плесе, – поправил Гаскелл.

– Лягушачьем, черт знает чем. Потом оказывается, что мы в проливе Фен. А теперь где же мы, наконец, черт побери?

– В грязи, – ответил Гаскелл.

* * *

Ева суетилась в каюте. Там было не слишком много места для суеты, но то, что было, она использовала на сто процентов. Она застелила койки, убрала постельное белье в ящики под ними, поправила занавески и вытряхнула окурки из пепельниц. Подмела пол, протерла стол и окна, стерла пыль с полок и вообще привела все по возможности в порядок. Тем временем мысли ее становились все беспорядочнее и путаннее, и к тому моменту, когда она закончила уборку и все вокруг было на своем месте, а в каюте чисто, она окончательно запуталась и не знала, что ей и думать.

Прингшеймы были такие изысканные и богатые, и интеллектуалы, и говорили постоянно такие умные вещи, но они все время цеплялись друг к другу и ссорились, и, честно говоря, были совсем непрактичными и понятия не имели о гигиене. Гаскелл не мыл руки после туалета, и трудно сказать, когда он в последний раз брился. И еще, как они могли уехать из дома на Росситер Глоув, даже не прибрав после вечеринки, оставив кучу чашек и

всякого мусора в гостиной. Ева была просто шокирована. Она бы никогда не уехала из дома, оставив там такую грязь. Она сказала об этом Салли, но Салли ответила, что не надо быть занудой и что дом не их, они сняли его на лето, и что общественная система, в которой доминирует мужчина, всегда ожидает от женщины готовности безропотно выполнять рабский домашний труд. Ева попыталась понять, о чем речь, и почувствовала себя виноватой оттого, что ей это не удалось и оттого, что, по-видимому, считалось ущербным так гордиться своим домом, как это делала она.

И потом еще эта история с Генри и куклой. Совсем не похоже на Генри. Чем больше она об этом думала; тем более странным все это ей казалось. Конечно, он был пьян, и все же... совсем без одежды? И где он взял куклу? Она задала этот вопрос Салли и ужаснулась, узнав, что Гаскелл без ума от пластика и обожает играть во всякие игры с Джуди, и что все мужики такие, и что по-настоящему осмысленные отношения могут быть только между женщинами, потому что женщинам нет нужды доказывать свою половую зрелость при помощи открытых актов экстрасексуального насилия, разве не так? К этому времени Ева окончательно потеряла смысл слов, которые были ей непонятны, но звучали так веско, и потому они в очередной раз занялись касательной терапией.

Касательная терапия была еще одним пунктом, по которому Ева никак не могла прийти к окончательному мнению. Салли говорила, что она все еще заторможена, а это признак эмоциональной и чувственной незрелости. Ева же боролась со своими двойственными чувствами. С одной стороны, ей не хотелось быть эмоционально и чувственно незрелой, и, если судить по тому отращению, которое она испытывала, лежа голой в объятиях другой женщины, то она стремительно развивалась и психически и сексуально, так как, с точки зрения Евы, чем противнее лекарство на вкус, тем больше оно приносит пользы. С другой стороны, она была далеко не убеждена, что касательная терапия – это прилично. Она превозмогала себя только большим усилием воли и все равно в глубине души сомневалась, что это правильно, когда тебя трогают в таких местах. Ко всему прочему, ее заставили пить противозачаточные таблетки. Ева очень возражала и говорила, что она и Генри всегда хотели иметь детей, но Салли настояла.

– Ева, детка, – сказала она, – с Гаскеллом никогда нельзя быть ни в чем уверенной. Иногда у него месяцами ничего не шелохнется, а потом вдруг от него нет отбоя. И он абсолютно неразборчив.

– Но мне казалось, вы говорили, что у вас настоящие отношения, – сказала Ева.

– О, конечно. В полнолуние. Ученые из всего извлекают только суть, а смысл жизни для Джи – пластик. И нам бы не хотелось, чтобы ты вернулась к Генри с генами Джи в яичниках, не так ли?

– Вне всякого сомнения, – согласилась Ева, ужаснувшись этой мысли, и после завтрака, перед тем как заняться уборкой крошечного камбуза и мытьем посуды, проглотила таблетку. Все это так отличалось от трансцендентальной медитации и занятий керамикой.

На палубе Салли и Гаскелл продолжали ссориться.

– Что это ты подсовываешь безмозглым сиськам? – поинтересовался Гаскелл.

– Касательная терапия, телесный контакт, эмансипация путем осязания, – сказала Салли. – Ей не хватает чувственности.

– Мозгов ей тоже не хватает. Мне приходилось встречаться с дурами, но тупее этой не видел. Впрочем, я спрашивал про те таблетки, которые она принимает за завтраком.

Салли улыбнулась.

– Ах, эти, – сказала она.

– Да, эти. Ты что, решила лишить ее последней капли рассудка? – спросил Гаскелл. – У нас и так хватает забот.

– Оральные контрацептивы, крошка, старые, добрые противозачаточные таблетки.

– Оральные контрацептивы? Какого черта? Да она мне на дух не нужна.

– Гаскелл, радость моя, какой ты наивный. Для убедительности, только для убедительности. Это делает мои с ней отношения куда реальнее, не находишь? Все равно, что одеть презерватив на искусственный член.

Гаскелл смотрел на нее, разинув рот.

– Бог мой, уж не хочешь ли ты сказать, что вы...

– Еще нет. Длинный Джон Силвер пока в своей коробке, но вскоре, когда она почувствует себя вполне эмансипированной... – Она задумчиво улыбнулась, глядя на камыши. – Может, не так уж плохо, что мы здесь застряли. Это даст нам время, такое чудное время, а ты пока посмотришь на уток...

– Болотных птиц, – поправил Гаскелл, – и если мы не вернем этот катер вовремя, нам придется платить по огромному счету.

– Счету? – сказала Салли. – Ты что, рехнулся? Уж не думаешь ли ты, что мы будем платить за эту посудину?

– Но ты же арендовала ее на лодочной станции. Только не говори мне, что ты взяла ее без спросу, – сказал Гаскелл. – Господи, это же воровство?

Салли засмеялась.

– Честно говоря, Джи, ты чересчур морально устойчив. Но ты непоследователен. Ты крадешь книги в библиотеке и химикаты в лаборатории, но когда дело доходит до катеров, тут у тебя высокие принципы.

– Книжки – совсем другое дело, – с жаром сказал Гаскелл.

– Верно, – сказала Салли, – за книги не сажают в тюрьму. В этом вся разница. Если хочешь, можешь продолжать думать, что я стащила лодку.

Гаскелл вытащил платок и протер очки.

– А ты хочешь сказать, что не крала?

– Я взяла ее взаймы.

– Взаймы? У кого?

– У Шея.

– Шеймахера?

– Верно. Он сказал, что мы можем пользоваться катером, когда захотим, вот мы и взяли.

– А он в курсе?

Салли вздохнула.

– Послушай, он ведь сейчас в Индии, сперму собирает, так? Какое это имеет значение, в курсе он или нет? К тому времени, когда он вернется, мы уже будем далеко.

– Твою мать, – выругался Гаскелл устало, – когда-нибудь благодаря тебе мы окажемся в дерьме по самую маковку.

– Гаскелл, радость моя, иногда твои волнения надоедают мне до чертиков.

– Вот что я тебе скажу. Меня беспокоит твое чертовски вольное отношение к чужой собственности.

– Собственность – то же воровство.

– Ну еще бы. Остается внушить это полицейским, когда они тебя наконец схватят.

Легавым в этой стране не нравится, когда воруют.

* * *

Легавым равно не нравилась и мысль о хорошо упитанной женщине, по всей видимости убитой и погребенной под десятью метрами и двадцатью тоннами быстро схватывающегося бетона. Подробности насчет упитанности исходили от Барни.

– У нее были большие сиськи, – утверждал он в седьмой версии того, что он видел. – И эта рука, вытянутая вперед...

– Ладно, о руке мы уже все знаем, – сказал инспектор Флинт. – Мы об этом уж слышали, но о груди ты говоришь впервые.

– Я ошалел от этой руки, – сказал Барни. – Я хочу сказать, о сиськах в такой ситуации как-то не думаешь.

Инспектор повернулся к мастеру.

– А вы заметили грудь покойной? – спросил он. Но мастер только отрицательно покачал головой. Слов у него уже не было.

– Значит, это была упитанная женщина... Как вы думаете, сколько ей лет?

Барни задумчиво потер подбородок.

– Не старая, – сказал он наконец. – Определенно, не старая.

– Двадцать с небольшим?

– Может.

– Тридцать с небольшим?

Барни пожал плечами. Он пытался вспомнить что-то, что в тот момент показалось ему странным.

– Но точно моложе сорока?

– Нет, значительно моложе, – сказал Барни неуверенно.

– Что-то вы никак не определитесь, – заметил инспектор Флинт.

– Ничего не могу поделать, – сказал Барни жалобно. – Когда ты видишь бабу на дне грязной ямы, а сверху на нее льется бетон, как-то не с руки спрашивать, сколько ей лет.

– Разумеется. Я понимаю, и все же подумайте хорошенько. Может, было в ней что-то особенное...

– Особенное? Ну, вот эта ее рука.

Инспектор Флинт вздохнул.

– Я спрашиваю, было ли что-нибудь необычное в ее внешности. Например, ее прическа. Какого цвета у нее волосы?

Барни вспомнил.

– Я чувствовал, что там что-то было не так, – сказал он довольным голосом. – Ее волосы. Они были наперекосяк.

– Ну, это неудивительно. Трудно сбросить женщину в десятиметровую яму, не повредив ей прически.

– Да нет, не то. Они были набекрень и примяты. Будто ее кто стукнул.

– Наверное, ее действительно кто-то стукнул. Если то, что вы говорите о фанерной крышке, правда, то она попала в яму не по своей собственной воле. Но вы так и не можете поточнее определить ее возраст?

– Ну, – начал Барни, – отдельные ее части выглядели молодо, а другие нет. Вот все, что я могу сказать.

– Какие части? – спросил инспектор, от всей души надеясь, что Барни не примется снова за руку.

– Ну, ее ноги не соответствовали ее титькам, понимаете? – Инспектор не понимал. – Они были тонкие и все скрюченные.

– Что? Ноги или сиськи?

– Конечно, ноги, – ответил Барни. – Я ж говорил, что у нее такие славные, большие...

* * *

– Мы собираемся расследовать это дело как убийство, – сказал инспектор директору училища десятью минутами позже. Директор сидел за письменным столом и с отчаянием думал, какая это будет скверная реклама для училища.

– Вы абсолютно уверены, что это не мог быть несчастный случай?

– В данный момент все свидетельские показания говорят не в пользу несчастного случая, – сказал инспектор. – Однако абсолютно уверенными в этом мы сможем быть только тогда, когда достанем тело, а это, боюсь, займет немало времени.

– Времени? – переспросил директор. – Вы что, хотите сказать, что вы не сможете достать ее сегодня утром?

Инспектор покачал головой.

– Об этом не может быть и речи, сэр, – сказал он. – Мы сейчас рассматриваем два способа достать ее оттуда, и оба потребуют нескольких дней. Один – пробуриться через бетон, и другой – выкопать еще один шурф рядом с первым и попробовать добраться до нее по горизонтали.

– Боже ж ты мой, – воскликнул директор, глядя на календарь. – Но ведь это значит, что вы тут будете ковыряться еще несколько дней.

– Боюсь, что так. Тот, кто ее туда засунул, все хорошо предусмотрел. Но мы постараемся беспокоить вас как можно меньше.

Из окна директору были видны четыре полицейские машины, пожарная машина и большой синий фургон.

– Как же все некстати. – пробормотал он.

– С убийством всегда так, – сказал инспектор и поднялся. – Такое уж это дело. А пока мы закрываем вход на площадку и будем вам благодарны за содействие.

– Сделаем все, что нужно, – сказал директор и тяжело вздохнул.

* * *

В учительской реакция на скопление такого количества людей в форме вокруг шурфа для свай была разной, как, впрочем, и на дюжину полицейских, обыскивающих стройплощадку, которые время от времени останавливались и что-то осторожно складывали в конверты. Но кульминацией явилось прибытие синего фургона.

– Это передвижной отдел по убийствам, – объяснил Питер Фенвик. – Судя по всему,

какой-то маньяк убил женщину и спрятал ее на дне одного из шурфов.

Новые левые, сгрудившиеся в уголке и обсуждавшие возможные последствия существования в стране такого количества военизированных фашистских ублюдков, вздыхали, как бы сожалея о своем несостоявшемся мученичестве. Но продолжали выражать сомнения.

– Да нет, серьезно. – сказал Фенвик. – Я спросил одного из них, что они там делают. Я сначала подумал, что это тревога из-за подложенной террористами бомбы.

Доктор Кокс, начальник научного отдела, поддержал его. Кабинет доктора находился непосредственно над котлованом.

– Просто страшно подумать, – пробормотал он. – Каждый раз, как я туда смотрю, я думаю, что она должна была пережить.

– Как вы думаете, что они складывают в эти конверты?

– Улики, – сказал доктор Боард с видимым удовлетворением. – Волосы. Кусочки кожи и следы крови. Все, что обычно сопутствует такому преступлению, как убийство.

Доктор Кокс поспешно покинул комнату, а на лице доктора Мейфилда появилась гримаса отвращения.

– Какая гадость, – сказал он. – А может, все это какая-то ошибка? Кому это понадобилось убивать женщину именно здесь?

Доктор Боард задумчиво взглянул на него и отпил глоток кофе.

– Да я могу назвать дюжину причин, – заявил он удовлетворенно. – В моем вечернем классе есть по меньшей мере десяток женщин, которых бы я с радостью задушил и сбросил в яму. К примеру, Сильвию Сванбек.

– Тот, кто это сделал, наверняка знал, что сегодня они зальют ямы бетоном. – сказал Фенвик. – Похоже, это кто-то из здешних.

– Возможно, один из наших наименее общественно сознательных студентов, – предположил доктор Боард. – Полагаю, у полиции не было времени проверить, не отсутствует ли кто из наших сотрудников?

– Вероятнее всего, к училищу это не имеет никакого отношения, – сказал доктор Мейфилд. – Какой-то маньяк...

– Чего уж, давайте называть вещи своими именами, – прервал его доктор Боард. – Во всем этом определенно есть элемент преднамеренности. Убийца, кто бы он ни был, очень тщательно все продумал. Странно только, почему он не засыпал тело несчастной женщины землей, чтобы ее нельзя было заметить. Наверное, он собирался это сделать, но ему кто-то помешал. Судьба щедра на такие сюрпризы.

Уилт сидел в углу учительской и пил кофе, сознавая, что он один-единственный не пялится из окна. Что же, черт возьми, ему теперь делать? Самым разумным было бы пойти в полицию и объяснить, что он пытался таким способом избавиться от надувной куклы, которую ему кое-кто дал. Только вот поверят ли они ему? Если это все, то почему тогда он обрядил куклу в парик и одежду жены? И почему он оставил ее надутой? Почему он ее просто не выбросил? Он как раз просчитывал все за и против, когда вошел заведующий машиностроительным отделением и возвестил, что полиция намерена пробурить еще один шурф параллельно первому, вместо того, чтобы пытаться пробраться к ней через бетон.

– Они рассчитывают, что смогут наткнуться на какие-либо ее части, торчащие в стороны, – объяснил он. – Судя по всему, у нее одна рука была поднята, и есть шанс, что весь этот льющийся сверху бетон прижал руку к стенке ямы. Так будет значительно быстрее.

– Не понимаю, куда торопиться, – сказал доктор Боард. – Полагаю, она достаточно хорошо сохранится в этом бетоне. Я бы сказал, он ее мумифицировал.

Уилт в своем углу сильно в этом сомневался. Даже Джуди, которая была чрезвычайно стойкой куклой, вряд ли способна выдержать давление двадцати тонн бетона. Она должна была лопнуть, это и ежу понятно, так что единственное, что полиция найдет, так это пластиковую руку от куклы. Вряд ли они будут выкапывать всю лопнувшую куклу.

– И еще одно соображение, – добавил начальник машиностроительного отделения. – Если рука торчит в сторону, то они сразу смогут взять отпечатки пальцев.

Уилт улыбнулся про себя. Вот уж чего они не найдут у Джуди, так это отпечатков пальцев. Он допил кофе и в несколько улучшенном настроении отправился в класс старших секретарей. Он нашел их в большом возбуждении в связи с убийством.

– Вы думаете, это убийство на почве секса? – спросила маленькая блондинка с первой парты, когда Уилт раздавал экземпляры книги «Этот остров сегодня». Он давно заметил, что глава о превратностях судеб подростков обычно нравится старшим секретарям. В ней повествовалось о сексе и насилии. Все это уже лет на двенадцать устарело, как, впрочем; и старшие секретари. Сегодня, однако, книга не потребовалась.

– Я вообще не думаю, что это было убийство, – сказал Уилт, садясь за стол.

– Конечно убийство. Они видели тело женщины там, внизу, – настаивала маленькая блондинка.

– Им показалось, что они видели нечто, похожее на тело, – поправил Уилт. – А это не значит, что так оно и есть. Это все шутки человеческого воображения.

– А полиция думает иначе, – заметила крупная девица, чей отец был какой-то шишкой в городе; – Иначе чего бы это они так суетились. У нас однажды произошло убийство на поле для гольфа, нашли части тела в яме с водой. Шесть месяцев там пролежали. Сначала они выловили ступню. Она была такая распухшая и зеленая... – Бледная девица из Уилстантона в третьем ряду упала в обморок. Пока Уилт приводил ее в чувство и отводил в медкабинет, класс занимался Криппеном, Хейем и Кристи. Когда Уилт вернулся, девы толковали о кислотных ваннах.

– ...и все, что они нашли, это вставные зубы и камни из почек.

– Создается впечатление, что вы весьма осведомлены насчет убийств, – сказал Уилт крупной девице.

– Папа часто играет в бридж с главным констеблем, – объяснила она. – Тот приходит к нам обедать и рассказывает потрясающие истории. И еще он считает, что пора опять начать вешать преступников.

– Меня это не удивляет, – мрачно сказал Уилт. Старшие секретари часто оказывались знакомы с главными констеблями, жаждущими вернуть казнь через повешение. Обычно все их разговоры сводились к маме, папе и лошадям.

– Во всяком случае, повешение безболезненно, – заявила крупная девица. – Сэр Франк говорит, что хорошему палачу хватит двадцати секунд, чтобы привести осужденного из камеры смертников, поставить над люком, накинуть петлю на шею и нажать на рычаг.

– Почему такие привилегии только для мужчин? – с горечью спросил Уилт. Класс посмотрел на него с осуждением.

– Последней женщиной, которую они повесили, была Руфь Эллис, – сказала блондинка с первой парты.

– И вообще, с женщинами по-другому, – заметила крупная девица.

– Почему? – опрометчиво спросил Уилт.

– Нужно больше времени.

– Больше времени?

– Миссис Томсон пришлось привязывать к стулу, – вмешалась блондинка. – Она вела себя постыдно.

– Должен сказать, я нахожу ваши умозаключения несколько своеобразными, – сказал Уилт. – Вне всякого сомнения, постыдно женщине убить своего мужа. Но я не вижу ничего постыдного в том, что она стала сопротивляться, когда пришли, чтобы повести ее на казнь. Я считаю...

– Да не поэтому, – перебила крупная девица, которую невозможно было сбить с раз избранного пути.

– Что не поэтому? – спросил Уилт.

– Надо больше времени. Их заставляют одевать непромокаемые штаны.

Уилт вздрогнул от отвращения.

– Непромокаемые что? – спросил он, не подумав.

– Непромокаемые штаны, – сказала крупная девица.

– Бог ты мой. – вздохнул Уилт.

– Понимаете, когда петля затягивается, у них все внутренности вываливаются, – продолжала крупная девица, ставя последнюю точку. Уилт дико посмотрел на нее и шатаясь вышел из класса.

В коридоре Уилт прислонился к стене и почувствовал, что его тошнит. Эти мерзкие девки могли дать сто очков вперед газовщикам. По крайней мере, парни не вдавались в такие отвратительные анатомические подробности. К тому же все старшие секретари были из так называемых хороших семей. Когда он почувствовал, что в состоянии вернуться в класс, прозвенел звонок. Уилт вошел в комнату и стыдливо собрал книги.

* * *

– Фамилия Уилт о чем-нибудь вам говорит? Генри Уилт? – спросил инспектор.

– Уилт? – переспросил заместитель директора, которому поручили разобраться с полицией, пока сам директор проводил время более продуктивно, стараясь нейтрализовать действие той негативной огласки, которую вызвало это отвратительное дело. – Да, конечно. Он один из наших преподавателей гуманитарных наук. А в чем дело? Что-нибудь...

– Если вы не возражаете, сэр, я хотел бы с ним поговорить. Наедине.

– Но Уилт совершенно безобидный человек, – сказал заместитель директора. – Я уверен, что он ничем не сможет вам помочь.

– Возможно, но тем не менее...

– Уж не хотите ли вы сказать, что Генри Уилт имеет отношение... – заместитель директора замолчал, увидев выражение лица инспектора. Оно было угрожающе безразличным.

– Я бы не хотел в данный момент вдаваться в подробности, – сказал инспектор Флинт, – и не стоит торопиться с выводами.

Заместитель директора взял телефонную трубку.

– Вы хотите, чтобы он спустился вниз к машинам? – спросил он.

Инспектор Флинт отрицательно покачал головой.

– Чем незаметнее, тем лучше. У вас случайно не найдется свободной комнаты?

– Есть, рядом. Вы можете ей воспользоваться.

* * *

Уилт сидел в столовой за ленчем вместе с Питером Брейнтри, когда секретарша заместителя директора передала ему его просьбу.

– А попозже нельзя? – спросил Уилт.

– Он сказал, что это очень срочно.

– Вероятно, он наконец решил назначить тебя старшим преподавателем, – сказал Брейнтри оптимистично. Уилт проглотил остатки своей яичницы по-шотландски и поднялся.

– Сильно сомневаюсь, – сказал он, неохотно покидая столовую и поднимаясь по ступеням. Уилта терзало ужасное предчувствие, что этот вызов менее всего был связан с его продвижением по должности.

* * *

– Значит так, сэр, – сказал инспектор, когда они уселись. – Меня зовут Флинт, инспектор Флинт из уголовного отдела, а вы мистер Уилт, так? Генри Уилт?

– Да, – ответил Уилт.

– Вот что, мистер Уилт, вы, наверное, догадались, что мы расследуем предполагаемое убийство женщины, чье тело предположительно было спрятано в одном из шурфов для свай нового корпуса. Полагаю, вы об этом знаете. – Уилт кивнул. – Естественно, мы интересуемся всем, что могло бы нам помочь. Не могли бы вы взглянуть вот на эти записи?

Он протянул Уилту листок бумаги. Заголовок гласил: «Заметки о роли насилия и распаде семьи». Затем следовала серия подзаголовков.

«1. Растущая роль насилия в общественной жизни как средство для достижения политических целей. а. Бомбы, б. Угоны самолетов, в. Похищения, г. Убийства.

2. Низкая эффективность полицейских методов борьбы с насилием. а. Негативный подход. Полиция способна реагировать на преступление только после его совершения. б. Применение насильственных методов самой полицией. в. Низкий интеллектуальный уровень среднего полицейского. г. Изобретательность, как тактика преступников.

3. Роль средств массовой информации. ТВ учит прямо на дому, как совершать убийства».

Там было не только это. Еще много другого. Уилт обреченно смотрел на листок бумаги.

– Вам знаком этот почерк? – спросил инспектор.

– Да, – ответил Уилт, исподволь осваивая тот эллиптический язык, что свойствен судам.

– Вы признаете, что написали эти заметки? – Инспектор протянул руку и отобрал у Уилта лист бумаги.

– Да.

– Таково ваше мнение о работе полиции?

Уилт попытался взять себя в руки.

– Это наброски, которые я делал, готовясь к занятиям с практикантами-пожарниками, – пояснил он. – Просто так, черновик. Нужно еще поработать...

– Но вы не отрицаете, что вы их писали?

– Конечно, нет. Я только что сказал, что это мои записки, так ведь?

Инспектор кивнул и взял в руки книгу.

– Ваша книга?

Уилт посмотрел на «Открытый дом».

– Раз там написано, что моя, значит, моя.

Инспектор открыл книгу.

– Верно, – сказал он с изумлением, – совершенно верно.

Уилт уставился на него. Не было смысла делать хорошую мину при плохой игре. Пора с этим кончать. Они нашли проклятую книгу в корзине велосипеда, а заметки, должно быть, вывалились у него из кармана на строительной площадке.

– Послушайте, инспектор, – сказал он. – Я могу все объяснить. Я действительно был на стройплощадке...

Инспектор встал.

– Мистер Уилт, если вы собираетесь сделать заявление, то я должен предупредить вас, что...

Уилт отправился в фургон передвижного центра по расследованию убийств и там, в присутствии полицейского стенографа, сделал заявление. Тот факт, что он прошел в синий фургон, но не вышел из него, был с интересом отмечен сотрудниками, находившимися в это время в учебном корпусе, студентами, сидевшими в столовой, и двадцатью пятью коллегами-преподавателями, глазевшими из окон учительской.

– Будь она проклята, эта штука. – в сердцах сказал весь измазанный мазутом Гаскелл, стоя на коленях рядом с двигателем. – Надо же, даже сейчас, в век технического монархизма, они не способны сделать приличный двигатель. Этот, должно быть, соорудился еще для Ноева ковчега.

– Ковчег, – сказала Салли, – а потом еще рубили головы королям. Кстати, учти, что Ева – регинофилка.

– Кто?

– Регинофилка. Монархистка. Поимей это в виду. Она вся за королеву, так что оставь свои антибританские настроения. Мы же не хотим, чтобы она взяла пример с двигателя и бросила работать. Может, дело вовсе не в рулевом управлении.

– Если бы я смог снять головку, я бы сказал, – заметил Гаскелл.

– И какая от этого польза? Другая появится? – спросила Салли и пошла в каюту, где Ева размышляла, что они будут есть на ужин. – Крошка весь в мазуте и все еще развлекается с двигателем. Винит во всем рулевое управление.

– Рулевое управление?

– Это такое соединение, детка.

– С чем?

– Тазобедренная кость соединяется с голенью. А тут все соединяется с поршнем. Все знают, что поршень – символ пениса. Механизированный мужской заменитель секса. Честно, Гаскелл такой регрессивный.

– Я не знаю, – сказала Ева.

Салли снова легла на койку и закурила сигару.

– Вот это мне в тебе и нравится, Ева. Ты ничего не знаешь. Невинность очаровательна, детка. Свою я потеряла в четырнадцать.

Ева покачала головой.

– Эти мужчины, – сказала она с укором.

– Он по возрасту годился мне в дедушки, – сказала Салли. – Он и был моим дедушкой.

– Не может быть! Какой ужас!

– Ну не буквально, – рассмеялась Салли. – Он был художником. С бородой. Потом запах краски на его халате, и эта студия, и он захотел нарисовать меня обнаженной. В те дни я была такой чистой. Он заставил меня лечь на кушетку и уложил мои ноги. Он всегда укладывал мои ноги, а потом отходил в сторону, смотрел на меня и рисовал. Однажды, когда я лежала на кушетке, он подошел ко мне, согнул мне ноги, и, не успела я опомниться, как он уже был на мне, халат задран и...

Ева сидела и зачарованно слушала. Она могла все себе так ясно представить, даже запах краски в студии, и кисти. У Салли была такая интересная жизнь, полная событий, и такая своеобразно романтическая. Ева попыталась вспомнить, какой она была в четырнадцать лет. Она даже с мальчиками не встречалась, а вот Салли в четырнадцать уже лежала на кушетке в студии знаменитого художника.

– Но он же вас изнасиловал, – наконец сказала она. – Почему вы не заявили в полицию?

– В полицию? Ты не понимаешь. Я училась в ужасно элитарной школе. Они бы тут же отправили меня домой. Школа была прогрессивной и все такое, но я не должна была

позировать этому художнику, и мои родители никогда бы меня не простили. Они были очень строгие. – Салли вздохнула, опечаленная невзгодами своего полностью выдуманного детства. – Теперь ты понимаешь, почему я так боюсь мужчин. Если тебя изнасиловали, то ты хорошо знаешь, что такое мужская агрессивность.

– Полагаю, вы знаете, что это такое, – сказала Ева, испытывая некоторые сомнения по поводу того, что такое мужская агрессивность.

– Ты смотришь на мир по-другому. Как говорит Гаскелл, ничто в мире само по себе не плохо и не хорошо. Оно просто существует, вот и все.

– Я как-то ходила на лекцию по буддизму, – сказала Ева, – и мистер Подгетт сказал...

– Там все неправильно. Буддизм – это же просто сидеть и ждать. Это пассивное отношение. Нужно делать так, чтобы что-то происходило. Будешь долго сидеть и ждать, считай, что умерла. Кто-нибудь обязательно о тебя споткнется. Надо, чтобы все происходило, как хочешь ты, а не кто-то другой.

– Звучит как-то недружелюбно по отношению к другим, – сказала Ева. – Я хочу сказать, что если все будут делать только то, что они хотят, это не будет слишком приятно другим людям.

– Пусть другие горят в аду, – сказала Салли. – Это сказал Сартр, а он должен знать. Надо делать то, что ты сам хочешь, и без всяких угрызений совести. Как говорит Джи, крысы – это парадигма. Ты что думаешь, крысы только и прикидывают, что хорошо для других?

– Да нет, я так не думаю, – ответила Ева.

– Правильно. Крысы не знают этики. Ни в чем. Они просто совершают поступки. И не иссушают себе мозги рассуждениями.

– А что, по-вашему, крысы могут думать? – спросила Ева, основательно заинтересовавшись проблемами крысиной психологии.

– Конечно нет. Крысы просто есть. Крысам плевать на Schadenfende^[8].

– А что это такое?

– Троюродная сестра Weltschmerz^[9], – ответила Салли, гася сигару в пепельнице. – Поэтому мы можем делать, что захотим и когда захотим. Основной принцип. Только люди вроде Джи понимают, как оно все действует. Ученые. Лоуренс был прав. Для Джи главное голова, а тела вроде бы и нет.

– У Генри тоже почти что так, – сказала Ева. – Он все читает и рассуждает о книгах. Я ему говорила, что он не знает, что такое настоящая жизнь.

* * *

Сидя в передвижном отделе по убийствам, Уилт быстро набирался опыта. На лице сидящего напротив инспектора Флинта отражалось все возрастающее недоверие.

– Давайте еще разок, – сказал инспектор. – Вы утверждаете, что то, что эти люди видели на дне ямы, на самом деле надувная пластиковая кукла с влагалищем.

– Влагалище – это несущественно, – ответил Уилт, призывая на помощь последние запасы непоследовательности.

– Возможно, – сказал инспектор. – У большинства кукол этого нет, но... ладно, пропустим. Что я хотел бы знать, так это, уверены ли вы, что там, внизу не живое человеческое существо?

– Абсолютно, – ответил Уилт, – и если бы оно там было, то вряд ли было бы сейчас живым.

Инспектор разглядывал его с неудовольствием.

– Без вас знаю, – сказал он. – Я бы не сидел тут, если бы существовала хотя бы малейшая вероятность, что тот, кто там, внизу, еще жив.

– Верно, – согласился Уилт.

– Правильно. Теперь пойдём дальше. Как получилось, что на том, что эти люди видели и что они приняли за женщину и что, как вы утверждаете, на самом деле является куклой, была одежда, что у нее были волосы и, что особенно важно, голова у нее была расплющена, а одна рука вытянута вперед?

– Так уж она упала, – сказал Уилт. – По-видимому, рука зацепилась за стенку и поднялась вверх.

– А расплющенная голова?

– Честно говоря, я кинул на нее комок глины, – признался Уилт. – Может, поэтому?

– Вы бросили комок глины ей на голову?

– Именно это я и сказал, – согласился Уилт.

– Я слышал, что вы сказали. Но я хочу знать, что заставило вас бросать комок глины на голову надувной куклы, которая, как мне кажется, не сделала вам ничего плохого.

Уилт заколебался. Проклятая кукла доставила ему массу неприятностей, но момент казался мало подходящим для того, чтобы вдаваться в подробности.

– Право, не знаю, – сказал он. – Думал, это поможет.

– Поможет чему?

– Поможет... Ну, не знаю. Я просто бросил, и все. Был здорово навеселе.

– Хорошо, мы к этому еще вернемся. На один вопрос я так и не получил ответа. Если это кукла, то почему она была одета?

Уилт нервно оглянулся и встретился глазами с полицейской стенографисткой. Выражение этих глаз не вызывало на откровение. А они еще болтают о презумпции невинности.

– Вы мне не поверите, – сказал Уилт. Инспектор внимательно посмотрел на него и закурил сигарету.

– И все же?

– Если честно, так я сам ее одел, – сказал Уилт, сторая от стыда.

– Сам одел?

– Да, – подтвердил Уилт.

– Позвольте спросить, и какую цель вы преследовали, одевая ее?

– Не могу сказать.

Инспектор многозначительно вздохнул.

– Все правильно. Начнем с начала. Мы имеем дело с куклой, которую вы одели и привезли сюда глубокой ночью, затем сбросили ее на дно десятиметровой ямы и накидали комки глины ей на голову. Вы это хотите сказать?

– Да, – ответил Уилт.

– А не лучше ли будет, чтобы сберечь время и силы всех здесь присутствующих, признаться, что там, на дне ямы, сейчас покоится в мире, под двадцатью тоннами бетона, тело убитой женщины?

– Нет, – сказал Уилт. – Совершенно определенно не лучше.

Инспектор Флинт снова вздохнул.

– Можете быть уверены, мы обязательно доберемся до дна, – сказал он. – На это потребуются время, деньги и, видит Бог, терпение, но когда мы докопаемся до дна...

– Вы найдете надувную куклу, – сказал Уилт.

– С влагалищем?

– С влагалищем.

* * *

В учительской Питер Брейнтри стоял горой за Уилта.

– Говорю вам, я знаю Генри семь лет, и знаю его хорошо. Что бы там ни случилось, он не имеет к этому никакого отношения.

Мистер Моррис, заведующий гуманитарным отделением, скептически посмотрел в окно.

– Они держат его там уже четыре часа, – сказал он. – Это неспроста, значит, они считают, что он имеет какое-то отношение к убитой женщине.

– Они могут считать, что хотят. Я знаю Генри, и если бы бедолага даже захотел, он все равно не смог бы никого убить.

– Он же во вторник стукнул этого наборщика. Значит, он способен на иррациональное насилие.

– Неправда. Это наборщик его стукнул, – сказал Брейнтри.

– После того как Уилт обозвал его сопливым сраным недоумком, – пояснил мистер Моррис. – У того, кто так обзывает наборщиков, определенно с головой не в порядке. Они убили старину Пинкертона, вы же знаете. Он отравился выхлопными газами.

– Если называть вещи своими именами, то они чуть не убили и старину Генри.

– Конечно, этот удар мог повредить ему мозги, – заметил мистер Моррис с мрачным удовлетворением. – У мужчин сотрясение мозга иногда вызывает самые странные последствия. Мгновенно превращает его из приятного, тихого и безобидного человека, такого, как Уилт, в маниакального убийцу, который внезапно идет вразнос. И более странные вещи случались.

– Полагаю, Генри первый с вами согласился бы, – сказал Брейнтри. – Вряд ли он получает большое удовольствие от сидения в этом фургоне и от допроса. Хотел бы я знать, что они с ним там делают.

– Просто задают вопросы. Ну, к примеру: «Какие у вас отношения с женой?» или «Не можете ли вы сказать, где были в субботу вечером?» Они всегда начинают исподволь, приберегают самое главное напоследок.

Питер Брейнтри в ужасе молчал. Ева. Он начисто забыл про нее, а что касается того, что Генри делал вечером в субботу, то уж он-то точно знал, что говорил Генри по тому поводу, когда тот появился у него на пороге весь в грязи и выглядел так, как будто ему час до смерти остался.

– По-моему, – продолжил доктор Моррис, – очень странно, что они начинают допрашивать Уилта в отделе по убийствам сразу после того, как находят тело на дне ямы, заполненной бетоном. Очень это странно. Не хотел бы я быть на его месте. – Он встал и вышел, а Питер Брейнтри остался сидеть, размышляя, не должен ли он что-нибудь

предпринять, например, позвонить адвокату и попросить его прийти и поговорить с Генри. Наверное, еще рано, да и сам Генри может потребовать адвоката, если сочтет нужным.

* * *

Инспектор Флинт закурил очередную сигарету с явно угрожающим видом.

– Какие у вас отношения с женой? – спросил он.

Уилт заколебался.

– Нормальные, – ответил он.

– Просто нормальные? Не больше?

– У нас вполне хорошие отношения, – сказал Уилт, сознавая, что допустил ошибку.

– Так-так. И, я надеюсь, она подтвердит ваш рассказ насчет надувной куклы?

– Подтвердит?

– Тот факт, что вы имеете привычку одевать куклу и с ней развлекаться?

– У меня нет такой привычки, – возмущенно сказал Уилт.

– Да я просто спрашиваю. Вы же первый начали говорить о том, что у нее есть влагалище. Не я. Вы это сообщили добровольно, и, естественно, я предположил...

– Что вы предположили? – спросил Уилт. – Вы не имеете права...

– Мистер Уилт, – сказал инспектор, – попробуйте поставить себя на мое место. Я расследую дело о предполагаемом убийстве; и тут появляется человек, заявляющий: то, что два свидетеля описывают, как тело упитанной женщины тридцати с небольшим лет...

– Тридцати с небольшим? У кукол нет возраста. Если бы этой проклятой кукле было больше, чем шесть месяцев от роду...

– Пожалуйста, мистер Уилт, разрешите мне продолжить. Как я уже говорил, я расследую дело, которое на первый взгляд является делом об убийстве, а вы сами признались, что засунули куклу с влагалищем в эту яму. Если бы вы были на моем месте, к какому бы выводу вы пришли?

Уилт попытался придумать какое-нибудь самое невинное объяснение, но не смог.

– Вы же первый должны согласиться, что это выглядит странно.

Уилт кивнул. Это выглядело чертовски странно.

– Правильно, – продолжал инспектор. – Теперь давайте попытаемся найти самое безобидное объяснение вашим действиям, и прежде всего тому, что вы делаете особый акцент на наличие у куклы влагалища...

– Да ничего я не акцентирую. Я сказал об этом для того, чтобы подчеркнуть, что выглядит она очень натурально. Я вовсе не хотел сказать, что у меня есть привычка... – Он замолчал, удрученно глядя в пол.

– Продолжайте, мистер Уилт. Иногда полезно выговориться.

Уилт с отчаянием посмотрел на инспектора. Разговоры с ним не приносили ему не малейшей пользы.

– Если вы подразумеваете, что моя интимная жизнь сводилась к совокуплению с блядской надувной куклой, одетой в платье моей жены...

– Минутку, – сказал инспектор, с многозначительным видом гася сигарету. – Наконец-то мы сделали шаг вперед. Вы признаете, что то, что находится там, внизу, одето в платье вашей жены? Да или нет?

– Да, – удрученно сказал Уилт.

Инспектор Флинт поднялся.

– Полагаю, самое время пойти и немного поболтать с миссис Уилт.

– Боюсь, это будет затруднительно. – сказал Уилт.

– Затруднительно?

– Дело в том, что она уехала.

– Уехала? – переспросил инспектор. – Я правильно вас понял, вы сказали, что она уехала?

– Да.

– И куда она уехала?

– В этом все дело. Я не знаю.

– Вы не знаете?

– Честно, не знаю, – сказал Уилт.

– Она вам не сказала, куда уезжает?

– Нет. Просто когда я вернулся домой, ее не было.

– Она не оставила записки или чего-нибудь в этом роде?

– Оставила, между прочим, – подтвердил Уилт.

– Хорошо, давайте поедem к вам домой и посмотрим на эту записку.

– Боюсь, это невозможно. – сказал Уилт. – Я от нее избавился.

– Вы от нее избавились? – спросил инспектор. – Вы от нее избавились? Каким образом?

Уилт жалобно взглянул на стенографистку.

– По правде говоря, я подтер ею зад, – сказал он.

Инспектор Флинт смотрел на него, как на сумасшедшего.

– Что вы сделали?

– Ну, туалетная бумага в уборной кончилась, и я... – он замолчал.

Инспектор закурил очередную сигарету. Руки у него тряслись, а в глазах была та отрешенность, которая предполагала, что он только что заглянул в какую-то отвратительную бездну.

– Мистер Уилт, – заговорил он, когда ему удалось взять себя в руки. – Я всегда считал себя спокойным, терпеливым и гуманным человеком, но если вы всерьез рассчитываете, что я поверю хотя бы одному слову из вашей нелепой истории... у вас не все дома. Сначала вы мне говорите, что засунули куклу в яму. Затем вы признаетесь, что одели ее в платье жены. Теперь вы утверждаете, что она уехала, не сказав куда, и в довершение у вас хватает нахальства сидеть здесь и говорить, что вы подтерли задницу единственным надежным доказательством, способным подтвердить ваше заявление.

– Но это правда, – сказал Уилт.

– Херня! – закричал инспектор. – Мы оба знаем, что миссис Уилт больше нет, и нечего делать вид, что это не так. Она на дне этой блядской ямы, и это вы ее туда засунули.

– Вы меня арестуете? – спросил Уилт, когда они тесной группой шли через дорогу в направлении полицейской машины.

– Нет, – сказал инспектор, – вы просто помогаете полиции в расследовании. Так сегодня и сообщат в новостях.

– Дорогой мистер Брейнтри, ну, конечно, мы сделаем все, что от нас зависит, – сказал заместитель директора. – Уилт всегда был хорошим членом лашего коллектива, и, по-видимому, это какая-то ужасная ошибка. Убежден, что нет причин для беспокойства. Вскоре все выяснится само собой.

– Надеюсь, вы правы, – сказал Брейнтри, – но есть некоторые усложняющие дело факторы. Прежде всего Ева...

– Ева? Миссис Уилт? Уж не хотите ли вы сказать...

– Я ничего не хочу сказать. Я только говорю, что... в общем, ее нет дома. Она ушла от Генри в прошлую пятницу.

– Миссис Уилт ушла... я совсем ее не знаю, только по разговорам. Не она ли сломала ключицу мистеру Локьеру в классе по дзюдо несколько лет назад?

– Это была Ева, – сказал Брейнтри.

– Она не похожа на женщину, которая позволит Уилту засунуть себя...

– Совершенно верно, – поспешно сказал Брейнтри. – Если уж кому и грозит быть убитым в их доме, так это Уилту. Думаю, следует известить об этом полицию.

Их разговор был прерван появлением директора, который принес экземпляр вечерней газеты.

– Полагаю, вы это уже видели, – сказал он, размахивая газетой. – Просто ужас какой-то. – Он положил газету на стол и показал на заголовки.

УБИТАЯ ЖЕНЩИНА ПОГРЕБЕНА В БЕТОНЕ У ТЕХУЧИЛИЩА. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПОМОГАЕТ ПОЛИЦИИ.

– О, Господи, – сказал заместитель директора. – О, Господи. Как возмутительно некстати. Худший момент трудно было бы придумать.

– Нам это и в лучший момент ни к чему, – рявкнул директор. – И это еще не все. Уже было с полдюжины звонков от родителей, желающих знать, нет ли у нас привычки нанимать на постоянную работу убийц. Кстати, кто он такой, этот Уилт?

– Он из гуманитарного отделения, – сказал заместитель директора. – Уже десять лет у нас работает.

– Гуманитарное отделение. Мог бы сам догадаться. Если они там не поэты, то маоисты или... Хотел бы я знать, где, черт побери, Моррис их находит. И теперь еще этот проклятый убийца. Один Бог знает, что я сегодня буду говорить комиссии по образованию. У них в восемь чрезвычайное заседание.

– Я возражаю против того, чтобы Уилта называли убийцей, – сказал преданный Брейнтри. – Нет никаких доказательств, что он кого-то убил.

Директор внимательно на него посмотрел, затем снова вернулся к заголовкам.

– Мистер Брейнтри, если некто помогает полиции в расследовании убийства, то он не обязательно убийца, хотя предположение такое есть.

– Вне всякого сомнения, это не поможет нам поднять ранг училища, – тактично вмешался заместитель директора.

– Как назло, у нас на пятницу намечен визит инспекционного комитета.

– Если судить по тому, что я услышал от полиции, это также не ускорит строительство нового административного корпуса, – сказал директор. – Они говорят, что понадобится не меньше трех дней, чтобы пробурить новый шурф и вытащить тело. Значит, придется

устанавливать новую сваю, а мы и так сильно отстали от графика и истратили уже половину денег. Почему, ради всех святых, он не выбрал какое-нибудь другое место, чтобы избавиться от своей жены, будь она проклята?

– Я не думаю... – начал Брейнтри.

– Мне безразлично, что вы думаете, – сказал директор. – Я просто передаю вам, что думает полиция.

Брейнтри ушел, оставив их спорить и придумывать способы борьбы с той оглаской, которую вызвала эта история. Он спустился в кабинет заведующего гуманитарным отделением и нашел мистера Морриса в состоянии полного отчаяния. Он пытался найти замену Уилту в его классах.

– Но он, скорее всего, выйдет на работу завтра утром, – предположил Брейнтри.

– Черта с два, – сказал мистер Моррис. – Когда они их забирают, они не спешат их отпустить. Уж поверьте мне. Полиция делает ошибки, я вовсе этого не отрицаю, но если они действуют так быстро, то они знают, что делают. Заметьте, я всегда говорил, что Уилт маленько странноват.

– Странноват? Я к вам прямо из кабинета заместителя директора. Хотите знать, что директор думает о сотрудниках вашего отделения?

– Ради Бога, – сказал мистер Моррис, – мне все равно.

– И все же, что такого странного вы находите в Генри?

– На мой взгляд, он слишком скромный и робкий. Взять хотя бы то, что он столько лет мирится со своей должностью младшего преподавателя.

– Вряд ли это можно поставить ему в вину.

– Ну, разумеется, это его вина. Стоило ему только пригрозить, что он уйдет, получил бы повышение тут же. Здесь другим путем ничего не добьешься. Надо, чтобы тебя заметили.

– Похоже, сейчас он этого добился, – сказал Брейнтри. – Директор уже обвиняет его в срыве графика строительства, и если нам не удастся получить эту почетную степень, из Генри сделают козла отпущения. Все скверно. У Евы должно было хватить ума не уходить от него ни с того ни с сего.

У мистера Морриса был более трезвый взгляд на вещи.

– Будь она сообразительней, она ушла бы от него еще до того, как он забил ее до смерти и сбросил в эту чертову дыру. Кого же я пошлю завтра к газовщикам в первую группу?

В доме № 34 по Парквью Уилт сидел с Клемом на кухне, пока полицейские обыскивали его дом.

– Вы здесь ничего компрометирующего не найдете, – сказал он инспектору Флинту.

– Не ваше дело, найдем или не найдем. Мы просто посмотрим.

Он отправил детективов на второй этаж взглянуть на гардероб миссис Уилт, или, вернее, на то, что от него осталось.

– Если она действительно уехала, то забрала с собой половину своего гардероба, – сказал он. – Я знаю женщин. С другой стороны, если она сейчас лежит под двадцатью тоннами бетона, ей не надо ничего, кроме того, что на ней надето.

Оказалось, что Евин гардероб был почти в полном наличии. Даже Уилт вынужден был признать, что она мало что взяла с собой.

– Что на ней было, когда вы ее видели последний раз? – спросил инспектор Флинт.

– Пижама лимонного цвета, – ответил Уилт.

– Что лимонного цвета?

– Пижама, – сказал Уилт, увеличивая тем самым список инкриминирующих улик.

Инспектор сделал соответствующую пометку в своей записной книжке.

– Она что, была в постели?

– Нет, – сказал Уилт. – В гостях у Прингшеймов.

– Прингшеймов? А кто это такие?

– Американцы, о которых я вам говорил. Они живут на Росситер Глоув.

– Вы мне ничего об американцах не говорили, – заметил инспектор.

– Простите, мне казалось, я говорил. Я что-то запутался. Она с ними уехала.

– В самом деле? Полагаю, они тоже отсутствуют?

– Разумеется, – сказал Уилт. – То есть, если она уехала с ними, то, очевидно, и они уехали, а если она не с ними, то я тогда понятия не имею, куда она делась.

– Я имею, – повторил инспектор, с отвращением разглядывая пятно на простыне, которую один из детективов обнаружил в корзине с грязным бельем. Когда полицейские покидали дом, у них уже был целый набор компрометирующих улик: простыня, пояс от старого халата, который почему-то оказался на чердаке, маленький топорик, которым Уилт однажды пытался открыть банку с краской и шприц, выпрошенный Евой у ветеринара для поливки кактусов в период ее страстного увлечения выращиванием комнатных растений. Да, была еще бутылочка с таблетками, но без этикетки.

– Откуда, черт побери, мне знать, что это такое? – сказал Уилт, когда ему показали бутылочку. – Может аспирин. Тем более что она полная.

– Присовокупите ее к остальным предметам, – распорядился инспектор. Уилт взглянул на коробку.

– Ради Бога, что же я, по-вашему, с ней сделал? Отравил ее, задушил, разрубил на части топориком и вспрыснул ей подкормку?

– Какую подкормку? – спросил инспектор Флинт, оживляясь.

– Чем цветы подкармливают, – пояснил Уилт. – Вон бутылка, на подоконнике.

Инспектор взял и эту бутылку.

– Что вы с ней сделали, мистер Уилт, мы знаем, – сказал он. – Нас теперь интересует,

как вы это сделали.

Они вышли из дому, сели в полицейскую машину и поехали на Росситер Глоув, к дому Прингшеймов.

– Вы пока посидите здесь с констеблем, а я пойду и посмотрю, дома ли они, – сказал инспектор Флинт и направился к входной двери.

Уилт сидел и смотрел, как он звонит в дверь. Вот он позвонил еще раз. Потом постучал дверным молотком и, наконец, пошел вокруг дома, через калитку с надписью «Для торговцев» к кухонной двери. Через минуту он вернулся и сразу начал возиться с радио в машине.

– Вы попали в точку, Уилт, – рявкнул он. – Их нет. В доме полный бардак. Такое впечатление, что там была оргия. Давайте-ка его сюда.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Два детектива выволокли из машины Уилта, уже не мистера Уилта, а просто Уилта, хорошо осознающего значение этой перемены. Тем временем инспектор связался по радио с полицейским участком и начал настойчиво говорить что-то об ордерах и о том, чтобы прислали, как слышалось Уилту, бригаду Д. Уилт стоял перед домом № 14 на Росситер Глоув и изумлялся, что же это, черт возьми, с ним происходит. Весь его жизненный уклад, к которому он так привык, стремительно рушился.

– Мы войдем с заднего хода, – сказал инспектор. – Все это скверно выглядит.

Они пошли по дорожке к кухонной двери и дальше, в сад, за домом. Теперь Уилт понял, что имел в виду инспектор под бардаком. Сад выглядел препогано. Лужайка, кусты жимолости и вьющиеся розы были усыпаны бумажными тарелками. Бумажные стаканчики, часть которых была смята, а другие все еще наполнены прингшеймовским пуншем пополам с дождевой водой, устилали землю. Особенно омерзительны были бифбургеры, облепленные капустой и разбросанные по всей поляне, что напомнило Уилту некоторые привычки Клема.

Инспектор, казалось, прочел его мысли.

– Пес возвращается к своей блевотине, – сказал он. Они прошли через террасу и заглянули в окна гостиной. Если в саду было плохо, то внутри – еще хуже.

– Разбейте стекло в кухонной двери и впустите нас, – сказал инспектор тому детективу, что был повыше ростом. Однако окно гостиной распахнулось, и они вошли в комнату.

– Ничего ломать не пришлось, – сказал детектив. – Задняя дверь не была заперта, как, впрочем, и окно. Похоже, они выметались отсюда в большой спешке.

Инспектор огляделся вокруг и поморщился. В доме до сих пор стоял тяжелый запах травки, прокисшего пунша и воска от свечей.

– Если они действительно уехали, – зловеще сказал он и посмотрел на Уилта.

– Они должны были уехать, – сказал Уилт, ощущая необходимость как-то объяснить происходящее, – никто не сможет жить все выходные в таком хаосе без...

– Жить? Вы сказали «жить», не так ли? – переспросил Флинт, наступив на огрызок сгоревшего бифбургера.

– Я имел в виду...

– Неважно, что вы имели в виду, Уилт. Давайте посмотрим, что здесь на самом деле случилось.

Они перешли на кухню, где царил такой же хаос, и затем в другую комнату. Везде было одно и то же. Окурки сигарет в кофейных чашках и на ковре. Осколки пластинки, засунутые за диван, повествовали о бесславном конце Пятой симфонии Бетховена. Смятые диванные

подушки валялись у стены. Обгорелые свечи свисали из бутылок, как мужские члены после любовной оргии. Завершал весь этот бардак портрет принцессы Анны, который кто-то нарисовал красным фломастером на стене. Изображение Анны было окружено полицейскими в шлемах, а внизу красовалась надпись:

ЛЕГАВЫЕ И НАША АНЯ. ПЕНИС МЕРТВ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ П...А!

Такие сентенции, по-видимому, были обычным делом среди женщин, борющихся за эмансипацию, но они вряд ли могли создать у инспектора Флинта высокое мнение о Прингшеймах.

– У вас симпатичные друзья, Уилт, – сказал он.

– Они мне не друзья, – ответил Уилт. – Эти ублюдки даже с орфографией не в ладах.

Они поднялись на второй этаж и зашли в спальню. Постель была неприбрана, одежда, в основном нижнее белье, раскидана по полу или свисала из открытых ящиков. Открытый флакон валялся на туалетном столике, и в комнате удушливо воняло духами.

– Господи прости, – сказал инспектор, с воинственным видом разглядывая подтяжки, – только крови и не хватает.

Кровь они обнаружили в ванной комнате. Виной тому была порезанная рука доктора Шеймахера. Ванна была вся в пятнах крови, брызги крови были и на кафеле. Разбитая дверь висела на одной нижней петле, и на ней тоже были пятна крови.

– Так я и знал, – сказал инспектор, разглядывая это кровавое послание, а также другое, написанное губной помадой на зеркале над раковиной. Уилт тоже посмотрел. На его вкус, оно было излишне персонифицировано.

ЗДЕСЬ УИЛТ ТРАХАЛСЯ. А ЕВА БЕЖАЛА. КТО ЖЕ ШОВИНИСТИЧЕСКАЯ СВИНЬЯ?

– Очаровательно, – заметил инспектор Флинт. Он оглянулся и посмотрел на Уилта, чье лицо было одного цвета с кафелем. – Полагаю, вы и тут не в курсе? Ваша работа?

– Конечно нет, – ответил Уилт.

– И это не ваша? – спросил инспектор, указывая на пятна крови в ванне. Уилт покачал головой. – Полагаю, и к этому вы не имеете никакого отношения? Он показал на противозачаточную спираль, прибитую к стене над унитазом. Уилт взглянул на нее с глубоким отвращением.

– Я просто не знаю что сказать, – пробормотал он. – Это все ужасно.

– Совершенно с вами согласен, – заметил инспектор и перешел к более практическим вопросам. – Она явно умерла не здесь.

– Откуда вы это знаете? – спросил детектив помоложе.

– Мало крови. – Инспектор неуверенно огляделся. – С другой стороны, один хороший удар... – Они пошли дальше по коридору. Кровавые пятна привели их в ту комнату, где Уилт находился вместе с куклой.

– Ничего не трогайте, – распорядился инспектор, открывая дверь локтем. – Тут для специалистов по отпечаткам пальцев раздолье. Он заглянул внутрь комнаты и увидел игрушки.

– Вы что, и детей тоже укокошили? – мрачно спросил он.

– Детей? – сказал Уилт. – Я не знал, что у них есть дети.

– В таком случае, – сказал инспектор, который был семейным человеком, – бедняжкам есть за что благодарить судьбу. Не слишком за многое, судя по всему, но все же.

Уилт тоже заглянул в комнату и посмотрел на плюшевого медведя и лошадь-качалку.

– Это игрушки Гаскелла. Ему нравится с ними играть, – сказал он.

– Мне слышалось, вы сказали, что не знаете, есть ли у них дети? – сказал инспектор.

– У них нет детей. Гаскелл – это доктор Прингшейм. Он биохимик и, если верить его жене, недоразвитый. – Инспектор задумчиво взглянул на Уилта. Пора было уже подумать о его официальном задержании.

– Я полагаю, вы не собираетесь сейчас признаться? – спросил он без особой надежды.

– Не собираюсь, – ответил Уилт.

– Я так и думал, – сказал инспектор. – Ладно, увезите его в участок. Я подъеду попозже.

Детективы взяли Уилта за руки. Это было последней каплей.

– Отпустите меня, – закричал он. – Вы не имеете права. Вы должны...

– Уилт, – заорал инспектор Флинт. – Я даю вам последний шанс. Если вы будете сопротивляться, я сейчас же предъявлю вам обвинение в убийстве вашей жены.

Уилт сдался. Ничего другого ему не оставалось.

* * *

– Винт? – спросила Салли. – Ты же говорил про рулевое управление?

– Значит, я ошибся, – огрызнулся Гаскелл. – Это не рулевое управление. Винт сломался. Наверное, на него что-нибудь намоталось.

– Например?

– Например водоросли.

– Почему же ты не спустишься и не посмотришь?

– В этих очках? – спросил Гаскелл. – Я ж ничего не увижу.

– Ты же знаешь, я плавать не умею, – сказала Салли. – Из-за ноги.

– Я умею плавать, – сказала Ева.

– Мы обвяжем вас веревкой, вы не утонете, – обнадежил ее Гаскелл. – Нужно только нырнуть и пощупать, нет ли там чего внизу.

– Мы знаем, что там внизу, – съехидничала Салли. – Грязь.

– Вокруг винта, – уточнил Гаскелл. – И если там что есть, то надо снять.

Ева спустилась в каюту и надела бикини.

– Честно. Гаскелл, иногда я думаю, что ты это нарочно делаешь. Сначала рулевое управление, теперь винт.

– Ну, надо все проверить. Мы не можем стоять и прохлаждаться, – Гаскелл был явно раздражен. – Мне завтра утром надо быть в лаборатории.

– Об этом раньше надо было думать, – возразила Салли. – Теперь нам только не хватает проклятого Альбатроса^[10].

– По мне, так у нас уже есть один, – продолжал злиться Гаскелл. В этот момент Ева вышла из каюты, надевая купальную шапочку.

– Где веревка? – спросила она.

Заглянув в ящик, Гаскелл вытащил веревку и обвязал ею Евину талию. Ева перелезла через борт и плюхнулась в воду.

– Какая холодная! – взвизгнула она.

– Это из-за Гольфстрима, – объяснил Гаскелл. – Он сюда не доходит.

Ева немножко проплыла и встала на ноги.

– Здесь ужасно мелко и полно ила.

Держась за веревку, она обошла катер и стала шарить под кормой.

– Я ничего не нахожу, – крикнула она.

– Должно быть, подальше, – подсказал Гаскелл, глядя на нее. Ева погрузила голову в воду и нащупала руль.

– Это руль, – объяснил Гаскелл.

– Разумеется, – ответила Ева. – Сама вижу, я же не дурочка.

Она снова исчезла под катером. На этот раз она нашла винт, но на нем ничего не было.

– Здесь просто очень много ила, вот и все, – подтвердила она, вынырнув. – Грязь вдоль всего корпуса.

– Ничего удивительного, – заметил Гаскелл. – Мы ведь и застряли в грязи.

Ева снова нырнула, но и на валу ничего не обнаружила.

– Что я тебе говорила, – сказала Салли, когда они подняли Еву на борт. – Ты заставил ее туда лезть, просто чтобы посмотреть на нее в пластиковом бикини и в грязи. Иди сюда, крошка Боттичелли, Салли тебя помает.

– О, Господи, – вздохнул Гаскелл. – Пенис, встающий из волн. – Он вернулся к двигателю. Может, забились шланги подачи горючего? Не похоже, но стоит попытаться. Не могут же они торчать в этой грязи вечно.

На верхней палубе Салли поливала Еву из шланга.

– Теперь нижнюю половину, дорогая, – сказала она, развязывая шнурок.

– Салли, не надо, Салли.

– Губки-крошки.

– Салли, вы просто невозможны.

Гаскелл сражался с гаечным ключом. Вся эта касательная терапия начинала на него действовать. И бикини тоже.

* * *

Тем временем директор техучилища изо всех сил старался умиротворить комиссию по образованию, которая требовала полного расследования практики найма на работу на отделении гуманитарных наук.

– Позвольте мне пояснить, – сказал он, набравшись терпения и оглядывая членов комиссии, представляющих деловые и общественные круги. – В Указе 1944 года об образовании сказано, что ученики должны освобождаться от своей основной работы и посещать дневные лекции в техучилище...

– Мы это знаем, – сказал строительный подрядчик, – как и то, что это пустая трата времени и денег. Стране было бы куда полезней, если бы им разрешили заниматься своим делом.

– Лекции, которые они посещают, – продолжил директор, не дожидаясь, когда вмешается какой-нибудь общественно-сознательный член комиссии, – профессионально ориентированы. Все, за исключением одного часа, одного обязательного часа, отведенного

на гуманитарные науки. Основная трудность с гуманитарными науками в том, что никто толком не знает, что это такое.

– Гуманитарное образование означает, – вмешалась миссис Чэттервей, которая считала себя сторонницей прогрессивного образования, и выступая в этой роли, сделала немало, чтобы повысить уровень безграмотности в нескольких дотеле вполне благополучных начальных школах, – привитие социально обездоленным подросткам, прочных гуманитарных взглядов и развитие их культурного кругозора...

– Это означает, что их следует научить читать и писать, – сказал директор фирмы. – Какая польза от рабочих, не умеющих прочесть инструкцию.

– Это означает все, что заблагорассудится, – поспешно сказал директор училища. – Теперь, если перед вами стоит задача найти преподавателей, согласных провести свою жизнь в классе с газовщиками, штукатурами или наборщиками, которые вообще не понимают, чего ради они там оказались, при этом обучая их предмету, которого, строго говоря, не существует в природе, вы не можете себе позволить быть слишком разборчивым в выборе сотрудников. В этом суть проблемы.

Комиссия взирала на него с сомнением.

– Не хотите ли вы сказать, что преподаватели гуманитарного отделения не являются творческими личностями, преданными своему делу? – воинственно спросила миссис Чэттервей.

– Ни в коем случае, – ответил директор. – Я совсем не то хотел сказать. Я хотел лишь заметить, что на гуманитарном отделении работают не такие люди, как на других. Они всегда со странностями: или после того, как поработают какое-то время, или уже тогда, когда еще только приходят к нам. Это, так сказать, свойственно профессии.

– Но они все высококвалифицированные специалисты. – сказала миссис Чэттервей. – У всех научные степени.

– Совершенно верно. Как вы правильно говорите, у всех научные степени. Они все высококвалифицированные преподаватели, но стрессы, которым они подвержены, оставляют свой отпечаток. Давайте скажем так. Заставьте специалиста по пересадке сердца всю жизнь обрубать собакам хвосты, и посмотрите, что с ним будет через десять лет. Аналогия очень точная, поверьте мне, очень точная.

– Ну, единственное, что я хотел бы заметить, – запротестовал строительный подрядчик, – так это то, что не все преподаватели гуманитарных наук кончают тем, что хоронят своих убитых жен на дне ям под сваи.

– А я, – возразил директор, – я чрезвычайно удивлен, что среди них таких не большинство.

Собрание закончилось, так и не приняв никакого решения.

Сероватый рассвет уже занимался над Восточной Англией, а Уилт все сидел в комнате для допросов в полицейском участке, полностью изолированный от внешнего мира. Он находился в совершенно спартанской обстановке, состоявшей из стола, четырех стульев, детектива в ранге сержанта и лампы дневного света, которая слегка жужжала под потолком. Окна отсутствовали, только бледно-зеленые стены и дверь, через которую постоянно входили и выходили люди и через которую дважды по нужде выходил и Уилт в сопровождении констебля. В полночь инспектор Флинт пошел спать и его сменил другой детектив, сержант Ятц, который сразу заявил, что намерен начать все с начала.

– С какого начала? – поинтересовался Уилт.

– С самого начала.

– Бог создал небо и землю и всех...

– Кончайте умничать, – сказал сержант.

– Ну вот, – заметил Уилт с удовлетворением, – здесь мы сталкиваемся с неортодоксальным случаем использования слова «ум».

– Вы про что?

– Умничать. Это жаргон, но это хороший жаргон, с умной точки зрения, если вы понимаете, что я хочу сказать.

Сержант повнимательней к нему пригляделся.

– Это звуконепроницаемая комната, – заметил он наконец.

– Я обратил на это внимание, – сказал Уилт.

– Человек может орать здесь до потери сознания, и никому снаружи ничего на ум не придет.

– Ум? – переспросил Уилт с сомнением. – Ум и знание это не одно и то же. Кому-нибудь снаружи может не прийти в голову, что...

– Заткнись, – сказал сержант Ятц.

Уилт вздохнул.

– Если бы вы дали мне немного поспать...

– Поспишь после того, как расскажешь, почему ты убил свою жену и как ты ее убил.

– Полагаю, бесполезно говорить, что я ее не убивал.

Сержант покачал головой.

– Абсолютно, – сказал он. – Мы знаем, что ты ее убил. Ты знаешь, что ты ее убил. Мы знаем, где она. И мы ее оттуда достанем. Мы знаем, что ты ее туда засунул. Ты сам в этом признался.

– Я повторяю, что я бросил надувную...

– Миссис Уилт, что, была надувная?

– Черта с два она была, – сказал Уилт.

– Ладно, давай забудем всю эту муру насчет надувной куклы...

– Бог – свидетель, я бы хотел забыть, – сказал Уилт. – Я буду счастлив, когда вы добересь до нее. Конечно, она лопнула под всем этим бетоном, но все равно можно будет распознать в ней пластиковую надувную куклу.

Сержант Ятц перегнулся через стол.

– Сейчас я тебе кое-что скажу. Когда мы доберемся до миссис Уилт, будь уверен, мы ее

узнаем, – он замолчал и внимательно посмотрел на Уилта. – Конечно, если ты ее не изуродовал.

– Изуродовал? – Уилт глухо рассмеялся. – Когда я видел ее в последний раз, не было нужды ее уродовать. Она и так выглядела жутко. На ней была эта лимонная пижама, а лицо было покрыто... – Он заколебался. На лице сержанта появилось странное выражение.

– Кровью? – предположил он. – Ты хотел сказать, кровью?

– Нет, – сказал Уилт. – Совершенно определенно, нет. Я имел в виду пудру. Белую пудру и алую губную помаду. Я ей сказал, что она выглядит омерзительно.

– Нечего сказать, миленькие у тебя с женой отношения, – сказал сержант. – Я, к примеру, никогда не говорю своей жене, что она выглядит омерзительно.

– Наверное, потому, что у вас нет жены, которая выглядит омерзительно, – сказал Уилт, пытаюсь найти общий язык с сержантом.

– Это мое личное дело, какая у меня жена, – сказал сержант. – Не надо вмешивать ее в этот разговор.

– Ей повезло, – заметил Уилт. – Хотел бы я, чтобы и моей так подфартило.

К двум часам они оставили в покое внешность миссис Уилт и перешли к зубам и вопросу опознания трупов по зубоврачебной карте.

– Послушайте, – взмолился уставший Уилт, – у меня создалось впечатление, что зубы вас зачаровали, но в два часа ночи лично я вполне обойдусь без них.

– У тебя вставные зубы, что ли?

– Нет, да нет же, – сказал Уилт, возражая в основном только против множественного числа.

– А у миссис Уилт?

– Нет, – ответил Уилт, – у нее всегда были очень...

– Премного вам обязан, – перебил сержант Ятц. – Я так и думал, что когда-нибудь этим кончится.

– Чем кончится? – переспросил Уилт, все еще думающий о зубах.

– А вот этим «были». Прошедшее время. Вы себя выдали. Ладно, вы признаете, что она умерла. Давайте теперь начнем отсюда.

– Я ничего такого не говорил, – сказал Уилт. – Вы спросили: «У нее были вставные зубы?» Я ответил, что не было...

– Вы сказали «у нее были». Вот это «были» меня очень интересует. Если бы вы употребили настоящее время, тогда другое дело.

– Может, это и звучит иначе, – сказал Уилт, быстро заняв оборонительные позиции, – но это ни в коей мере не меняет суть дела.

– Какую суть?

– Что моя жена, по всей вероятности, сейчас где-то в полном здравии...

– Вы опять себя выдаете, Уилт, – сказал сержант. – Теперь вы говорите «по всей вероятности», а что касается «полного здравия», то для вас же хуже, если обнаружится, что она была еще жива, когда на нее вылили весь этот бетон. Присяжным это может здорово не понравиться.

– Сомневаюсь, чтобы такое могло кому-то понравиться, – согласился Уилт. – Теперь насчет «по всей вероятности». Я только имел в виду, что, когда тебя допрашивают с пристрастием полтора дня, поневоле начнешь беспокоиться, как там твоя жена. Может даже прийти в голову, что, несмотря на мою убежденность в обратном, ее действительно нет в

живых. Прежде чем критиковать меня за такое выражение как «по всей вероятности», попробуйте сначала сами посидеть с этой стороны стола. Вы и вообразить себе не сможете ничего более невероятного, как быть обвиненным в убийстве собственной жены, тогда как вы наверняка знаете, что ничего подобного вы не делали.

– Послушай, Уилт, – сказал сержант. – Я твою манеру выражаться не собираюсь критиковать, поверь мне. Я просто стараюсь терпеливо установить факты.

– А факты таковы, – сказал Уилт. – Как последний идиот, я по глупости выбросил надувную куклу в яму, предназначенную для свай, а кто-то вылил сверху бетон, а поскольку моя жена в данный момент отсутствует...

– Одно могу сказать, – заявил сержант Ятц инспектору Флинту, когда тот пришел на дежурство в семь утра, – этот Уилт – крепкий орешек. Если бы вы мне не сказали, что он раньше никогда не привлекался, я бы подумал, что он в таких делах дока. Вы точно знаете, что в архивах на него ничего нет?

Инспектор отрицательно покачал головой.

– Он еще не начал верещать, требуя адвоката?

– Об этом ни звука. Говорю вам, или он с большим приветом, или уже был в такой переделке.

Уилт действительно был. Изо дня в день, из года в год. С газовщиками из первой группы, с наборщиками из третьей, с механиками с дневного отделения и мясниками из второй группы. В течение десяти лет он сидел перед учениками, отвечая на вопросы не по существу и рассуждая, почему рациональное отношение к жизни, свойственное Пигги, предпочтительнее жестокости Джека, почему так беспочвен оптимизм Пэнглосса и почему Оруэлл не захотел пристрелить проклятого слона или повесить того негодяя^[11]. Одновременно он постоянно вынужден был отражать словесные атаки, цель которых была сбить его с толку и довести до такого состояния, в котором находился бедный старина Пинкертон, когда он по собственной воле отравился выхлопными газами. По сравнению с каменщиками из четвертой группы сержант Ятц и инспектор Флинт были просто сосунками. Дали бы они ему немного поспать, уж он бы, потом поводил их за нос.

– Один раз я было подумал, что прищучил его, – сказал сержант Флинту, когда они совещались в коридоре. – Я его поймал на зубах.

– На зубах? – переспросил инспектор.

– Объяснял, что мы всегда можем опознать трупы по зубоврачебным картам, так он почти признался, что она умерла. Но потом снова увильнул.

– Ты говоришь, зубы? Любопытно. Попробую разработать эту линию при допросе. Может, тут у него слабое место.

– Удачи вам, – сказал сержант. – Я спать пошел.

* * *

– Зубы? – спросил Уилт. – Сколько же можно об одном и том же? По-моему, мы исчерпали эту тему. Последний парень задал мне вопрос, были ли у Евы зубы, в прошедшем времени. Я и ответил в прошедшем и...

– Уилт, – сказал инспектор Флинт. – Меня не интересует, были или нет у миссис Уилт зубы. Полагаю, были. Я только хочу знать, есть ли они у нее сейчас. В настоящем времени.

– Наверное, есть, – терпеливо ответил Уилт. – Найдите ее и спросите.

– А когда мы ее найдем, она будет в состоянии ответить?

– Откуда, черт побери, мне знать? Но, если по какой-то необъяснимой причине она потеряла все свои зубы, мне это влетит в копеечку. Этому конца-края не будет. У нее мания по поводу чистоты, и она обожает спускать в унитаз обрывки зубного шелка. Не поверите, сколько раз я думал, что у меня глисты.

Инспектор Флинт тяжело вздохнул, предчувствуя, что успехов сержанта Ятца по зубной части он не достигнет, решил сменить тему.

– Давайте посмотрим, что произошло на вечеринке у Прингшеймов, – предложил он.

– Давайте не будем, – поспешно сказал Уилт, которому пока удавалось избежать упоминания о своих акробатических этюдах с куклой в ванной комнате. – Я рассказывал вам об этом уже раз пять, и мое терпение подходит к концу. Кроме того, поганая это была вечеринка. Сборище надутых интеллектуалов с манией величия.

– Уилт, можете ли вы сказать, что вы человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире? Тип одинокого человека?

Уилт отнесся к вопросу серьезно. Это было уже куда ближе к делу, чем зубы.

– Я бы не сказал, – ответил он наконец. – Я хоть и тихий, но общительный человек. Без этого не справишься с учениками.

– Но вечеринки вы не любите?

– Такие, как у Прингшеймов, нет, – ответил Уилт.

– Вас выводит из себя их сексуальное поведение? Оно вам отвратительно?

– Их сексуальное поведение? Не понимаю, почему вы выбрали именно это. У меня вызывает отвращение все, что их касается. Все это дерьмо насчет женской эмансипации, тогда как на самом деле для таких, как миссис Прингшейм, это означает, что она может вести себя, как течная сучка, пока ее муж гнет спину над пробирками, а дома сам готовит себе ужин и считает, что ему повезло, если он в состоянии перед сном удовлетворить сам себя. Если же говорить о движении за настоящую женскую эмансипацию, то тут я ничего не имею против, это совсем другое дело...

– Подождите немного, – вмешался инспектор. – Две вещи из того, что вы сказали, показались мне интересными. Первое, насчет жен, которые ведут себя, как течные сучки, и, второе, про то, как вы удовлетворяете сам себя.

– Я? – переспросил Уилт с негодованием. – Я вовсе не о себе говорил.

– Разве?

– Конечно, не говорил.

– Значит, вы не занимаетесь мастурбацией?

– Послушайте, инспектор, вы лезете в такие тонкости моей личной жизни, которые вас не касаются. Если желаете просветиться насчет мастурбации, почитайте доклад Кинсли. Не спрашивайте меня.

Инспектор с трудом сдержался. Он попробовал снова сменить тему.

– Значит, когда миссис Прингшейм лежала на кровати и просила вас совершить с ней половой акт...

– Она говорила трахнуть, – поправил его Уилт.

– Вы сказали нет?

– Именно, – ответил Уилт.

– Несколько странно, не находите?

– Что странно, то, что она там лежала, или что я сказал нет?

– Что вы сказали нет.

Уилт смотрел на него, потеряв дар речи.

– Странно? – сказал он. – Странно? Представьте, что сюда входит женщина, разваливается на вот этом столе, задирает юбку и говорит: «Трахни меня, солнце мое, трахни-ка меня побыстрее». Ну и что, вы навалитесь на нее со словами: «Давай, крошка, побалуемся»? Это вы называете не странным?

– Черт бы тебя побрал, Уилт, – огрызнулся инспектор. – Видит Бог, ты испытываешь мое терпение.

– Вы пытаетесь меня надуть, – сказал Уилт. – А ваше понятие о странном и нестранном поведении кажется мне лишенным смысла.

Инспектор Флинт встал и покинул комнату.

– Я удавлю этого засранца, да простит меня Господь, я его удавлю, – крикнул он дежурному сержанту.

А в это время в комнате для допросов Уилт положил голову на стол и заснул.

* * *

В техучилище отсутствие Уилта чувствовалось очень сильно. Мистер Моррис был вынужден сам заменить его, на девятичасовой лекции у газовщиков, откуда он вышел часом позже с ощущением, что теперь куда лучше понимает внезапную тягу Уилта к преступлению. Заместитель директора отбивал атаки репортеров уголовной хроники, которые жаждали узнать побольше о человеке, помогающем полиции в расследовании одного из самых страшных и сенсационных преступлений. Сам директор начал сожалеть о своих высказываниях по поводу гуманитарного отделения перед комиссией по образованию. Позвонила миссис Чэттервей и заявила, что она находит его замечания неподобающими. К тому же она намекнула, что собирается просить начать расследование состояния дел на гуманитарном отделении. Но наибольшую тревогу вызвало у него заседание правления.

– Визит комиссии из Национального аттестационного комитета намечен на пятницу, – сказал доктор Мейфилд, обращаясь к собравшимся. – Сомнительно, что в подобных обстоятельствах они одобряют перевод нашего училища в высшую категорию, дающую право присуждения степеней.

– Если у них есть хоть капля здравого смысла, – сказал доктор Боард, – они на это не согласятся ни при каких обстоятельствах. Надо же такое придумать, городские исследования и средневековая история! Я отдаю себе отчет, что академический эклектицизм нынче в моде, но ведь Элен Уэдделл и Льюис Мамфорд по природе своей никогда не могли быть рядом. Кроме того, за нашими претензиями на присуждение степени нет достаточных научных оснований.

Доктор Мейфилд ошетинился. Научные основания были его коньком.

– Не вижу причин для такого утверждения, – сказал он. – Курс для желающих получить степень составлен таким образом, чтобы удовлетворить запросы студентов, интересующихся тематическим подходом.

– Те несчастные недоумки, которых нам удалось уговорить променять университетское образование на этот курс, вообще не знают, что такое тематический подход, – заметил

доктор Боард. – Кстати, я тоже.

– У всех свои недостатки, – вкрадчиво сказал доктор Мейфилд.

– Вот именно, – продолжил доктор Боард. – И в данной ситуации мы должны это сознавать, вместо того чтобы изобретать всякие там почетные степени, бессмысленные для студентов, которым, если судить по их оценкам, не за что эти степени присуждать. Видит Бог, я всей душой за предоставление всяческих возможностей в смысле образования, но...

– Дело в том, – вмешался доктор Кокс, заведующий научным отделением, – что учреждение степени не является единственной причиной визита. Как я понимаю, они уже в принципе одобрили эту степень. Они приедут, чтобы в целом оценить возможности училища, и вряд ли на них произведет хорошее впечатление присутствие здесь такого числа детективов из отдела по расследованию убийств. Один синий фургон чего стоит.

– В любом случае, учитывая, что покойная миссис Уилт замурована в фундаменте... – начал доктор Боард.

– Я делаю все от меня зависящее, чтобы полиция поскорей убрала ее из...

– Проекта? – перебил доктор Боард.

– Из ямы, – ответил доктор Мейфилд. – К несчастью, они зашли в тупик.

– Тупик?

– Они наткнулись на камень на глубине трех метров.

Доктор Боард улыбнулся.

– Можно только удивляться, зачем понадобилось вгонять сваи на глубину десять метров, если в трех метрах коренная порода, – пробормотал он.

– Я повторяю только то, что сказала полиция, – ответил доктор Мейфилд. – Однако они обещали сделать все от них зависящее, чтобы убраться со стройплощадки до пятницы. Теперь бы я хотел оговорить с вами детали подготовки к встрече. Визит начнется в одиннадцать с посещения библиотеки. Затем мы разобьемся на группы для обсуждения факультетских библиотек и средств обучения, причем особый упор будем делать на наши возможности в смысле индивидуального обучения...

– Не стал бы я их акцентировать, – заметил доктор Боард. – Учитывая предполагаемое количество студентов, а много нам не заманить, у нас и так будет самое большое количество преподавателей по отношению к количеству студентов, уж будьте уверены.

– Если мы все будем так думать, у комиссии создастся впечатление, что мы не заинтересованы в учреждении степени. Мы должны выступить единым фронтом, – сказал доктор Мейфилд. – На этой стадии мы не можем себе позволить внутренние разногласия. Весьма вероятно, что учреждение степени будет способствовать получению училищем статуса политеха.

* * *

Среди тех, кто бурил землю на строительной площадке, тоже были разногласия. Мастер все еще находился дома, напичканный лекарствами, и приходил в себя от нервного потрясения, вызванного непосредственным участием в зацементировании убитой женщины. Поэтому «парадом» командовал Барни.

– Понимаете, там была эта рука... – объяснил он сержанту, которому поручили раскопки.

– С какой стороны?

– С правой, – ответил Барни.

– Тогда мы начнем копать с левой. Так мы не отсечем руку, если она торчит.

Они начали копать с левой стороны и отсекли главный электрический кабель, ведущий к столовой.

– Забудьте про эту чертову руку, копайте справа, и да поможет нам Бог. Не перережьте бабу напополам, и ладно.

Они начали копать справа и на глубине в три метра наткнулись на скалу.

– Ну, теперь мы век проваландаемся, – заметил Барни. – И кто бы мог подумать, что там эти камни?

– Кто бы мог подумать, что какой-то придурок заложит свою благоверную в фундамент нового корпуса училища, где он сам работает?

– Просто ужас какой-то, – сказал Барни.

Тем временем сотрудники училища, как водится, разделились на фракции. Питер Брейнтри возглавлял фракцию защитников Уилта. К ним присоединились новые левые на том основании, что любой человек, конфликтующий с легавыми, обязательно прав. Майор Милфилд отреагировал соответствующим образом и возглавил правых, выступавших против Уилта, по той причине, что для них автоматически предполагалось: человек, снискавший поддержку левых, обязательно не прав, и, кроме того, полиция знает, что делает. Вопрос был поднят на профсоюзном собрании, созванном для обсуждения ежегодных требований повышения зарплаты. Майор Милфилд выступил с предложением о поддержке профсоюзом кампании за введение смертной казни. Билл Трент предложил выразить солидарность брату Уилту. Питер Брейнтри предложил организовать фонд помощи Уилту в уплате адвокатских гонораров. Доктор Ломаке, начальник коммерческого отделения, возразил, заявив, что, расчленив свою жену, Уилт покрыл позором всех представителей профессии. Брейнтри заметил, что Уилт никого не расчленил и что даже полиция такого не утверждает, и что есть такая вещь, как закон, преследующий за клевету. Доктор Ломаке снял свое замечание. По мнению майора Милфилда, были все основания считать, что Уилт убил свою жену и что, между прочим, в России нет закона о неприкосновенности личности. Билл Трент сказал, что там нет и смертной казни. Майор Милфилд сказал: «Чушь!» В конце концов с перевесом в один голос прошло предложение майора Милфилда о введении казни через повешение. Предложение же Брейнтри и новых левых было отвергнуто, и собрание перешло к обсуждению вопроса о повышении зарплаты на 45 процентов, чтобы преподаватели технических учебных заведений могли соответствовать своей сравнительно почетной профессии. После собрания Питер Брейнтри направился в полицейский участок узнать, не нужно ли чего Уилту.

– Не могу ли я его видеть? – спросил он сидящего за столом сержанта.

– Боюсь, что нет, сэр, – ответил сержант. – Мистер Уилт все еще помогает нам в расследовании.

– Может быть, я могу ему что-нибудь передать? Может, ему нужно что-нибудь?

– У мистера Уилта есть все, – сказал сержант, думая про себя, что больше всего Уилт нуждается в том, чтобы ему проверили голову.

– А разве ему не нужен адвокат?

– Когда мистер Уилт потребует адвоката, он у него будет, – сказал сержант. – Могу вас уверить, что до сих пор он ничего подобного не требовал.

И действительно, Уилт не требовал. Получив наконец возможность три часа поспать, он вышел из камеры в полдень, плотно позавтракал в столовой полицейского участка. Потом, потрепанный и небритый, вернулся в комнату для допросов. Чувство нереальности всего происходящего только усилилось.

– Давай, Генри, – сказал инспектор Флинт, снижая на октаву официально-номенклатурный тон в надежде найти отклик в душе Уилта, – поговорим о пятнах крови.

– Какой крови? – переспросил Генри, оглядывая стерильно чистую комнату.

– Пятнах крови на стенах ванной комнаты в доме Прингшеймов. О крови на лестнице. Как она туда попала, по-твоему? Есть какая-нибудь идея по этому поводу?

– Никакой, – ответил Уилт. – Могу только предположить, что у кого-то текла кровь.

– Правильно, – согласился инспектор, – а у кого?

– Откуда я знаю? – сказал Уилт.

– Да? А что мы нашли, вы знаете?

Уилт покачал головой.

– А если подумать?

– Не знаю, – ответил Уилт.

– Пятна крови на серых брюках в вашем шкафу, – сказал инспектор. – Пятна крови, Генри, пятна крови.

– И что тут удивительного? – ответил Уилт. – Я хочу сказать, что, если поискать хорошенько, у любого в шкафу найдется какая-нибудь одежда с пятнами крови. Дело в том, что на той вечеринке я был не в серых брюках, а в голубых джинсах.

– На вас были голубые джинсы? Вы уверены?

– Да.

– Значит, между пятнами крови на стенах ванной комнаты и пятнами крови на ваших серых брюках нет ничего общего?

– Инспектор, – сказал Уилт, – меньше всего я собираюсь учить вас вашему ремеслу, но ведь у вас же есть технический отдел, занимающийся анализом пятен крови. Поэтому я предлагаю вам попросить их использовать имеющиеся технические средства и...

– Уилт, – сказал инспектор, – Уилт, когда мне понадобится твой совет, как вести расследование, я не только попрошу об этом, я уйду в отставку.

– Ну и что? – спросил Уилт.

– Что «ну и что»?

– Совпали пятна? Пятна крови совпали?

Инспектор мрачно смотрел на него.

– А если я скажу, что совпали? – спросил он.

– Куда уж мне с ними спорить? – пожал плечами Уилт. – Если говорят, что совпадают, значит совпадают.

– Не совпадают, – сказал инспектор Флинт. – Но это ничего не доказывает, – добавил он, не давая Уилту прочувствовать удовлетворение по этому поводу. – Абсолютно ничего. Три человека отсутствуют. Миссис Уилт покоится на дне шахты... Нет, помолчите, Уилт, не повторяйте все снова. Затем доктор Прингшейм и миссис, бля, Прингшейм.

– Вот это мне нравится, – сказал Уилт одобрительно, – определенно нравится.

– Что именно?

– Миссис, бля, Прингшейм. Это здорово.

– Однажды, Уилт, – тихо сказал инспектор, – ты зайдешь слишком далеко.

– В смысле терпения? – спросил Уилт.

Инспектор кивнул и закурил.

– Знаете, инспектор, – сказал Уилт, чувствуя, что он владеет ситуацией, – вы слишком много курите. Это вредно. Вы должны попытаться...

– Уилт, – сказал инспектор, – за двадцать пять лет службы я ни разу не ударил подследственного, но может случиться, когда даже при самой большой силе воли... – Он встал и вышел из комнаты. Уилт откинулся на стуле и посмотрел на флюоресцентную лампу. Только бы она перестала жужжать. Это начинало действовать ему на нервы.

В проливе Ил – умение Гаскелла читать карты подвело его и оказалось, что они вовсе не в проливе Фэн или Лягушачьем Плесе – ситуация тоже начинала действовать всем на нервы. Попытки Гаскелла починить двигатель имели прямо противоположный эффект. Машинное отделение оказалось залито горючим, а на палубе было скользко и стало опасно ходить.

– Господи, Джи, по твоему виду можно подумать, что мы на нефтяной скважине, черт бы ее побрал, – сказала Салли.

– Все из-за этого блядского шланга для горючего, – ответил Гаскелл. – У меня никак не получалось насадить его обратно.

– Зачем же тогда заводить двигатель?

– Чтоб посмотреть, не забит ли он.

– Ну, посмотрел. И что же теперь делать? Сидеть здесь, пока, еда не кончится? Придется тебе что-нибудь придумать.

– Почему мне? Могла бы и ты пошевелить мозгами.

– Если бы ты хоть немного был мужчиной...

– Дерьмо, – сказал Гаскелл. – Послушайте только эту эмансипированную даму. Стоит чему-нибудь случиться, так я сразу должен быть мужчиной. А ты что же? Ты ведь и мужик и баба одновременно. Идея была твоя, ты и крутись. И не проси меня быть настоящим мужчиной. Я уж забыл как.

– Нужно придумать, как позвать на помощь, – сказала Салли.

– Конечно. Давай забирайся наверх и устраивай себе там гнездо. Сумеешь насладиться камышами до отвала.

Салли залезла на крышу каюты и оглядела горизонт. Он находился на расстоянии десяти метров и был сплошь из камыша.

– Там, вдалеке, что-то похожее на шпиль церкви. – сказала она. Гаскелл взглянул тоже.

– И правда, церковный шпиль. И что?

– Если мы подадим сигнал светом или еще чем-нибудь, кто-нибудь может нас заметить.

– Великолечно. В таком оживленном месте, как церковный шпиль, наверняка полно народу, ожидающего наших световых сигналов.

– Может что-нибудь зажечь? – предложила Салли. Кто-нибудь заметит дым и...

– С ума сошла? Давай, начинай что-нибудь жечь: с этим горючим вокруг, не сомневайся, они будут иметь зрелище. Например, взорвавшийся катер и трупы.

– Можно наполнить канистру горючим, перебросить ее за борт и потом поджечь.

– И заодно все камыши. Чего, черт возьми, тебе хочется? Сжечь все к чертовой матери?

– Джи, детка, ты просто не хочешь помочь.

– Я пользуюсь мозгами по назначению, вот и все, – сказал Гаскелл. – Еще парочка подобных идей, и мы окажемся в куда худшем положении, чем сейчас.

– Не понимаю, почему? – сказала Салли.

– Я тебе скажу, почему. – сказал Гаскелл. – Потому что ты сперла этот ебаный катер. Вот почему.

– Я не сперла. Я...

– Это ты скажешь легавым. Вот так скажешь, и все. Только начни поджигать камыши, как они будут тут как тут со своими вопросами. Например, чей это катер и как вы оказались

на чужом катере и все такое. Поэтому надо выбираться отсюда без лишней рекламы.

Начался дождь.

– Дождя нам и не хватало, – пробурчал Гаскелл. Салли спустилась в каюту, где Ева наводила порядок после обеда.

– Боже мой, Джи совершенно беспомощен. Сначала он сажает нас на мель неизвестно где, затем он затрачивает двигатель, причем окончательно, а теперь он заявляет, что не знает, что делать.

– Почему он не пойдет и не позовет на помощь? – спросила Ева.

– Как? Вплавь? Джи так далеко не доплывет, даже если от этого будет зависеть его жизнь.

– Он может взять надувной матрац и выгрести на открытое место, заметила Ева. – Не обязательно плыть.

– Надувной матрац? Ты сказала надувной матрац? Какой надувной матрац?

– Там, в шкафу, вместе со спасательными жилетами. Его надо надуть и...

– Радость моя, ты у нас самая практичная, – обрадовалась Салли и бросилась наружу. – Джи, Ева придумала, как ты можешь отправиться за помощью. В шкафу есть надувной матрац, там, где спасательные жилеты. – Она порылась в шкафу и вытащила надувной матрац.

– Если ты воображаешь, что я отправлюсь куда-либо на этой чертовой штуке, ты не в своем уме, – отказался Гаскелл.

– Чем он тебе не нравится?

– Ты когда-нибудь пыталась управлять такой штукой? С ним еле справишься и в солнечную безветренную погоду. А в такую, как сегодня, меня просто занесет в камыши. И кроме того, мне дождь очки заливают.

– Ладно, подождем, пока кончится ветер. Хоть знаем теперь, как отсюда выбраться.

Она опять спустилась в каюту и закрыла дверь. Было слышно, как Гаскелл ходит вокруг двигателя и звякает гаечным ключом. Хоть бы как-то завести мотор.

– Мужчины, – сказала Салли презрительно, – претендуют на звание сильного пола, но, как дело доходит до беды, вся надежда на нас, женщин.

– Генри тоже непрактичный, – поддержала Ева. – Разве что может заменить предохранитель. Надеюсь, он обо мне не беспокоится.

– Он всюду развлекается, – предположила Салли.

– Только не Генри. Он и не знает, как это делается.

– Он, наверное, пользуется Джуди.

Ева покачала головой.

– Он был попросту пьян, вот и все. Он никогда ничего подобного не делал.

– Ты-то откуда знаешь?

– Он же мой муж.

– Муж, как же. Он тебя просто использовал, для того чтобы мыть посуду, готовить и убирать за ним. Что он тебе дал? Ну скажи, что?

Ева пожала плечами, запутавшись в собственных мыслях. Ничего особенного Генри ей не дал. Во всяком случае такого, о чем бы можно было сказать словами.

– Я нужна ему, – наконец сказала она.

– Значит, ты ему нужна. А тебе это нужно? Все это риторика женского феодализма. Ты спасаешь чью-то жизнь и еще должна быть благодарной за то, что тебе это позволили?

Забудь Генри. Он – пустое место.

Ева ошетибилась. Может Генри и не очень, но она не любила, когда его оскорбляли.

– Гаскелл тоже не подарок, – заявила она и отправилась на кухню. За ее спиной Салли разлеглась на койке и раскрыла «Плейбой» на центральном развороте.

– У Гаскелла есть хлеб, – сказала она.

– Хлеб?

– Деньги, солнышко. Зелененькие. То, что заставляет мир вертеться кабареобразно. Ты же не думаешь, что я вышла за него замуж из-за его внешности? О нет. Я нюхом чувствую миллион и уж мимо себя не пропущу.

– Я бы никогда не смогла выйти замуж за мужчину из-за денег, – возразила Ева, поджав губы. – Я должна его любить. Правда.

– Ты слишком часто ходишь в кино. Ты что, думаешь Гаскелл меня любил?

– Не знаю. Наверное.

Салли расхохоталась.

– Ева, крошка, ну и наивна же ты. Хочешь, я тебе расскажу про Гаскелла? Он помешан на пластике. Он трахнет чертову шимпанзе, если одеть ее в пластик.

– Ну что вы такое говорите! – удивилась Ева. – Не может такого быть.

– Ты что думаешь, я тебя просто так посадила на таблетки? Ты тут ходишь в одном бикини, а Гаскелл все время пускает слюни. Если бы меня здесь не было, он бы давно уже тебя изнасиловал.

– Ему бы пришлось нелегко, – сказала Ева. – Я занимаюсь дзюдо.

– Ну, попытался бы. Все, что в пластике, сводит его с ума. Зачем ему эта кукла, как ты думаешь?

– Меня это тоже удивило.

– Теперь можешь перестать удивляться, – сказала Салли.

– И все-таки я не понимаю, какое это отношение имеет к тому, что вы вышли за него замуж? – спросила Ева.

– Хорошо, я открою тебе маленький секрет. Гаскелла направил ко мне...

– Направил?

– Доктор Фриборн. У Гаскелла возникла небольшая проблема, и доктор Фриборн направил его ко мне.

Ева смотрела на нее с удивлением.

– И что вы должны были делать?

– Я выступала в роли суррогата.

– Суррогата?

– Как советник по вопросам секса, – объяснила Салли. – Доктор Фриборн присылал мне клиентов, и я им помогала.

– Мне бы такая работа не понравилась, – заметила Ева – Я терпеть не могу разговаривать с мужчинами о сексе. Вам не было неловко?

– Человек ко всему привыкает, да есть и худшие способы зарабатывать деньги. Короче, Гаскелл обратился ко мне со своей маленькой проблемой, и я помогла ему с ней справиться, причем буквально, ну и мы поженились. Деловая сделка. К тому же деньги.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что я получила Гаскелла, а Гаскелл получил пластик. Эдакие эластичные взаимоотношения. Женитьба, растягивающаяся в обе стороны.

Ева с трудом переваривала эту информацию. Что-то здесь было не так.

– А как прореагировали на это его родители? – спросила она. – В смысле, они знали, что вы ему помогали и все такое?

– Знали? Откуда им было знать? Джи сказал им, что познакомился со мной в летней школе, и Прингси вытаращил свои жадные маленькие глазенки. Детка, этот толстенный коротышка – продолжение своего пениса. Он способен продать все. Рокфеллеровский центр самому Рокфеллеру. Поэтому он меня принял. Но не старушка-мама Прингшейм. Она долго пыхла и дулась, но этот маленький свинок стоял на своем. Мы с Джи вернулись в Калифорнию, Джи получил диплом по пластикам, и с той поры мы занимаемся биодegradацией.

– Хорошо, что Генри не такой, – сказала Ева. – Я бы не смогла жить с извращенцем.

– Да не извращенец он, детка. Джи просто помешан на пластике.

– Ну тогда я не знаю, что такое извращенец, – сказала Ева.

Салли закурила сигару.

– Каждый мужик от чего-нибудь заводится, – сказала она. – Ими легко манипулировать. Надо только найти слабое место. Уж я-то знаю.

– Генри не такой. Я бы знала.

– Вот его и тянет к кукле. Это-то ты теперь знаешь. Не хочешь же ты сказать, что он хорош в койке?

– Мы женаты уже двенадцать лет. Естественно, что мы не занимаемся этим так часто, как раньше. У нас столько дел.

– Эти мне дела. И пока ты возишься по дому, что делает Генри?

– Преподает в техучилище. Он там целый день и очень устает.

– Ты что же, хочешь сказать, что он не промышляет на стороне?

– Не понимаю, – сказала Ева.

– Он свое берет на стороне. Секретарша дает ему прямо на столе.

– У него нет секретарши.

– Тогда студенточка какая-нибудь. Трах, и отметки лучше. Я-то знаю. Все видела. Меня не обманешь, я слишком долго проболталась в этих школах.

– Я уверена, что Генри никогда...

– Да они все так говорят, потом раз и развод, и все, что тебе остается, так это жить в ожидании климакса, подглядывать сквозь жалюзи за соседом и ждать неизвестно кого.

– У вас все так ужасно, – сказала Ева. – Просто страшно слушать.

– Так оно и есть, душечка. И надо что-то делать, пока не поздно. Ты должна освободиться от Генри. Разрыв и все поровну. Иначе всю жизнь обречена быть под каблуком у мужчины.

Ева села на койку и задумалась о будущем. Получалось, что многого ей ждать не приходилось. Детей теперь уж у них никогда не будет, да и достаточно денег тоже. Они по-прежнему будут жить на Парквью и платить по закладной, и, может, Генри найдет себе кого-нибудь, и что она тогда будет делать? Если и нет, все равно жизнь уходила зря.

– Хотелось бы мне знать, что делать, – наконец произнесла она. Салли села и обняла ее за талию.

– Почему бы тебе не поехать с нами в ноябре в Штаты? – спросила она. – Мы бы повеселились.

– Нет, что вы, я не могу, – сказала Ева. – Это будет несправедливо по отношению к

Подобные угрызения мало беспокоили инспектора Флинта. Упорство, проявленное Генри на допросах с пристрастием, просто доказывало, что он куда крепче, чем кажется.

– Мы допрашиваем его уже тридцать шесть часов, – сказал он на собрании отдела по убийствам, которое состоялось в комнате для брифингов в полицейском участке, – и нам не удалось ничего от него узнать. Так что нам предстоит продолжительная и тяжелая работа и, честно говоря, я сомневаюсь, что нам удастся его расколоть.

– Я же говорил, что этот орешек нам не раздолбить, – заметил сержант Ятц.

– Раздолбай, это ты верное слово нашел, – сказал Флинт. – Значит, нужны вещественные доказательства.

Раздались смешки, которые, однако, быстро смолкли. Инспектор Флинт был настроен далеко не юмористически.

– Мы сможем расколоть его только с помощью улик, неопровержимых улик. Только так мы доведем дело до суда.

– Но у нас же есть улики, – заметил сержант Ятц. – Они на дне...

– Премного благодарен, сержант, сам знаю, где эти улики. Я сейчас говорю об уликах, подтверждающих убийство нескольких человек. Мы знаем, где миссис Уилт, но не знаем, где миссис и мистер Прингшейм. Полагаю, он прикончил всех троих, и два других трупа...

Он замолчал, открыл лежащее перед ним дело и стал просматривать набросанные Уилтом «Заметки о роли насилия и распаде семьи». Некоторое время он изучал их, потом покачал головой.

– Нет, – пробормотал он, – это невысказано.

– Что невысказано, сэр? – спросил сержант Ятц. – От этого подонка можно всего ожидать.

Но инспектор Флинт не прореагировал. Мысль, пришедшая ему в голову, была слишком ужасной.

– Как я уже сказал, – продолжил он. – нам нужны неопровержимые факты. У нас сейчас только косвенные улики. Мне нужно больше данных относительно Прингшеймов. О том, что произошло на этой вечеринке, кто там был и почему. А при той скорости, с которой мы продвигаемся с Уилтом, нам из него ничего не вытянуть. Снелл, ты отправишься на факультет биохимии в университет и узнаешь, что сможешь о докторе Прингшейме. Узнай, не было ли кого-нибудь из его коллег на вечеринке. Составь список его друзей, узнай, чем он увлекается, есть ли у него подружка. Поговори с ними. Выясни, есть ли какая-нибудь связь между ним и миссис Уилт, дающая повод для убийства. Джексон, ты поедешь на Росситер Глоув и постарайся узнать что-либо о миссис Прингшейм...

Собрание закончилось, и все детективы направились в разные концы города добывать сведения о Прингшеймах. Связались даже с американским посольством, чтобы выяснить что-либо об этой чете. Расследование достигло кульминации.

Инспектор Флинт вернулся в свой кабинет вместе с сержантом Ятцем и закрыл за собой дверь.

– Ятц, – сказал он, – то, что я сейчас скажу, должно остаться между нами. Я не хотел

говорить об этом там, но у меня есть неприятное ощущение, что я знаю, почему этот козел так чертовски самоуверен. Тебе приходилось встречать убийцу, который был бы так дьявольски спокоен после тридцати шести часов допроса, сознавая, что мы точно знаем, где находится труп его жертвы?

Сержант Ятц покачал головой.

– Я в свое время повидал немало крепких парней, особенно после того как прекратили вешать, но этот даст им сто очков вперед. По-моему, он совершеннейший псих.

Флинт не поддержал эту идею.

– Психи легко раскальваются – сказал он. – Они признаются в убийствах, которых не совершали или, наоборот, которые совершили, но так или иначе, они признаются. А Уилт ни в какую. Он сидит и учит меня, как вести расследование. Теперь смотри сюда – Он открыл дело и достал оттуда записки Уилта. – Тебе тут ничего не кажется странным?

Сержант Ятц дважды внимательно перечел заметки.

– Ну, похоже, он не слишком высокого мнения о наших методах, – наконец сказал он. – И мне вовсе не нравится его замечание о низком интеллектуальном уровне среднего полицейского.

– А как насчет пункта 2, подпункт г? – спросил инспектор. – «Изобретательность как отвлекающая тактика преступников». Отвлекающая тактика Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Вы хотите сказать, что он пытается отвлечь наше внимание от настоящего преступления или что-то в этом роде?

Инспектор Флинт кивнул.

– Я вот что хочу сказать. Я готов поспорить, что, когда мы доберемся до дна этой чертовой ямы, мы найдем там надувную куклу, одетую в тряпки миссис Уилт, да еще с влагалищем. Вот что я думаю.

– Но это же безумие.

– Безумие? Черта с два, это специально задумано, – сказал инспектор. – Он сидит, как проклятый манекен, и плюет на нас, потому что знает, что мы идем по ложному следу.

Лицо сержанта выражало полное недоумение.

– Но зачем? Зачем вообще было привлекать внимание к убийству? Почему бы ему не затаиться и не вести себя, как обычно?

– И заявить об исчезновении миссис Уилт? И потом, ты забываешь о Прингшеймах. Исчезает жена, ну и что? Но и ее друзья тоже исчезают, оставив дом в жутком беспорядке и в крови. Это уже надо как-то объяснить. Поэтому он наводит нас на ложный путь...

– И какая ему от того польза? – запротестовал сержант. – Ну отроем мы куклу. Но ведь не прекратим расследование.

– Может и нет, но это даст ему неделю, а за это время трупы разложатся.

– Вы думаете, он воспользовался кислотой, как Хай? – спросил сержант. – Просто ужас.

– Конечно, ужас. А по-твоему, убийство – это одно очарование, так что ли? Между прочим, они прищучили Хая только потому, что этот дурак рассказал им, где останки. Держи он пасть на замке еще с недельку, ничего бы они не нашли. Все бы смыло к чертям собачьим. Кроме того, я не знаю, чем пользовался Уилт. Но я знаю, что он интеллектуал, у него хорошие мозги и он уверен, что не оставил следов. Для начала мы его допросим, может быть, даже возьмем под стражу, а когда мы это сделаем, мы выкопаем надувную пластиковую куклу. Да из нас мартышек сделают, если мы представим в суде пластиковую куклу в качестве доказательства убийства. Мы будем посмешищем для всего мира. Суд

откажется рассматривать это дело, а когда мы возьмем его вторично по обвинению в настоящем убийстве, знаешь, что произойдет? Вся эта братия из общества гражданских свобод вцепится нам в глотки, как целая стая вампиров.

– Думаю, теперь понятно, почему он не начал вопить по поводу адвоката. – сказал Ятц.

– Разумеется. Зачем ему сейчас адвокат? Но если мы возьмем его повторно, адвокаты будут распахивать друг друга локтями, лишь бы получить возможность помочь Уилту. Представь только, какой они поднимут визг насчет жестокости и пристрастности полиции. Сам себя не услышишь. Его адвокаты будут на коне. Сначала пластиковая кукла, а потом вообще никаких трупов. Он выйдет сухим из воды.

– Только сумасшедший мог все это придумать, – сказал сержант.

– Или же гений. – с горечью сказал Флинт. – Господи, что за дело! – Он с отвращением загасил сигарету.

– Что мне сейчас делать? Еще потрясти его немного?

– Не надо, я сам им займусь. Ты поезжай в техучилище и заставь его начальника признаться, что он о нем думает на самом деле. Собери всю грязь по капле. Должно же быть что-нибудь в его прошлом, что можно использовать.

Флинт пошел в комнату для допросов. Уилт сидел за столом и делал пометки на обратной стороне бланка для признания. Теперь, когда он начал чувствовать себя в полицейском участке если не как дома, то, по крайней мере, достаточно спокойно, он принялся размышлять, куда же делась Ева. Он вынужден был признать, что его беспокоили пятна крови в спальне Прингшеймов. Чтобы занять время, он пытался сформулировать свои мысли на бумаге. Именно этим он продолжал заниматься, когда вошел инспектор Флинт.

– Так, значит, ты парень не промах, Уилт, – сказал он и потянул листок на себя. – Читать и писать ты умеешь, и у тебя логичный и изобретательный умишко. Давай-ка посмотрим, что ты тут написал. Кто такая Этель?

– Сестра Евы, – сказал Уилт. – Она замужем за садовником, выращивающим овощи на продажу. Ева иногда гостит у нее по неделе.

– А это – «кровь в ванне»?

– Интересно, откуда она там взялась.

– А «следы поспешного отъезда»?

– Я просто записывал свои мысли насчет состояния дома Прингшеймов, – сказал Уилт.

– Хочешь нам помочь?

– Я и так помогаю расследованию. Кажется, официально это так называется?

– Официально, может, и так, Уилт, но в данном случае это не соответствует действительности.

– Вероятно, это не единственный случай, – заметил Уилт. – Одно из выражений для сокрытия грехов.

– И преступлений.

– Кроме того, из-за этого человек может потерять свое доброе имя, – сказал Уилт. – Я надеюсь, вы сознаете, какой вред вы наносите моей репутации, задерживая меня здесь таким образом? Вполне достаточно, что всю мою оставшуюся жизнь на меня будут показывать пальцем, как на человека, который одел пластиковую куклу с п... в шмотки своей жены и сбросил ее в шурф. Не хватало еще, чтобы все думали, что я убийца, черт бы вас побрал.

– Там, где ты проведешь оставшуюся жизнь, всем будет плевать, что ты сделал с надувной куклой. – сказал инспектор.

Уилт ухватился за последние слова.

– А, так вы ее нашли, наконец, – обрадовался он. – Прекрасно. Значит, я могу идти.

– Сядь и заткнись, – прорычал инспектор. – Ты никуда не пойдешь, а если и пойдешь, то в большом черном фургоне. Я с тобой еще не кончил. Более того, я только начинаю.

– Опять снова здорово, – сказал Уилт. – Так и знал, что вы все по новой начнете. У вас у всех только условные рефлексy. Причина – следствие, причина – следствие. Что было сначала, курица или яйцо, протоплазма или создатель? Думаю, сейчас вы начнете спрашивать, о чем говорила Ева, когда мы собирались на вечеринку.

– На этот раз, – сказал инспектор, – мне хотелось бы, чтобы ты мне подробно объяснил, почему ты решил спрятать эту чертову куклу на дне ямы.

– Вот это уже интересный вопрос, – сказал Уилт и замолчал. Пожалуй не стоило в данных обстоятельствах пытаться объяснить инспектору, о чем он думал, когда бросал куклу в шурф. Инспектор был не похож на человека, который может понять, почему муж способен мечтать об убийстве собственной жены, не приводя тем не менее свои мечты в исполнение. Наверное, будет лучше подождать, пока Ева не появится жива и невредима, прежде чем касаться этой неизведанной и иррациональной темы. Может быть, познакомившись с Евой, инспектор ему посочувствует. В ее же отсутствие на это рассчитывать не приходилось.

– Считайте, что я просто хотел избавиться от этой жуткой штуки, – сказал, он.

– Ничего такого мы считать не будем, – заметил Флинт. – Скажем так, у тебя был пока не установленный мотив, чтобы засунуть ее туда.

Уилт кивнул.

– Готов с этим согласиться, – сказал он.

Инспектор Флинт одобрительно кивнул.

– Я так и думал. Ну и какой же мотив?

Уилт тщательно обдумал ответ. Он ступал на скользкую почву.

– Давайте скажем, что это было нечто вроде репетиции.

– Репетиции? Какой репетиции?

Уилт немного подумал.

– Интересное слово репетиция, – заметил он. – Оно происходит от французского...

– Плевать, откуда оно происходит, – перебил инспектор. – Я хочу получить ответ.

– Есть в нем что-то похоронное, если хорошо подумать, – продолжил Уилт свои изыскания в области семантики^[12].

Инспектор немедленно попался на удочку.

– Похороны? Чьи похороны?

– А кого хотите, – сказал Уилт жизнерадостно. – Репетировать, повторять. Можно сказать, что, когда вы проводите эксгумацию, вы повторяете похороны. Хотя я не думаю, что вы пользуетесь катафалками.

– Ради Христа, – заорал инспектор, – не меняй тему. Ты сказал, что что-то репетировал, и я хочу знать что.

– Просто одну идею, – сказал Уилт. – одну из мимолетных идей, возникающих в воображении, которые порхают, как бабочки летом над поляной разума, подгоняемые легким ветерком ассоциаций, дождь которых возникает так, внезапно... Право, неплохо сказано.

– Я так не думаю, – сказал инспектор, с горечью глядя на него. – Я хочу знать, что ты репетировал. Вот что я хочу знать.

– Я же сказал. Идею.

– Какую идею?

– Просто идею, – сказал Уилт. – Просто...

– Да простит меня Господь, Уилт, – завопил инспектор, – если ты снова заведешь про этих блядских бабочек, я нарушу правило всей моей жизни и сверну тебе шею ко всем чертям.

– Я вовсе не собирался говорить на этот раз о бабочках, – ответил Уилт обиженно. – Я хотел сказать, что у меня появилась идея написать книгу...

– Книгу? – рявкнул инспектор. – Какую книгу? Сборник стихотворений или детектив?

– Детектив, – ответил Уилт, воспользовавшись подсказкой.

– Понятно, – сказал инспектор. – Значит, ты собираешься написать интересный детектив. Дай-ка я попробую угадать сюжет. Значит, жил да был преподаватель техучилища, который ненавидел свою жену и решил ее убить...

– Продолжайте, – сказал Уилт, – пока у вас неплохо получается.

– Еще бы, – сказал инспектор с удовлетворением. – Ну, этот преподаватель считает себя умным парнем, способным одурачить полицию. Он бросает пластиковую куклу в яму, которую должны залить бетоном, надеясь, что, пока полиция возится, пытаясь ее оттуда достать, он спрячет тело жены где-нибудь в другом месте. Кстати, Генри, где ты закопал миссис Уилт? Давай покончим с этим раз и навсегда. Где ты ее спрятал? Скажи. Тебе же самому будет легче.

– Нигде я ее не прятал. Я сказал это уже один раз и готов повторить еще хоть тысячу. Сколько раз можно говорить вам, что я не знаю, где она?

– Я скажу за тебя, Уилт, – заявил инспектор, когда к нему вернулся дар речи. – Мне и раньше приходилось встречаться с крутыми парнями, но перед тобой я снимаю шляпу. Ты самый крутой из всех, с кем мне когда-либо не повезло встретиться.

Уилт покачал головой.

– Вы знаете, инспектор, – сказал он, – мне вас жаль, честное слово. Вы не способны разглядеть правду, даже если она у вас прямо под носом.

Инспектор поднялся и вышел из комнаты. – Эй, ты, – обратился он к первому же попавшемуся детективу, – иди к нему и задавай этому поганцу вопросы, и не останавливайся, пока я не скажу.

– Какие вопросы?

– Любые. Какие в голову придут. Не переставай спрашивать его, зачем он засунул надувную пластиковую куклу в яму. Спрашивай снова и снова. Я его расколю, этого урода.

Вернувшись в свой кабинет, он бросился в кресло и принялся думать.

Тем временем в техучилище сержант Ятц сидел в кабинете мистера Морриса.

– Извините, что я вас опять беспокою, – сказал он, – но требуется уточнить кой-какие детали насчет этого Уилта.

Заведующий гуманитарным отделением устало поднял глаза от расписания. Он безуспешно пытался найти кого-нибудь вместо Уилта для группы каменщиков. Прайс не годился, потому что у него занятия с механиками, а Уильямс не согласится. Он и так накануне ушел домой с расстройством желудка на нервной почве и пригрозил, что вообще откажется подменять любого, кто в его присутствии, хотя бы упомянет группу каменщиков еще раз. Оставался только сам мистер Моррис, и он был согласен, чтобы сержант беспокоил его сколько его душе угодно, лишь бы не идти на занятия к этим чертовым каменщикам.

– Располагайте мной, – сказал он с любезностью, которая представляла любопытный контраст с его загнанным видом. – Какие детали вас интересуют?

– Только общее впечатление о человеке, сэр, – сказал сержант. – Какие-нибудь странности?

– Странности? – мистер Моррис на минуту задумался. Если не считать безропотную готовность год за годом преподавать в самых ужасных классах, мистер Моррис никаких странностей за Уилтом не знал. – Наверное, можно считать немного странной его фанатическую приверженность «Повелителю мух», но я сам никогда..

– Подождите минутку, сэр, – прервал его сержант Ятц, торопливо записывая что-то в блокнот. – Как вы сказали, «фанатическая привязанность»?

– Я имел в виду...

– Мухам, сэр?

– «Повелителю мух». Это книга такая, – сказал мистер Моррис, сознавая, что вряд ли стоило об этом говорить. Полицейские казались не слишком большими ценителями всех тех изысков литературного вкуса, который он привык считать признаком интеллигентности. – Надеюсь, я не сказал ничего лишнего.

– Разумеется нет, сэр. Все эти маленькие детали позволяют нам понять, как работает ум преступника.

Мистер Моррис вздохнул. – Должен сказать, что когда мистер Уилт пришел к нам из университета, мне и в голову не могло прийти, что такое может случиться.

– Конечно, сэр. А мистер Уилт никогда плохо не отзывался о своей жене?

– Плохо? Бог мой, да нет. Да и нужды не было говорить. Ева говорила сама за себя. – Сквозь окно он посмотрел на работающую бурильную машину.

– Значит, по-вашему, миссис Уилт была не очень симпатичным человеком?

Мистер Моррис покачал головой. – Ева была ужасной женщиной.

Сержант Ятц облизал кончик своей шариковой ручки.

– Как вы сказали, «ужасной», сэр?

– Боюсь, что так. Она как-то посещала мои вечерние занятия по элементарной драме.

– Элементарной? – переспросил сержант и сделал соответствующую запись.

– Да, хотя в случае с миссис Уилт больше бы подошло определение стихийная. Она так экспансивно играла все роли, что была далека от убедительности. Ее Дездемона – это было нечто, такое трудно забыть.

– Она была импульсивной женщиной, вы это хотите сказать?

– Давайте лучше скажем так, – заметил мистер Моррис. – Если бы Шекспир написал пьесу так, как ее интерпретировала миссис Уилт, то задушенным бы оказался Отелло.

– Понятно, сэр, – сказал сержант. – Вы имеете в виду, что она не любит черных.

– Не имею представления о ее взглядах на расовую проблему, – сказал мистер Моррис. – Я говорил о физической силе.

– Сильная женщина, сэр?

– Очень, – ответил мистер Моррис с чувством.

На лице сержанта отразилось искреннее недоумение.

– Как-то странно, что такая сильная женщина дала себя убить Уилту и не оказала большого сопротивления, – сказал он задумчиво.

– Я в это тоже не могу поверить, – согласился мистер Моррис. – Более того, это говорит о том, что Генри обладает фанатическим мужеством, чего я никогда в нем не подозревал. Наверное, в тот момент он обезумел.

Сержант Ятц ухватился за эти слова.

– Значит, вы серьезно считаете, что он был не в своем уме, когда убил свою жену?

– В своем уме? Кто же в своем уме убьет жену и бросит ее тело...

– Я хочу сказать, сэр, – перебил сержант, – не считаете ли вы мистера Уилта сумасшедшим?

Мистер Моррис заколебался. У него в штате было немало психически неуравновешенных людей, но ему вовсе не хотелось это афишировать. С другой стороны, не исключено, что таким признанием он поможет бедняге Уилту.

– Да, я думаю, можно так сказать, – в конце концов сказал Моррис, у которого было доброе сердце. – Очень даже сумасшедший. Сержант, между нами, любой человек, согласившийся учить таких кровожадных молодых негодяев, как у нас в училище, не может быть полностью нормальным. Только на прошлой неделе Уилт ввязался в перепалку с наборщиками и получил удар в лицо. Я думаю, это сказалось на его поведении в дальнейшем. Надеюсь, вы сохраните все, что я вам сказал, в строжайшей тайне. Я бы не хотел...

– Разумеется, сэр, – сказал сержант. – Ну, не буду вас больше задерживать.

Он вернулся в полицейский участок и доложил о своих успехах инспектору Флинту.

– Совершенный псих, – провозгласил он. – Так он считает. Он высказался вполне определенно.

– В этом случае он не имел права держать ублюдка на работе, – сказал Флинт. – Он должен был уволить мерзавца.

– Уволить? Из училища? Вы же знаете, учителей нельзя уволить. Надо сделать что-то из ряда вон выходящее, чтобы тебя уволили.

– Например, укокошить троих. Ну, что касается меня, то они могут получить этого мерзавца назад.

– Вы хотите сказать, он еще держится?

– Держится? Да он перешел в контратаку. Сначала он довел меня до нервного истощения, а теперь Болтон умоляет, чтобы его заменили. Больше не может выдержать напряжения.

Сержант Ятц почесал голову.

– Понять не могу, как ему это удастся, – сказал он. – Всякий подумает, что он

невиновен. Хотел бы я знать, когда он попросит адвоката.

– Никогда, – сказал Флинт. – Зачем ему адвокат? Если бы на допросе присутствовал адвокат и лез с советами, я бы давно вытянул из Уилта правду.

* * *

С наступлением ночи в проливе Ил ветер усилился до восьми баллов. Дождь барабанил по крыше каюты, волны били в правый борт, и катер все больше и больше утопал в иле. В каюте было накурено, а атмосфера накалена. Гаскелл достал бутылку водки и пил. Они играли в слова, чтобы скоротать время.

– Так я себе представляю ад, – заявил Гаскелл, – быть запертым с парой сапфисток.

– Что такое сапфистка? – спросила Ева.

Пораженный Гаскелл вытаращил на нее глаза. – Вы что, не знаете?

– Ну, я слышала что-то про остров...

– Дремучая вы наша, – сказал Гаскелл. – Надо же быть такой наивной. Сапфистка это...

– Джи, прекрати, – перебила Салли. – Чей ход?

– Мой, – сказала Ева? – И...М...П... получается Имп.

– О...Т...Е...Н...Т... получается Гаскелл, – сказала Салли.

Гаскелл еще разочек приложился к бутылке. – Черт побери, во что мы играем? В слова или в откровенность?

– Твой ход, – сказала Салли.

Гаскелл поставил Д...И...Л...Д вокруг буквы О. – Попробуй, размер подходит?

Ева посмотрела на него осуждающе.

– Нельзя употреблять собственные имена, – сказала она. – Вы же не дали мне употребить Сквизи.

– Ева, детка, дилдо вовсе не собственное имя. Это такая вещь. Суррогат пениса.

– Что?

– Ладно, проехали, – сказала Салли. – Теперь твой ход. – Ева посмотрела на свои буквы. Ей надоели эти постоянные указания, и, кроме того, ей хотелось знать, что такое сапфистка. И суррогат пениса. Наконец она составила слово Л...Ю...Б...О...В...Ь вокруг буквы О.

– У любви как у пташки крылья, – сказал Гаскелл и поставил Д...И...Д... к уже имеющимся Л.

– У вас два одинаковых слова, – заметила Ева. – Дилдо уже было.

– А этот другой, – сказал Гаскелл, – с усиками.

– Какая разница?

– Спросите Салли. Это у нее пенисомания.

– Ах ты, жопа, – сказала Салли и составила слово «педик» вокруг буквы Д. – Это про тебя.

– Ну, что я говорил? Игра в откровенность, – сказал Гаскелл. – Да здравствует правда!

Ева составила слово «верный», Гаскелл написал «шлюха», а Салли ответила словом «псих».

– Великолепно, – заметил Гаскелл, – почти так же гениально, как у Ай Чинга.

– Вундеркинд, ты меня без ножа режешь, – сказала Салли.

– Переходи на самообслуживание, – сказал Гаскелл и положил руку на Евино бедро.

– Уберите руки, – сказала Ева и оттолкнула его. Ее следующим словом было «грех».

Гаскелл изобразил: «Трибадия».

– И не говорите мне, что это собственное имя.

– Во всяком случае, я такого слова не встречала, – сказала Ева.

Гаскелл уставился на нее и покотился со смеху.

– Теперь я слышал все, – сказал он, – к примеру, что минет это лекарство от кашля. У глупости есть границы?

– Посмотри в зеркало, узнаешь, – предложила Салли.

– Ну разумеется. Значит, я женился на проклятой лесбиянке, которая еще к тому же взяла моду красть чужие катера и чужих жен. Ладно, пусть я дурак. Но эти сиськи дадут мне сто очков вперед. Она такая ханжа, что делает вид, будто она вовсе не сапфистка...

– Я не знаю, что это такое, – вмешалась Ева.

– Ну так я тебе скажу, толстуха. Сапфистка означает лесбиянка.

– Вы что, обзываете меня лесбиянкой? – спросила Ева.

– Вот именно, – подтвердил Гаскелл.

Ева закатила ему увесистую пощечину. Очки слетели у него с носа, и он плюхнулся на пол.

– Слушай, Джи... – начала было Салли, но Гаскелл уже поднялся на ноги.

– Вот что, жирная ты сука, – сказал он. – Правды захотела? Получай? Первое, ты ведь считаешь, что Генри, твой муженек, сам вляпался в эту куклу, так вот позволь мне тебе сказать...

– Гаскелл, заткнись немедленно. – закричала Салли.

– Черта с два. Мне уже обрыдли и ты и твои штучки. Я взял тебя из дурдома...

– Неправда, это была клиника, – взвизгнула Салли, – клиника для больных извращенцев вроде тебя.

Но Ева не слушала. Она во все глаза смотрела на Гаскелла. Он обозвал ее лесбиянкой и сказал, что Генри попал в эту куклу не по своей воле.

– Расскажите мне о Генри, – закричала она. – Как он попал в эту куклу?

Гаскелл указал на Салли. – Ее работа. Он был без сознания...

– Вы его туда засунули? – спросила Ева, обращаясь к Салли. – Это правда?

– Он пытался меня изнасиловать, Ева. Он пытался...

– Не верю, – закричала Ева. – Генри не такой.

– Говорю тебе, он пытался. Он...

– И вы защемили его этой куклой? – Ева завизжала и бросилась через стол на Салли.

Раздался треск, и стол рухнул. Гаскелл откатился в сторону, поближе к койке, а Салли пулей вылетела из каюты. Ева встала и направилась к двери. Ее использовали, обманывали и ей ввали. И унизили Генри. Она убьет эту сучку Салли. Ева вышла на палубу. В конце ее эиднелся смутный силуэт Салли. Ева обошла двигатель и сделала бросок. В следующее мгновение она поскользнулась на разлитом топливе, а Салли рванулась к каюте и захлопнула за собой дверь. Ева поднялась на ноги и долго стояла. Дождь струился по ее лицу, смывая все те иллюзии, которыми она жила целую неделю. И она увидела себя такой, как есть – толстой дурой, бросившей мужа в погоне за блеском, который оказался фальшивым и дрянным, замешанным исключительно на словоблудии и деньгах. И к тому же Гаскелл сказал, что она лесбиянка. В этот момент на нее обрушилась вся тошнотворная правда относительно касательной терапии. Она шатаясь подошла к борту и села на ящик.

И постепенно ее отвращение к самой себе перешло в гнев и холодную ненависть к Прингшеймам. Она на них отыграется. Они еще пожалеют, что встретили ее. Ева встала открыла ящик, вытащила спасательные жилеты и перебросила их за борт. Затем она надула матрац, опустила его в воду и сама перебралась через борт. Спустившись в воду, она улеглась на матрац. Он угрожающе раскачивался, но Ева не боялась. Она мстила Прингшеймам, и ей было наплевать, что произойдет с ней самой. Она осторожно гребла, подталкивая спасательные жилеты впереди себя. Ветер дул в спину, и матрац двигался легко. Через пять минут она уже обогнула камыши, и теперь ее нельзя было увидеть с катера. Где-то впереди была открытая вода, баржи, а значит, и земля.

Тут она поняла, что ветром ее матрац прибывает к камышам. Дождь прекратился. Тяжело дыша, Ева лежала на матраце. Если избавиться от спасательных жилетов, то будет легче. С катера все равно до них не добраться. Она стала заталкивать их в камыши, но вдруг остановилась. Может, один стоит оставить? Она отцепила один жилет от общей связки и умудрилась надеть его на себя. После этого она снова легла лицом вниз на матрац и начала гребсти по течению в ту сторону, где протока расширилась.

Салли прислонилась к двери и с отвращением посмотрела на Гаскелла.

– Ну и дурак же ты, – сказала она. – И зачем тебе надо было все выбалтывать? Что ты теперь собираешься делать?

– Разведусь с тобой для начала, – сказал Гаскелл.

– Я отсужу у тебя по алиментам все, что у тебя есть.

– Ничего подобного. Ты не получишь ни цента, – заявил Гаскелл и выпил еще водки.

– Да раньше ты сдохнешь, – сказала Салли.

– Я сдохну? – Гаскелл усмехнулся. – Уж если кто и сдохнет, так это ты. Крошка с сиськами тебя прикончит.

– Она остынет.

– Думаешь? Попробуй открыть дверь и убедись. Давай, отпирай дверь.

Салли отошла от двери и села.

– На этот раз ты действительно влипла, – сказал Гаскелл. – Надо же тебе было подобрать чемпионку по борьбе.

– Пойди и успокой ее.

– Ни за что. Я скорее выйду с завязанными глазами против носорога. – Он улегся на койку со счастливым выражением лица. – Знаешь, во всем этом есть нечто смешное. Тебе стоит взяться за эмансипацию неандертальца. Женская эмансипация в эпоху палеолита. Она – Тарзан, ты – Джейн. Завела себе зверинец.

– Очень смешно, – сказала Салли. – А твоя какая роль?

– Я – Ной. Скажи спасибо, что у нее нет пистолета. – Он положил голову на подушку и уснул.

Салли сидела, глядя на него с ненавистью. Она была напугана. Евина реакция оказалась такой бурной, что Салли потеряла уверенность в себе. Гаскелл прав. В поведении Евы есть что-то доисторическое. Она вздрогнула, вспомнив темную фигуру, надвигающуюся на нее на палубе. Салли встала, пошла на камбуз и отыскала длинный острый нож. Потом вернулась в каюту, проверила, хорошо ли закрыта дверь, легла на койку и попыталась заснуть. Но заснуть не удавалось. Снаружи доносились какие-то звуки. Волны бились о борт катера. Завывал ветер. Господи, как же все запуталось. Салли покрепче сжала нож и принялась думать о Гаскелле и о том, что он сказал насчет развода.

Питер Брейнтри сидел в кабинете стряпчего мистера Госдайка и обсуждал с ним проблемы, связанные с Уилтом.

– Они держат его с понедельника, а сегодня четверг. Насколько я знаю, они не имеют права держать его так долго, не пригласив к нему адвоката.

– Если он не просит адвоката, а полиция хочет его допросить, и он согласен отвечать на вопросы и отказывается пользоваться своими юридическими правами, то, честное слово, я не знаю, что я могу здесь сделать, – говорил мистер Госдаик.

– Вы уверены, что ситуация именно такова? – спросил Брейнтри.

– Насколько мне удалось выяснить, именно такова. Мистер Уилт не просил свидания со мной. Я разговаривал с инспектором, который ведет это дело, я уже говорил вам об этом, так вот, совершенно очевидно, что по какой-то необъяснимой причине, мистер Уилт готов оказывать полиции помощь в расследовании, пока они считают это необходимым. Если же человек отказывается воспользоваться своими юридическими правами, то он сам несет ответственность за возможные последствия.

– Вы абсолютно уверены, что Генри отказался встретиться с вами? Может, полиция вас обманула?

Мистер Госдаик покачал головой.

– Я много лет знаю инспектора Флинта, – сказал он, – и он не тот человек, чтобы не дать подозреваемому воспользоваться своими правами. Простите, мистер Брейнтри, я хотел бы помочь, но в данных обстоятельствах боюсь, честно говоря, что я ничего не смогу сделать. Склонность мистера Уилта к обществу полицейских мне совершенно непонятна, но у меня нет никаких оснований вмешиваться.

– Вы уверены, что они не применяют к нему каких-нибудь суровых мер или чего-нибудь в этом роде?

– Дорогой мой, какие суровые меры? Вы насмотрелись слишком много фильмов по телевизору. У нас в стране полиция не прибегает к насилию.

– Они были очень грубы, когда разгоняли демонстрацию наших студентов, – заметил Брейнтри.

– Ну, студенты – совсем другое дело, а студенты, принимающие участие в демонстрациях, получают по заслугам. Политические провокации это одно, а такие убийства на семейной почве, в одном из которых ваш приятель мистер Уилт, по-видимому, замешан, совсем Другое. Честно могу признаться, что за мою долгую практику мне не приходилось сталкиваться с делом, в котором полиция бы не цацкалась с домашним убийцей и не относилась бы к нему, я бы даже сказал, с симпатией. В конце концов, они все тоже женатые люди, а потом у мистера Уилта ученая степень, и это немаловажно. Если вы профессионал, – а несмотря на всякие разговоры, преподаватели техучилища в какой-то степени все же профессионалы – можете быть уверены, что полиция ничего неподобающего себе не позволит. Мистер Уилт в полной безопасности.

Уилт действительно чувствовал себя в безопасности. Он сидел в комнате для допросов и с интересом разглядывал инспектора Флинта.

– Мотив? Что ж, интересный вопрос, – сказал он. – Если бы вы меня спросили, почему я вообще женился на Еве, мне бы было затруднительно объяснить вам это. Я был молод и...

– Уилт, – сказал инспектор Флинт, – я не спрашиваю тебя, почему ты женился на своей жене. Я спрашиваю, почему ты решил ее убить.

– Ничего такого я не решал, – возразил Уилт.

– Значит, это было непредумышленное действие? Мгновенный импульс, с которым ты не смог справиться? Безумие, о котором ты теперь сожалеешь?

– Ни то ни другое и ни третье. Прежде всего, это не было действие. Это была просто фантазия.

– Но ты признаешь, что такая мысль приходила тебе в голову?

– Инспектор, – сказал Уилт, – если бы я следовал каждой мысли, приходящей мне в голову, то меня бы уже осудили за растление малолетних; мужеложство, разбой, грабеж, нападение с целью нанесения тяжких телесных повреждений и массовое убийство.

– Все эти мысли приходили тебе в голову?

– В разное время, пожалуй, – ответил Уилт.

– Чертовски странный у тебя умишко.

– Как и у подавляющего большинства. Рискну предположить, что бывают такие странные мгновения, когда и вы...

– Уилт, – сказал инспектор, – не бывает у меня таких странных мгновений. Во всяком случае, не было, пока я с тобой не познакомился. Значит, так, ты признаешь, что думал об убийстве своей жены...

– Я сказал, что такая мысль приходила мне в голову, в основном, когда я гулял с собакой. Это было вроде игры с самим собой. Не больше.

– Игры? Ты ведешь собаку на прогулку и думаешь о том, как бы прикончить миссис Уилт? Не назвал бы это игрой. Скорее, отработкой замысла.

– Неплохо сказано, – похвалил Уилт с улыбкой, – особенно насчет преднамеренности. Ева скрючивается в позе «лотоса» на ковре в гостиной и думает только о прекрасном. Я же веду эту чертову собаку на прогулку и думаю об ужасном, пока Клем гадит на газоне в Гренвильском парке. Но в том и другом случае конечный результат один и тот же. Ева поднимается и идет готовить ужин и мыть посуду, а я прихожу домой, смотрю телевизор или читаю и ложусь спать. Ничего не меняется. Все остается, как прежде.

– Теперь изменилось, – сказал инспектор. – Твоя жена исчезла с лица земли в компании с блестящим ученым и его женой, а ты сидишь здесь и ждешь, когда тебе предъявят обвинение в убийстве.

– Которого я не совершал, – добавил Уилт. – Что ж, и такое случается. – Наши пальчики устали, мы писали...

– К чертовой бабушке пальчики. Где они? Куда ты их дел? Скажи мне.

Уилт вздохнул. – Я бы рад, да не могу. Честно, – сказал он. – Но теперь, когда вы отрыли пластиковую куклу...

– Не отрыли. И не скоро отроем. Мы до сих пор пробиваемся через скальный грунт. Не раньше чем завтра докопаемся, в лучшем случае.

– Хоть есть чего ждать, – заметил Уилт. – Полагаю, тогда вы меня отпустите?

– Черта с два. В понедельник я возьму тебя под стражу.

– Без всяких улик? Без трупа? Не имеете права. Инспектор улыбнулся.

– Уилт, – сказал он, – у меня для тебя есть новости. Нам и не нужен труп. Мы можем задержать тебя по подозрению в убийстве, судить и признать виновным без всякого трупа. Может, ты и умный, но наших законов ты не знаешь.

– Тогда я должен заметить, что у вас, ребята, непыльная работенка. Значит, вы можете выйти на улицу, схватить любого ни в чем неповинного прохожего, засадить его и обвинить в убийстве, не имея на то никаких оснований?

– Оснований? У нас их навалом. Пятна крови и выбитая дверь. Пустой дом в жутком беспорядке, затем эта чертова штука на дне ямы. А ты говоришь, у нас нет улик. Заблуждаешься.

– Значит, нас двое, заблуждающихся, – сказал Уилт.

– Я тебе еще кое-что скажу, Уилт. Вся беда с такими негодьями как ты в том, что вы считаете себя слишком умными. Вы перебарщиваете и в конце концов выдаете себя с головой. Если бы я был на твоём месте, я бы сделал две вещи. Знаешь какие?

– Нет, – сказал Уилт, – не знаю.

– Первое, я бы вымыл ванную комнату, и, второе, я бы держался подальше от этой ямы. Я не стал бы пытаться сбить нас со следа всякими заметками, делать так, чтобы тебя обязательно увидел сторож и являться в дом мистера Брейнтри в полночь по уши в грязи. Я бы затаился и не высовывался.

– Но я же не знал про пятна крови в ванной, и, если бы не было этой мерзопакостной куклы, я бы не бросал ее в яму. Я бы пошел спать. Вместо этого я надрался и вел себя как последний идиот.

– Дай-ка я тебе еще кое-что скажу, Уилт, – сказал инспектор. – Ты и есть идиот, бля, хитрый идиот, но все равно идиот. Надо бы тебе проверить голову.

– Все какое-то разнообразие, – сказал Уилт.

– Ты о чем?

– Проверить голову, вместо того чтобы сидеть здесь и слушать оскорбления.

Инспектор долго и внимательно его изучал.

– Ты это серьезно?

– В смысле?

– Насчет проверить голову? Ты готов подвергнуться обследованию квалифицированного психиатра?

– Почему нет? – сказал Уилт. – Все быстрее время пройдет.

– Вполне добровольно, ты понимаешь. Никто тебя не заставляет, но если ты сам хочешь...

– Послушайте, инспектор, если свидание с психиатром поможет мне убедить вас, что я не убивал свою жену, я буду только счастлив. Можете воспользоваться детектором лжи. Можете напичкать меня лекарствами, заставляющими человека говорить правду. Вы можете...

– Во всем этом нет необходимости, – сказал Флинт и поднялся. – Достаточно будет и психиатра. И если ты считаешь, что тебя признают виноватым, но сумасшедшим, забудь об этом. Эти парни разбираются, кто сумасшедший на самом деле, а кто симулирует сумасшествие. – Он направился к двери, но остановился. Вернулся и, перегнувшись через стол, сказал:

– Скажи мне только одну вещь, Уилт. Почему ты сидишь здесь так спокойно? Твоя жена

неизвестно где, у нас есть улики, говорящие об убийстве, есть ее двойник, если верить тебе, под десятиметровой глыбой бетона, а ты и усом не ведешь. Как это тебе удается?

– Инспектор, – сказал Уилт, – если бы вы в течение десяти лет читали лекции газовщикам и вам бы задали за это время столько же дурацких вопросов, как мне, вы бы поняли. Кроме того, вы не знаете Еву. Когда вы с ней познакомитесь, вы поймете, почему я не волнуюсь. Ева вполне способна позаботиться о себе. Может, она и не семи пядей во лбу, но у нее врожденный инстинкт выживания.

– Господи, Уилт, без этого ей бы с тобой двенадцать лет не прожить.

– Есть у нее это. Вам она понравится, когда вы с ней встретитесь. Вас потом водой не разольешь. Вы оба все понимаете буквально и питаете пристрастие к ерунде. Из мухи слона делаете.

– Из мухи? Уилт, меня от тебя тошнит, – сказал инспектор и вышел из комнаты.

Уилт тоже встал и начал ходить взад и вперед. Он устал сидеть. С другой стороны, он был собой доволен. Он превзошел себя и гордился тем, что так вел себя в ситуации, которую многие бы сочли ужасной. Но для Уилта это было нечто другое, первый за многие годы вызов. Когда-то газовщики и штукатуры тоже бросали ему вызов, но он научился с ними управляться. Следует на все реагировать шуткой. Пусть болтают, задают вопросы, а ты отвлеку их, пусть ставят тебе ловушки, а ты расставляй свои, но самое главное, что от тебя требуется, – это решительно отвергать их утверждения. Что бы они ни утверждали с абсолютной уверенностью, например, что все стоящие парни из Кале, все, что от тебя требуется, это сначала согласиться, а затем напомнить, что половина великих людей в истории Англии были иностранцами, например Маркони и Лорд Бивербрук, и что даже мама Черчилля была янки, или расскажи, что англичане произошли от уэльсцев, как и викинги и датчане, и оттуда перейди через индийских врачей к национальной службе здравоохранения и контролю за рождаемостью или к любой другой теме, которая заставит их сидеть тихо, в недоумении, тщетно стараясь изобрести какой-нибудь сногсшибательный довод, чтобы доказать, что ты не прав.

Инспектор Флинт был точно такой же. Он был более одержимым, но тактика у него была такая же, как и у студентов техучилища. Кроме того, он взялся за дело не с того конца и слишком энергично, и Уилта забавляло, как полицейский пытается навесить на него убийство, которое он не совершал. Он даже почти ощущал себя важной персоной и настоящим мужчиной, чего с ним давно не случалось. Он был невиновен, сомнений в этом не было. В этом мире, где все остальное было сомнительным и ненадежным, достойным скептического отношения, факт его невиновности был очевиден. Впервые в своей взрослой жизни Уилт был уверен в собственной правоте, и эта уверенность давала ему силы, которых он в себе не подозревал. Более того, он ни на минуту не сомневался, что Ева рано или поздно появится, жива и невредима, и попритихнет, когда узнает, к чему привела ее импульсивность. Так ей и надо. Подумать только, взять да и прислать ему эту мерзкую куклу. Ей еще придется сожалеть об этом до конца своих дней. Да-да, если кто и пострадает от всей этой заварухи, то это старушка Ева с ее вечной занятостью и командирскими замашками. Ей придется немало потрудиться, чтобы объяснить все Мэвис Моттрам и соседям. Эта мысль приятно позабавила Уилта. Даже в техучилище к нему теперь станут относиться иначе, уважать его. Уилт слишком хорошо знал особенности либерального сознания. Нет сомнений, что, когда он вернется, на него наденут венец мученика. И героя. Они будут из кожи лезть вон, чтобы убедить самих себя, что никогда не верили в его

виновность. И повышение он получит, и не только потому, что он хороший преподаватель, но чтобы они могли снять с себя чувство вины перед ним. Вот тебе и заклятие жирного тельца.

Но пока что в техучилище речь о заклании жирного тельца не шла, во всяком случае, применительно к Генри Уилту. Неотвратимость приезда в пятницу комиссии из Национального аттестационного комитета, который неминуемо должен был совпасть с извлечением покойной миссис Уилт из-под бетона, вызывало настроение близкое к панике. Правление заседало почти непрерывно, а памятные записки распространялись с такой скоростью, что практически никто не успевал их прочитывать.

– Нельзя ли перенести визит? – поинтересовался доктор Кокс. – Как можно будет что-либо обсуждать в моем кабинете, если в это время прямо под окном из земли будут по частям извлекать миссис Уилт?

– Я попросил полицию вести себя как можно незаметнее, – сказал доктор Мейфилд.

– Пока что незаметно, чтобы ваша просьба возымела какие-нибудь результаты. – сказал доктор Боард. – Да и их самих невозможно не заметить. Сейчас, например, не менее десятка полицейских глазеез в эту яму.

Заместитель директора решил внести в обсуждение нотку оптимизма.

– Счастлив сообщить, – обратился он к собранию, – что мы восстановили подачу энергии к столовой. Вы сможете хорошо пообедать.

– Если только я смогу есть, – сказал доктор Кокс. – Потрясения последних дней отнюдь не улучшили мой аппетит. А когда я вспоминаю о несчастной миссис Уилт...

– Старайтесь о ней не думать, – посоветовал заместитель директора, но доктор Кокс безнадежно покачал головой.

– Попробуй не думать о ней, когда эта проклятая бурильная машина целый день грохочет под окнами.

– Кстати, о потрясениях, – вставил доктор Боард. – Я до сих пор не могу понять, как вышло, что водителя этого механического шгопора не убило током, когда он перерезал электрический кабель.

– У нас в данный момент столько своих проблем, что вряд ли стоит заниматься этой, – заметил доктор Мейфилд. – Мы должны донести до сознания членов комитета, что наше училище заслуживает повышения разряда, поскольку предлагает слушателям обобщенный курс, имеющий фундаментальную подструктуру, основанную на единении культурных и социологических факторов, ни в коей мере не являющихся взаимозаменяемыми, и содержит солидное количество академических сведений, способных дать студентам интеллектуальное и церебральное...

– Кровоизлияние? – предположил доктор Боард.

Доктор Мейфилд взглянул на него с негодованием.

– Сейчас не время для шуток, – возразил он сердито. – Или мы добиваемся повышения ранга училища, или даже не начинаем эту затею. И если да, то у нас только один день для выработки структуры и тактики подхода к комиссии. Итак, какие будут предложения?

– В каком смысле? – спросил доктор Боард. – Какое отношение наше упорство, неважно есть оно или нет, имеет к структуре нашего, так называемого тактического подхода к комиссии, которая едет к нам из Лондона? Если на то пошло, то скорее уж комиссия подходит к нам, а не наоборот. И вообще, здесь я бы поискал какие-то иные слова.

– Уважаемый заместитель директора, – возмутился доктор Мейфилд. – Я вынужден

выразить протест. Поведение доктора Боарда абсолютно непонятно. Если бы доктор Боард...

– Был в состоянии понять хотя бы десятую часть того жаргона, который с точки зрения доктора Мейфилда является английским языком, то, возможно, он и смог бы выразить свое мнение, – прервал его доктор Боард. – В данной же ситуации слово «непонятно» скорее относится к синтаксису доктора Мейфилда, а не к моему поведению. Я всегда считал...

– Джентльмены, – вмешался заместитель директора, – полагаю, будет разумнее сейчас оставить распри между отделениями и перейти непосредственно к делу.

Последовало молчание, прерванное доктором Коксом. – Как вы думаете, нельзя убедить полицию сделать какое-то ограждение вокруг ямы?

– Непременно попрошу их об этом, – заверил доктор Мейфилд. Затем они стали обсуждать, чем развлечь членов комитета.

– Я распорядился насчет выпивки перед обедом, – сказал заместитель директора, – да и сам обед надо, по возможности, растянуть, чтобы создать у них соответствующее настроение. Тогда на послеобеденные заседания и останется мало времени, и надо надеяться, они пройдут более гладко.

– Если наша столовая не приготовит на обед, бифштекс в тесте, – заметил доктор Боард. На этой саркастической ноте собрание закончилось.

* * *

Как и встреча мистера Морриса с корреспондентом газеты «Сандей пост».

– Разумеется, я не говорил полиции, что у меня есть правило нанимать на работу маньяков, склонных к убийству, – орал он на репортера. – Кроме того, все, что я говорил, должно было остаться, как я понял, строго между нами.

– Но вы же сказали, что считаете Уилта сумасшедшим, и что, по вашему мнению, большинство преподавателей отделения гуманитарных наук – чокнутые?

Мистер Моррис с ненавистью посмотрел на репортера.

– Если быть точным, то я сказал, что некоторые из них...

– С придурью? – спросил репортер.

– Нет, не с придурью, – закричал Моррис, – а просто, ну скажем, слегка неуравновешенны.

– А полиция говорит, вы сказали иначе. Они утверждают...

– Мне безразлично, что говорит полиция о том, что я якобы сказал. Я знаю, что я говорил, а чего нет, и если вы подразумеваете...

– Ничего я не подразумеваю. Вы сделали заявление, что половина ваших преподавателей с приветом, и я хочу, чтобы вы это подтвердили.

– Подтвердил? – зарычал Моррис. – Вы приписываете мне слова, которых я никогда не говорил и еще хотите, чтобы я их подтвердил?!

– Так говорили или не говорили? Вот все, что я хочу знать. То есть, если вы высказали ваше мнение о подчиненных...

– Мистер Макатур, мое мнение о подчиненных – мое личное дело. Оно не имеет никакого отношения к той газетенке, которую вы представляете.

– Три миллиона людей познакомятся с вашим мнением в воскресенье утром, – сказал Макатур, – и меня совсем не удивит; если этот Уилт подаст на вас в суд, конечно, если они

выпустят его из каталажки.

– На меня в суд? За что, черт побери?

– Прежде всего за то, что вы обозвали его маньяком, склонным к убийству. Заголовки „ЗАВЕДУЮЩИЙ ГУМАНИТАРНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ НАЗЫВАЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ МАНЬЯКОМ. СКЛОННЫМ К УБИЙСТВУ“оттянут тысяч на пятьдесят. Удивлюсь, если он получит меньше.

Мистер Моррис поразмыслил над перспективой оказаться нищим.

– Ваша газета такого, не напечатает, – пробормотал он. – Я имею в виду, Уилт и на вас может подать в суд.

– Ну, нам-то не привыкать к этому. У нас это сплошь и рядом. Мы заплатим, для нас это копейки. Вот если бы вы захотели нам помочь... – Он замолчал, давая Моррису возможность переварить услышанное.

– Что вы хотите знать? – спросил мистер Моррис с несчастным видом.

– Может, какие-нибудь смачные истории с наркотиками? – оживился Макартур. – Ну, сами знаете. ЛЮБОВНЫЕ ОРГИИ ВО ВРЕМЯ ЛЕКЦИЙ какое нравится читателям. Еще насчет онанизма и тому подобное. Дайте нам хорошенькую историю, и мы отпустим вас с крючка в деле с Уилтом.

– Вон из моего кабинета! – завопил мистер Моррис.

Макартур встал.

– Вы еще об этом пожалеете, – сказал он и направился вниз в студенческую столовую в надежде собрать грязь о мистере Моррисе.

* * *

– Никаких тестов, – сказал Уилт возмущенно. – Они врут.

– Вы полагаете? – спросил доктор Питтмэн, психиатр-консультант из Фенлэндской больницы и профессор криминальной психологии университета. Голова у него была какая-то яйцевидная.

– Полагаю, это очевидно, – сказал Уилт. – Вы показываете мне чернильное пятно, и я нахожу, что оно похоже на мою бабушку, лежащую в луже крови. Вы что, считаете, я так вам и скажу? Что я, идиот? Для этого надо быть полным придурком. Нет, я скажу, что оно напоминает мне бабочку, сидящую на герани. И каждый раз будет то же самое. Я буду думать, на что это похоже, но говорить я буду прямо противоположное. И что это вам даст?

– Можно и из этого сделать кое-какие выводы, – заметил доктор Питтмэн.

– Вам что, для выводов обязательно чернильное пятно? – спросил Уилт. – Доктор Питтмэн сделал пометку относительно интереса Уилта к крови. – Вы можете сделать выводы, просто исходя из формы головы человека.

Доктор Питтмэн с мрачным видом протер очки. Он не любил, когда делали выводы, исходя из формы головы.

– Мистер Уилт, – сказал он, – я здесь по вашей просьбе, чтобы подтвердить, что вы нормальны, а самое главное – решить, способны ли вы, по моему мнению, убить свою жену и поступить с ее телом так отвратительно и бессердечно. Я не хочу чтобы ваши слова как-то повлияли на мой окончательный и объективный вывод.

Уилт озадаченно посмотрел на него:

– Должен заметить, вы не слишком много оставляете себе места для маневра. Поскольку мы с вами отказались от всяких тестов, я полагал, что единственное, на чем вы можете основывать свои выводы, это мои слова. Вряд ли вы способны определить что-то по шишкам на моей голове. По-моему, этот метод слегка устарел, не так ли?

– Мистер Уилт, – сказал доктор Питтмэн, – тот факт, что у вас есть садистские наклонности и вы получаете удовольствие от привлечения внимания к физическим недостаткам других людей, ни в коей мере не заставит меня признать, что вы способны на убийство...

– Очень порядочно с вашей стороны, – сказал Уилт, – хотя, честно говоря, я считаю, что на убийство способен любой при подходящих, вернее, неподходящих, обстоятельствах.

Доктор Питтмэн едва удержался, чтобы не подтвердить его правоту. Вместо этого он улыбнулся одними губами.

– Генри, как вы думаете, вы рациональный человек? – спросил он.

Уилт нахмурился:

– Если не возражаете, я предпочел бы обращение «мистер Уилт». Хотя я и не плачу вам за эту консультацию, но все же предпочитаю официальное обращение.

Улыбка исчезла с лица мистера Питтмэна:

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Нет, я бы не назвал себя рациональным человеком, – сказал Уилт.

– Тогда, может быть, иррациональным?

– Ни то ни другое. Просто человеком.

– Разве человек ни то ни другое?

– Мистер Питтмэн, хоть это ваша специальность, а не моя, но я полагаю, что человек способен рационально рассуждать, однако действует он не всегда в рациональных рамках. Человек – это животное, разумеется, развитое животное, хотя, если вспомнить Дарвина, все животные развиты до определенной степени. Давайте скажем так: человек – это одомашненное животное, временами склонное к насилию...

– А какое животное вы, мистер Уилт? – спросил доктор Питтмэн. – Одомашненное или склонное к насилию?

– Опять все сначала. Современный человек просто одержим этими примитивными противопоставлениями. Или-или, по Кьеркегору^[13], как сказала бы эта сучка Салли Прингшейм. Нет, не скажу, что я полностью одомашнен. Спросите мою жену. Она лучше знает.

– В каком смысле вы не одомашнены?

– Доктор Питтмэн, я люблю пердеть в постели. Мне это нравится. Этим трубным звуком антропоид, сидящий во мне, единственно доступным ему способом утверждает свое право на территорию.

– Единственно доступным способом?

– Вы не видели Еву, – сказал Уилт. – Когда вы с ней познакомитесь, вы поймете, что утверждать что-то – ее прерогатива, не моя.

– Вам кажется, что миссис Уилт вас подавляет?

– Мне не кажется, это на самом деле так.

– Она помыкает вами? Она взяла на себя господствующую роль в семье?

– Ева такая, какая она есть. Она ничего не взяла. Она просто такая.

– Какая?

– Вот здесь и закавыка. – сказал Уилт. – Что у нас сегодня? У меня здесь все дни перепутались.

– Четверг.

– Значит, сегодня четверг: Тогда она Бернард Лич.

– Бернард Лич?

– Керамист, мистер Питтмэн, известный керамист, – сказал Уилт. – Завтра она будет Маргот Фонтейн, а в субботу мы играем в бридж с Моттрамами, значит, она будет Омаром Шарифом. В воскресенье она превратится в Элизабет Тейлор или Эдну О'Брайен, в зависимости от того, что там будет в цветном приложении, а днем мы поедем покататься, и она будет Евой Уилт. Пожалуй, это единственное время за всю неделю, когда я вижу подлинную Еву, да и то потому, что я сижу за рулем, а ей нечего делать, кроме как тихо сидеть и приставать ко мне со всякими глупостями.

– Кажется, картина проясняется, – сказал доктор Питтмэн. – Миссис Уилт нравится, так сказать, играть в разные роли. Отсюда неустойчивые взаимоотношения, при которых вы как муж не можете вести четкую и уверенную роль...

– Доктор Питтмэн, – сказал Уилт. – гироскоп может, вернее, должен, вращаться, и тем не менее ему удается достичь устойчивости, практически не имеющей равных. Если вы понимаете принцип работы гироскопа, то, возможно, вы согласитесь. Дело вовсе не в том, будто нашему браку не хватает устойчивости. Чертовски неприятно каждый день иметь дело с центробежной силой, но с устойчивостью здесь все в порядке.

– Но вы же только что сказали, что она не взяла на себя господствующую роль в семье? А теперь вы говорите, что у нее сильный характер.

– У нее не сильный характер. Она сама – сила. Есть разница. А что касается характера то у нее их так много и все такие разные, что уследить за ними просто и нет никакой возможности. Скажем так, она целиком и полностью погружается в образ того, кого она в данный момент изображает, причем с неистовством и с упорством, достойными лучшего применения. Помните эту серию фильмов с Гарбо, которые несколько лет назад показывали по телевизору? Так вот, в течение трех дней Ева была дамой с камелиями, и по сравнению с ней сцена смерти по телевизору выглядела, как пляска святого Витта, будьте уверены.

– Картина проясняется, – заметил доктор Питтмэн и записал в блокноте, что Уилт патологический лжец с садо-мазохистскими наклонностями.

– Очень этому рад, – сказал Уилт. – А то инспектор Флинт думает, что я убил ее и Прингшеймов в приступе кровожадности и избавился от их тел каким-то изошренным способом. Даже про кислоту упоминал. Это ж бред собачий. В смысле, где это я добуду столько соляной кислоты, чтобы растворить три трупа, один к тому же с излишком веса? Об этом и думать не стоит.

– Безусловно, – согласился доктор Питтмэн.

– И вообще, разве я похож на убийцу? – жизнерадостно спросил Уилт. – Конечно же, нет. Вот если бы вы сказали, что Ева прикончила этих мерзавцев, а с моей точки зрения это надо было сделать давным-давно, то я отнесся бы к такому предположению серьезно. Да поможет Бог тем несчастным, которые окажутся поблизости, когда она вообразит себя Лиззи Борден.

Доктор Питтмэн бросил на него хищный взгляд.

– Вы что, хотите сказать, что ваша жена убила миссис и мистера Прингшеймов? – спросил он. – Вы это имеете в виду?

– Нет, – сказал Уилт, – не это. Я всего лишь хотел сказать, что, если Ева что-то делает, она вкладывает в это всю душу. Когда она убирает в доме, она-таки убирает. Давайте я расскажу вам об антисептике. Она жутко боится заразы...

– Мистер Уилт, – поспешно перебил доктор Питтмэн, – мне неинтересно, что делает миссис Уилт с антисептиком. Я пришел сюда, чтобы попытаться понять вас. Скажите мне, у вас есть привычка совокупляться с резиновой куклой? Такое происходит регулярно?

– Регулярно? – спросил Уилт. – Что вы имеете в виду под регулярностью: что это происходит как правило или же периодически? Ведь ваше представление о правилах может сильно отличаться от моего.

– Я имею в виду, вы часто это делаете?

– Делаю? – удивился Уилт. – Я вообще этого не делаю.

– Но я так понял, что вы специально подчеркивали, что у куклы есть влагалище?

– Подчеркивал? Ничего подобного. Вся эта гадость была видна невооруженным глазом.

– Вы считаете, что влагалище – гадость? – спросил доктор Питтмэн, попав наконец в более знакомую ему сферу сексуальных отклонений.

– Вне контекста – да, – сказал Уилт уступчиво, – а что касается пластиковых, то меня от них тошнит даже в контексте.

К концу беседы доктор Питтмэн совершенно запутался. Он устало поднялся и направился к двери.

– Вы забыли вашу шляпу, доктор, – сказал Уилт, подавая ему шляпу. – Позвольте спросить, вы их на заказ шьете?

* * *

– Ну что? – спросил инспектор Флинт вошедшего в его кабинет доктора Питтмэна. – Каков будет приговор?

– Приговор? Этого человека нужно засадить пожизненно.

– Вы полагаете, что он маньяк со склонностью к убийству?

– Я полагаю, что, каким бы способом он ни убил миссис Уилт, она должна быть ему благодарна. Двенадцать лет замужем за таким человеком... Господи, даже подумать страшно.

– Ну, здесь мы недалеко ушли. – заметил инспектор, когда доктор удалился, выразив на прощание мнение, что, конечно, мистер Уилт обладает умом чертика из табакерки, однако он, Питтмэн, не может совершенно определенно сказать, что Уилт не в своем уме с криминальной точки зрения. – Придется подождать, что будет завтра.

То, что происходило в пятницу, видели не только инспектор Флинт, сержант Ятц, дюжина других полицейских, Барни и человек шесть строительных рабочих, но и несколько сот студентов техучилища, выстроившихся на ступеньках научного корпуса, большинство преподавателей и сотрудников и восемь членов Национального аттестационного комитета; причем у последних была особенно удобная позиция – у окон учебной гостиной, которая обычно использовалась отделением для подготовки официантов, а также для приема почетных, гостей. Доктор Мейфилд буквально из кожи лез вон, пытаясь отвлечь их внимание.

– Мы построили базовый курс так, чтобы максимально заинтересовать студентов, – сказал он, обращаясь к профессору Баксендейлу, возглавлявшему комиссию. Но не тут-то было, отвлечь профессора от окна было невозможно. Он замороженно смотрел на то, как что-то вытаскивалось из-под фундамента нового административного корпуса.

– Какое отвратительное зрелище, – пробормотал он, когда Джуди высунулась из ямы. Надежды и чаяния Уилта были напрасны – кукла не лопнула. Жидкий бетон придал ей прочности, и если, так сказать, при жизни она напоминала живую женщину, то после смерти она несла на себе все признаки мертвой. В роли трупа она была на редкость убедительна. Под действием бетона ее парик смялся и съехал набок. Одежда прилипла к телу, а бетон – к одежде. Ноги были скрючены до предела, а вытянутая рука, как и предсказывал Барни, взывала к сочувствию. Кроме того, эта рука сильно мешала извлечению Джуди из ямы. Мешали и ноги, которым бетон придал прочность и объемы, сравнимые с теми, что были у настоящей Евы Уилт.

– Наверное, это и называется трупным окоченением. – заметил доктор Боард, в то время как доктор Мейфилд безуспешно пытался направить разговор в сторону того, ради чего приехала комиссия.

– Господи, спаси и помилуй, – пробормотал профессор Баксендейл, когда, несмотря на все усилия Барни и компании, Джуди соскользнула обратно в яму. – Только подумать, что она пережила Вы видели эту жуткую руку?

Доктор Мейфилд видел и содрогнулся. За его спиной хихикнул доктор Боард. – Все наши конечности от Бога, какими бы уродливыми они ни были, – заметил он весело. – По крайней мере, Уилт сэкономил на надгробном памятнике. Все, что требуется, – это водрузить ее по пояс в землю и надписать: «Здесь стоит Ева, родилась тогда-то, убита в прошлую субботу». Монументальна в жизни, монумент после смерти.

– Должен заметить, Боард, – сказал доктор Мейфилд, – я нахожу ваши шуточки на редкость несвоевременными.

– Кремировать ее им никогда не удастся, это уж как пить дать, – продолжил доктор Боард. – Чтобы засунуть все это в гроб, гробовщику надо быть, по меньшей мере, гением. Полагаю, им стоит попробовать отбойный молоток.

Доктор Кокс, сидевший в углу, упал в обморок.

– Пожалуй, я выпью еще капельку виски, – сказал профессор Баксендейл слабым голосом. Доктор Мейфилд налил ему двойную порцию. Когда он снова вернулся к окну, Джуди опять высовывалась из ямы.

– Если бальзамировать, – заметил доктор Боард, – то это слишком дорогое

удовольствие. Я не хочу сказать, что эта фигура за окном точь-в-точь Ева, насколько я ее помню...

– Бога ради, может, уже хватит об этом? – огрызнулся доктор Мейфилд, но доктора Боарда остановить было невозможно. – Я не говорю о ногах, но и с грудью, по-моему, что-то не так. Я знаю, что миссис Уилт носила большой размер, но эти как-то чрезмерно раздуты. Возможно, из-за газов. Они разлагаются, и вот вам результат.

Когда пришло время идти обедать, аппетита у членов комиссии не было и большинство из них были изрядно под мухой.

* * *

Инспектору Флинту повезло меньше. Даже в лучшие времена он не любил присутствовать на эксгумациях, особенно если труп, ради которого требовалось его присутствие, проявлял столь настойчивое желание вернуться на место своего прежнего пребывания. Кроме того. Флинт никак не мог определиться, труп это или нет. Тело выглядело, как настоящий труп, и, безусловно, вело себя, как труп, правда, довольно тяжелый, но в области коленей у него было что-то заставлявшее предположить, что у этой штуки, чем бы она ни была, не все в порядке с анатомической точки зрения. Создавалось впечатление, будто у нее маловато суставов и слишком много плоти в тех местах, где ноги были вытянуты вперед и согнуты под прямым углом. Казалось, миссис Уилт потеряла не только жизнь, но и обе коленные чашечки. Именно это обстоятельство и делало работу Барни столь трудной и неприятной. После того как тело в четвертый раз соскользнуло назад в яму, Барни сам спустился туда, чтобы помочь снизу.

– Если вы, козлы, опять уроните ее, вам придется вытягивать отсюда два трупа, – закричал он из глубины. – Держите канат как следует. Я сейчас обвяжу его вокруг шеи.

– Не вздумай, – закричал инспектор Флинт, заглядывая в яму. – Не хватает только оторвать ей голову. Она нам нужна целой.

– Да целая она, целая. – глухо донесся ответ Барни. – Об этом не беспокойтесь.

– За что-нибудь другое ты привязать не можешь?

– Могу, но не буду, – ответил Барни. – Нога еще быстрее оторвется, чем голова. А я не хочу оказаться внизу, когда она грохнется.

– Ладно, – согласился инспектор, – надеюсь, ты соображаешь, что делаешь.

– Одно скажу. Тот козел, что ее сюда засунул, точно знал, что он делает.

Но и пятая попытка не удалась, и Джуди снова спустилась вниз, тяжело наступив Барни на ноги.

– Достаньте кран, черт побери, – заорал он, – мне это уже все надоело.

– Как и мне, – пробормотал инспектор, который никак не мог решить, что же он все-таки откопал: куклу, одетую в платье миссис Уилт, или саму миссис Уилт, одетую так, чтобы напоминать незаконченное произведение чокнутого скульптора. Последние сомнения Флинта относительно того, в здравом ли уме Уилт, окончательно развеялись под впечатлением происходящего у него на глазах. Человек, приложивший столь невероятные усилия, чтобы так запрятать – неважно, свою жену или же пластиковую куклу с влагилицем, при этом изуродовав ее до неузнаваемости, – не может быть нормальным.

Сержант Ятц облек его мысли в слова.

– Только не говорите мне, что у этого подонка крыша не поехала, – сказал он, наблюдая, как подъезжает кран и канат цепляют за шею Джуди.

– Все, теперь тащите, – заорал Барни.

* * *

В столовой только доктор Боард ел с аппетитом. Восьми членам комиссии было не до еды. Их глаза были прикованы к сцене внизу, под окнами.

– Пожалуй, можно сказать, что она была *in statue pupillari*, заметил доктор Боард, накладывая себе еще лимонного мусса. – А мы в этом случае оказываемся *in loco parentis*. Не слишком приятная мысль, джентльмены. Не то чтобы она была примерной студенткой. Она когда-то ходила ко мне в вечерний класс по французской литературе. Уж не знаю, что она вынесла из «Цветов зла», но я хорошо помню, что Бодлер^[14]...

– Доктор Боард, – вмешался пьяный доктор Мейфилд, – для так называемого интеллектуального человека вы на редкость бесчувственны.

– Судя по всему, это у нас общая черта с покойной миссис Уилт, – заметил доктор Боард, выглядывая в окно. – И судя по всему, там наступает кульминационный момент.

Даже доктор Кокс, которого только недавно привели в чувство и уговорили съесть немного баранины, выглянул в окно. Кран медленно вытягивал Джуди из ямы, и все члены правления и комитета поднялись, чтобы посмотреть. Зрелище было душераздирающее. Ближе к верхнему краю ямы левая нога Джуди зацепилась за выступ, в то время как ее вытянутая рука погрузилась в грязь.

– Стой, – крикнул Барни невнятно, но было поздно. Либо от расстройства, что ему приходится поднимать такой груз, либо неправильно подумав, что ему велят поднимать быстрее, водитель крана нажал на рычаг. Раздался ужасный треск, петля затянулась, и на какой-то момент показалось, что сбудется предсказание инспектора Уилта и Джуди лишится своей бетонной головы в Евином парике. Однако он зря беспокоился. Джуди оказалась куда крепче, чем можно было предположить. Голова продолжала подниматься, в то время как тело прочно засело в яме, поэтому шея последовала за головой. Она вытянулась.

– Бог ты мой, – выдохнул профессор Баксендейл, – неужели это никогда не кончится?

Доктор Боард наблюдал за событиями с возрастающим интересом. – Что-то не похоже на Еву. – промолвил он. – Вам это ничего не напоминает, доктор Мейфилд? Мы ведь тоже стараемся вытянуть наших студентов.

Но доктор Мейфилд не ответил. Джуди уже стала похожа на страуса, по оплошности сунувшего голову в бетон. Доктор Мейфилд понял, что затея с повышением разряда училища обречена.

– Одно можно сказать про миссис Уилт, – заметил доктор Боард, – она хорошо держится. Неэластичной ее шею не назовешь. Малость истощена. Глядя на это, начинаешь понимать, что имел в виду Модильяни.

– Ради Бога, прекратите, – истерически закричал доктор Кокс, – мне кажется, я схожу с ума.

Его прервал ужасный треск, означавший, что тело Джуди наконец-то перестало отчаянно цепляться за яму. Осыпая всех дождем глины, оно взмыло вверх, чтобы воссоединиться с головой, и повисло на веревке в двадцати футах над землей, голое и

розовое. Теперь, когда одежда и бетон с нее слетели, она удивительно напоминала настоящую женщину.

– Должен заметить, – сказал доктор Боард, с пристрастием разглядывая Джудины женские прелести, – что, хотя раньше я не испытывал особой симпатии к некрофилам, я начинаю понимать, что их привлекает. Конечно, сейчас это представляет интерес только с исторической точки зрения, но в елизаветинские времена одним из стимулов для палачей было...

– Боард, – взвизгнул доктор Мейфилд, – за свою жизнь я повидал немало свиней, мать твою так, но...

Доктор Боард налил себе еще кофе. – Если не ошибаюсь, на сленге они это называют: «любить их холодненькими».

* * *

Инспектор Флинт, стоявший под подъемным краном, вытер грязь с лица и уставился на болтающийся над ним ужасный предмет. Теперь он хорошо видел, что это всего лишь кукла. Он также понял, почему Уилт так хотел избавиться от этой кошмарной штуки.

– Опустите ее. Ради всего святого, опустите ее, – заорал он, видя, что вокруг него столпились фотографы из газет. Но крановщик совсем растерялся. Он закрыл глаза, дернул не за тот рычаг, Джуди снова начала подниматься.

– Стой, мать твою, стой, это же вещественное доказательство, – закричал инспектор, но было поздно. Последний отрезок каната намотался на бобину, а за ним последовала Джуди. Шляпа из бетона рассыпалась на куски, голова попала между роликами, а тело начало раздуваться. Прежде всего это сказалось на ногах.

* * *

– Мне всегда было любопытно, что такое элифантиаз, – сказал доктор Боард. – Кажется, у Шелли был по этому поводу пунктик.

Определенно, такой пунктик был и у доктора Кокса. Он что-то бормотал в углу, а заместитель директора уговаривал его взять себя в руки.

– Очень выразительно, – заметил доктор Боард, перекрывая возгласы ужаса при виде Джуди, теперь явно беременной на двенадцатом месяце, но продолжавшей надуваться дальше. – Вы не находите, что эти формы чем-то напоминают ранний бронзовый век, доктор Мейфилд?

Но доктор Мейфилд потерял дар речи. Как безумный, он уставился на быстро увеличивающееся влагалище, которое уже было четырнадцати дюймов длиной и восьми шириной. Потом раздался хлопок, и оно приобрело форму пениса, огромного пениса, продолжавшего раздуваться. Доктору Мейфилду казалось, что он сходит с ума. Определенно сходит с ума.

– Ну, это уже сенсация, – сказал доктор Боард. – Я слышал, что делают операции по изменению пола у мужчин, но...

– Сенсация? – завопил доктор Мейфилд. – Сенсация? И вы можете стоять спокойно и

рассуждать о...

Раздался громкий звук, похожий на выстрел. Джуди дошла до предела. Как и доктор Мейфилд. Первым сдался пенис. Вторым – доктор Мейфилд. Когда из Джуди начал выходить воздух, Мэйфилд было бросился на доктора Боарда, но без сил опустился на пол, бормоча что-то невнятное.

Доктор Боард не обратил на коллегу никакого внимания. «Кто бы мог подумать, что у этой старой перечницы столько духу?» – заметил он и допил кофе. Пока заместитель директора выводил доктора Мейфилда из комнаты, он повернулся к доктору Баксендейлу.

– Я должен извиниться перед вами за Мейфилда, – сказал он.. – Боюсь, что вся эта история насчет повышения ранга училища ударила ему в голову, хотя, честно говоря, я всегда считал его основательно неуравновешенным. Случай посткоксильного сумасшествия, я бы так сказал.

* * *

Инспектор Флинт возвращался в полицейский участок в состоянии, близком к безумию.

– Из нас сделали идиотов, – прорычал он, обращаясь к сержанту Ятцу. – Ты слышал, как они ржали? Ты их видел, этих ублюдков? – Особенно его взбесили фотографии из газет, попросившие его попозировать рядом с тем, что осталось от пластиковой куклы. – Мы теперь всеобщее посмешище. Ну хорошо, видит Бог, кое-кто за это заплатит.

Он выскочил из машины и бросился в комнату для допросов.

– Ладно, Уилт, – закричал он, – ты сыграл с нами шутку, и довольно омерзительную. Теперь отбросим щепетильность и перейдем к делу.

Уилт повертел в руках драный кусок пластика.

– Вот так-то лучше, – сказал он. – И она очень естественно выглядит.

– Если ты не ответишь на мои вопросы, ты будешь выглядеть еще естественнее, – заорал инспектор. – Где она?

– Где кто? – спросил Уилт.

– Миссис, бля, Уилт. Куда ты ее дел?

– Я же сказал. Я ее никуда не девал.

– А я говорю, девал. Или ты мне немедленно скажешь, где она, или я вышибу из тебя признание. Понял?

– Если хотите, можете меня избить, – сказал Уилт, – но это вам ничего не даст.

– Еще как даст, – сказал инспектор и снял пиджак.

– Я требую адвоката, – поспешно сказал Уилт.

Инспектор снова надел пиджак.

– Наконец-то я от тебя этого дождался. Генри Уилт, я обвиняю вас...

Восход Ева встретила в камышах, надувая матрац в десятый раз. Либо он где-то прокололся, либо что-то было не в порядке с клапаном. Как бы там ни было, продвигалась она очень медленно и в конце концов была вынуждена искать убежища в камышах, в стороне от пролива. Здесь, среди камышей, она и провела ночь, вся в грязи, время от времени слезая с матраца, чтобы поддуть его, и залезая обратно, чтобы смыть грязь и водоросли, налипшие на нее, когда она с него сползала. В процессе этих манипуляций она лишилась нижней части своей лимонной пижамы и так изодрала верхнюю, что, когда взошло солнце, Ева скорее напоминала не одержимую хозяйку с Парквью 34, а финалистку в тяжелом весе в женском чемпионате по борьбе в грязи. К тому же она ужасно замерзла и потому очень обрадовалась, когда наступило утро, обещавшее впереди жаркий летний день. Теперь ей надо было добраться до суши или открытой воды, где кто-нибудь... Тут Ева осознала, что ее вид может вызвать, мягко говоря, недоумение. Даже в лимонной пижаме, пока та была на ней, Ева бы не рискнула выйти на улицу. Теперь же, когда этой пижамы на ней практически не было, она определенно не хотела бы показываться кому-либо на глаза. С другой стороны, не могла же она весь день торчать в камышах. Ева двинулась в путь, таща за собой надувной матрац, наполовину вплавь, но в основном шлепая по воде и грязи. Наконец камыши кончились, она вышла на открытое пространство и увидела вдалеке дом, сад, спускающийся к воде, и церковь. До них было довольно далеко, а лодки нигде не было видно. Оставалось добираться до берега вплавь и надеяться, что женщина, живущая в этом доме, отнесется к ней сочувственно и, еще лучше, окажется достаточно большого размера, чтобы одолжить ей какую-нибудь одежду, чтобы добраться до дома. В этот момент Ева обнаружила, что потеряла свою сумку где-то в камышах. Она хорошо помнила, что ночью сумка была при ней, но, наверное, упала с матраца, когда она его надувала. Делать было нечего, не возвращаться же из-за этого. Надо продолжать путь, а потом позвонить откуда-нибудь Генри и попросить его приехать за ней на машине. Он и одежду какую-нибудь сможет привезти. Значит, решено. Ева вскарабкалась на матрац и стала грести к берегу. На полпути матрац снова обмяк и начал тонуть в одиннадцатый раз, Ева бросила его и продолжила путь в спасательном жилете. Однако и он замедлял ее продвижение, поэтому она решила от него избавиться. Барахтаясь в воде, Ева пыталась расстегнуть его. После некоторых усилий все же сняла, вместе с остатками лимонной пижамы. Когда Ева Уилт наконец-то добралась до берега, она была совершенно голой и выбившейся из сил. Тяжело дыша, она легла на землю под ивой. Немного придя в себя, Ева встала и огляделась. Она находилась в дальнем углу сада, а на холме, в сотне ярдов от нее, стоял дом. По Евиным понятиям, это был большой дом, и притом такой, в котором она даже в лучших обстоятельствах не чувствовала бы себя уверенно. С одной стороны, там было что-то вроде конюшни. Во всяком случае, так показалось Еве, чье знакомство с загородными домами ограничивалось тем, что она видела по телевизору. Кроме того, создавалось впечатление, что в доме есть слуги. Все здесь дышало благородством и порядочностью, что делало ее появление в голом виде морально весьма затруднительным. Но, с другой стороны, дом и все, что его окружало, выглядели абсолютно запущенными. Сад был заросшим и неухоженным. Декоративные кусты, когда-то подстриженные так, чтобы придать им форму птиц и Животных, теперь выглядели странно и страшновато; ржавые проволочные петли наполовину спрятались в траве на запущенном

крокетном поле; теннисная сетка провисла между столбами, а в заброшенной теплице уцелело лишь несколько рам. Довершали картину запустения покосившийся лодочный сарай и плоскодонка. На всем лежал какой-то зловещий отпечаток, и его не смягчали даже небольшая церковь и слева от нее заброшенное кладбище за ржавым железным забором. Ева выглянула из-за ветвей ивы и уже совсем было собралась покинуть свое убежище, как открылась дверь и из дома вышел мужчина с биноклем в руках и начал смотреть в сторону пролива Ил. На нем была черная сутана со стоячим воротником. Ева снова спряталась за дерево и стала думать, что же ей делать, учитывая полное отсутствие на ней какой-либо одежды. Ситуация была удручающей. Ничто не могло заставить ее войти в дом викария в совершенно голом виде. Жизнь на Парквью не научила ее, как действовать в подобных ситуациях.

* * *

Но и жизнь на Росситер Глоув тоже не научила; Гаскелла, как действовать в ситуации, в которой он оказался, когда Салли разбудила его словами: Дрошка Ной, наверху вполне сухо. Пора отваливать.

Открыв дверь каюты и выйдя на палубу, Гаскелл обнаружил, что Ева уже отвалила, захватив с собой надувной матрац и спасательные жилеты.

– Ты хочешь сказать, что оставила ее на ночь на палубе? – спросил он. – Вот теперь мы уж точно по уши в дерьме. Ни весел, ни надувного матраца, ни этих чертовых спасательных жилетов, ничего.

– Откуда мне было знать, что эта сумасшедшая утащит все с собой? – поинтересовалась Салли.

– Ты оставила ее под проливным дождем на всю ночь, естественно, ей что-то надо было делать. Может, она уже замерзла до смерти. Или утонула.

– Она пыталась меня убить. Сам подумай, как я могла ее пустить в каюту. И вообще, ты сам во всем виноват. Не надо было трепаться насчет этой куклы.

– Ты все это расскажешь полиции, когда они найдут ее тело плывущим вниз по течению. Объяснишь им, почему она отправилась вплавь в разгар шторма.

– Ты просто хочешь меня запугать, – сказала Салли. – Я вовсе никуда ее не прогоняла.

– Я хочу только заметить: если с ней что-то случилось, это будет выглядеть очень странно. А теперь скажи, как мы отсюда выберемся. Если ты полагаешь, что я пушусь вплавь без спасательного жилета, ты ошибаешься. Я не Шпиц.

– Ах ты, мой герой, – сказала Салли.

Гаскелл спустился в каюту и заглянул в ящик рядом с плитой. – И еще. У нас проблема с едой. И с водой. Ничего не осталось.

– Ты нас впутал в эту историю, теперь сам и выпутывайся, – ответила Салли.

Гаскелл сел на койку, пытаясь что-нибудь придумать. Должен же быть какой-то способ дать людям знать о том, что они в беде и где находятся. Берег наверняка неподалеку. По всем признакам, он находился по другую сторону камышей. Гаскелл вышел на палубу, забрался на крышу каюты, но ничего, кроме церковного шпиля вдалеке, не увидел. Мешали заросли камыша. Может быть, если взять тряпку и помахать, то кто-нибудь заметит? Он снова спустился вниз, взял наволочку и в течение двадцати минут махал и громко кричал.

Затем он спустился вниз, достал карту и долго ее рассматривал в безнадежной попытке определить, где они находятся. Он уже сворачивал карту, когда заметил, что некоторые детали от игры в слова все еще лежали на столе. Буквы. Отдельные буквы. Что бы такое запустить в воздух с буквами? Вроде воздушного змея. Гаскелл поразмыслил над возможностью смастерить воздушного змея и отказался от этой идеи. Наверное, лучше всего подавать сигналы дымом. Он взял на кухне пустую банку, налил в нее горючего, обмакнул туда носовой платок и снова забрался на крышу каюты. Поджег платок и подождал, пока загорится горючее. Получилось немного дыма, а банка так разогрелась, что ее трудно было удержать в руках. Гаскелл пинком толкнул ее в воду. Зашипев, она погасла.

– Крошка – гений, – заметила Салли, – умом с тобой никто не сравнится.

– Ладно, когда придумаешь что-либо путное, дай мне знать.

– Попробуй вплавь.

– Попробуй утонуть, – огрызнулся Гаскелл.

– Можно сделать плот или что-то вроде.

– И разобрать катер Шеймахера по частям. Только этого нам и не хватало.

– Я видела картину про гаучо или римлян, или еще кого-то. Так вот, когда им надо было переплыть реку, они использовали свиные пузыри.

– Нам свины не хватает, – сказал Гаскелл.

– Можно использовать пакеты для мусора, – предложила Салли. Гаскелл пошел за пакетом, надул его и затянул веревкой. Потом надавил на него. Пакет лопнул.

Гаскелл сел расстроенный. Должен же быть какой-то простой способ привлечь внимание. О том, чтобы плыть по этому болоту, зажав в руке пакет из-под мусора, не могло быть и речи. Он машинально перебирал в руках буквы от игры и снова думал о воздушных змеях. Или шарах. Шарах.

– У тебя с собой нет презервативов? – внезапно спросил он.

– Господи, самое время для эрекции, – сказала Салли. – Забудь о сексе. Думай, как нам отсюда выбраться.

– Я и думаю, – сказал Гаскелл. – Мне нужны эти резинки.

– Ты собираешься плыть вниз по реке на связке из презервативов?

– Шаров, – ответил Гаскелл. – Мы их надуем, нарисуем буквы и запустим.

– Крошка – гений, – похвалила Салли и пошла в туалет за своей сумкой. – Вот они. А я-то подумала, что ты меня хочешь.

– Дни вина и роз уже позади, – сказал Гаскелл. – Напомни мне не забыть с тобой развестись. – Он разорвал пакет, надул презерватив и завязал.

– На каком основании?

– К примеру, на том, что ты лесбиянка, – ответил Гаскелл и помахал надутым презервативом. – И плюс к тому, страдаешь kleptomанией и имеешь привычку спаривать чужих мужчин с куклами. И многое, многое другое. Например, что ты нимфоманка.

– Ты не посмеешь. Твоя семья на потерпит скандала.

– Еще как посмею, – сказал Гаскелл и надул еще один презерватив.

– Пластиковый урод.

– Выгребная яма.

У Салли сузились глаза. Ей начинало казаться, что он действительно собирается с ней разводиться, а если Гаскелл разведется с ней в Англии, то какие она получит алименты? Практически ничего. Детей у нее не было, зато было впечатление, что британские суды

жадноваты в смысле денег. Как и Гаскелл и его семейка. Богатые и жадные. Она села и посмотрела на него.

– Где твой лак для ногтей? – спросил Гаскелл. Двенадцать надутых презервативов летали по каюте.

– Чтоб ты сдох, – ответила Салли и отправилась на палубу. Уставившись в темную воду, она думала о крысах и смерти, о том, что может снова стать нищей и от всего свободной. Крысиная парадигма. Мир – это клоака. Люди – предметы, которые используют, а потом выбрасывают. Такова философия Гаскелла, и теперь он выбрасывает ее. Стоит только поскользнуться на покрытой горячим палубе – и конец всем ее проблемам. Всего-то и требуется, чтобы Гаскелл поскользнулся и утонул, и она станет свободной и богатой, и никто никогда ничего не узнает. Несчастный случай. Естественная смерть. Нельзя, однако, забывать, что Гаскелл умеет плавать. Один раз попытаться и проиграть – и второго раза не будет. Он станет остерегаться. Нужно действовать наверняка и так, чтобы все выглядело естественно.

На палубу вышел Гаскелл с презервативами. Он связал их вместе и на каждом лаком для ногтей нарисовал по букве. В результате получилось:

ПОМОГИТЕ SOS

Взобравшись на крышу каюты, он выпустил шары. Какое-то время они повисели в воздухе, но затем, подхваченные легким ветром, отлетели в сторону и опустились на воду. Гаскелл выудил их за конец веревки и сделал еще одну попытку. И опять они сели на воду.

– Надо подождать ветра посильнее, – сказал он и привязал связку к перилам. Презервативы слабо заколебались на ветру. Гаскелл спустился в каюту и лег на койку.

– Что теперь собираешься делать? – спросила Салли.

– Спать. Разбуди меня, когда поднимется ветер.

Он снял очки, накрылся с головой одеялом и заснул.

На палубе Салли сидела на ящике и думала о том, как можно утонуть. Если ты е постели.

* * *

– Мистер Госдайк, – сказал инспектор Флинт, – мы с вами вместе работаем уже много лет, поэтому я могу сказать вам честно – я не знаю.

– Но вы же обвинили его в убийстве, – заметил мистер Госдайк.

– Я возьму его под стражу в понедельник. Пока я продолжаю его допрашивать.

– Но безусловно то, что он признался, что закопал куклу в натуральную величину...

– Одетую в платье своей жены, Госдайк. В платье своей жены. Не забывайте.

– По-моему, это неважно. Вы абсолютно уверены, что произошло убийство?

– Три человека бесследно исчезли, оставив после себя две машины, дом, заваленный грязной посудой и мусором после вечеринки... видели бы вы этот дом – ванную комнату и лестницу со следами крови...

– Они могли уехать на чужой машине.

– Могли, но не уехали. Доктор Прингшейм не любил, когда кто-то другой сидел за

рулем. Нам об этом рассказали его коллеги по факультету биохимии. У него было укоренившееся предубеждение против британских водителей. И не спрашивайте меня почему.

– Как насчет поездов? Автобусов? Самолетов?

– Проверено, перепроверено и еще раз проверено. Никто похожий на них не покидал город ни на каком виде общественного или личного транспорта. И если вы думаете, что они укатали на велосипедах, то опять ошибаетесь. Велосипед доктора Прингшейма в гараже. Нет, забудьте о том, что они куда-либо уехали. Они умерли, и этот умник Уилт знает, что это так.

– Мне все равно непонятно, на чем основывается ваша уверенность, – сказал мистер Госдайт.

Инспектор Флинт закурил сигарету.

– Давайте посмотрим на те его действия, в которых он признался. Какие можно сделать из них выводы? Он берет куклу в натуральную величину...

– Где?

– Он говорит, жена дала. Неважно, где он ее взял.

– Он утверждает, что впервые увидел эту шгуку в доме Прингшеймов.

– Возможно. Готов этому поверить. Где бы он ее ни взял, он одел ее так, чтобы она была похожа на миссис Уилт. Он прячет ее в яме около техучилища, которая, как он знает, будет залита бетоном. Он специально показывается сторожу, когда училище уже закрыто. Оставляет велосипед со своими отпечатками пальцев и книгой в корзине. Свой путь к яме он усыпает листками с записями. Он появляется в доме Брейнтри в полночь весь в грязи и говорит, что у машины спустило колесо, хотя ничего такого не было. Разве это не доказывает, что он что-то задумал?

– Он говорит, что просто хотел избавиться от куклы.

– А мне он сказал, что репетировал убийство своей жены.

– Да, но только в воображении. Он хотел избавиться от куклы, – настаивал мистер Госдайт.

– Зачем тогда одевать ее, надувать и оставлять там, где ее непременно обнаружат, когда начнут заливать бетон? Если он не хотел, чтобы ее нашли, почему он ее не закопал? Почему, наконец, он попросту не сжег ее или не выбросил где-нибудь по дороге? На все эти вопросы нет ответа, если не рассматривать все как обдуманый план, целью которого является отвлечь наше внимание от настоящего преступления. – Инспектор помолчал. – Мне все кажется, что на той вечеринке случилось что-то, о чем мы не имеем понятия. Может, Уилт застукал свою жену в постели с мистером Прингшеймом? И убил обоих. Зашла миссис Прингшейм, и он убил и ее.

– Как? – спросил мистер Госдайт. – Там было мало крови.

– Задушил. И свою жену задушил. Забил мистера Прингшейма до смерти. Затем спрятал где-то трупы, отправился домой и наследил с этой куклой. В воскресенье он избавился от трупов...

– Каким образом?

– Один Господь Бог ведает, но я непременно узнаю. Я уверен, что человек, способный задумать такое, способен и изобрести нечто дьявольское, чтобы избавиться от трупов. Не удивлюсь, если узнаю, что он в воскресенье незаконно пользовался крематорием. Что бы он ни сделал, он сделал это как следует.

Но мистер Госдайт все еще сомневался.

– Не понимаю, как вы можете быть так уверены, – сказал он.

– Мистер Госдайт. – устало сказал инспектор, – вы провели со своим клиентом всего два часа. Я же потратил на него почти неделю, и если я что и вынес, так это убеждение, что этот поганец знает, что он делает. С любым человеком, который невиновен, но которого обвиняют в убийстве жены и предъявляют доказательства, случился бы нервный срыв. Но только не с Уилтом. Этот нагло сидит и учит меня, как проводить расследование. Именно это меня больше всего убеждает, что негодяй виновен по всем статьям. Он это сделал, я уверен. Более того, я это докажу.

– Сейчас он несколько обеспокоен, – сказал мистер Госдайт.

– Есть причины, – заметил инспектор. – Я ему сказал, что в понедельник утром заставлю его говорить правду, даже если для этого мне придется его убить.

– Инспектор, – сказал мистер Госдайт вставая, – я должен предупредить вас, что я посоветовал своему клиенту больше не говорить ни слова, и если он предстанет перед судом со следами избиения...

– Мистер Госдайт, вы ведь меня хорошо знаете. Я не полный идиот, и если на вашем клиенте будут какие-либо следы, ни я, ни мои ребята не будут иметь к этому никакого отношения. Могу вас в этом заверить.

Мистер Госдайт покинул полицейский участок в крайне озабоченном состоянии. Он вынужден был признать, что рассказ Уилта не отличался большой убедительностью. Какого-либо значительного опыта общения с убийцами у мистера Госдайка не было, но он был достаточно умен, чтобы сообразить, что люди, открыто признающиеся, что мечтали об убийстве своей жены, в конце концов сознаются, что они именно так и поступили. Более того, его попытка уговорить Уилта заявить, что он засунул куклу в яму, чтобы подшутить над коллегами по техучилищу, бесславно провалилась. Врать Уилт отказался, а мистер Госдайт не привык к клиентам, которые не хотели говорить ничего, кроме правды.

Инспектор Флинт вернулся в комнату для допросов и посмотрел на Уилта. Затем взял стул и сел.

– Уилт, – сказал он с приветливостью, которой не испытывал. – нам с тобой надо немного поговорить.

– Как, опять? – удивился Уилт. – Мистер Госдайт посоветовал мне молчать.

– Он всегда так делает, – мягко сказал инспектор. – Особенно если уверен, что клиент виновен. Ну что, будешь говорить?

– А почему бы и нет? Мне скрывать нечего, а так время быстрее пройдет.

Была пятница, как раз тот день недели, когда маленькая церковь в Уотериике пустовала. И, как всегда в такой день, викарий, преподобный Джон Фрауд, был пьян. Эти два события всегда сопутствовали друг другу – отсутствие паствы и нетрезвое состояние викария. Традиция восходила к тем далеким временам, когда спиртное провозилось нелегально и возможность иметь выпивку была единственной причиной. Почему столь отдаленный приход вообще имел викария. И, как многие английские традиции, эта тоже оказалась живучей. Церковные власти следили за тем, чтобы в Уотериик назначались священники, страдающие идиосинкразией, чей неуместный энтузиазм делал невозможным их работу в более приличных приходах. Чтобы как-то утешиться по поводу отдаленности прихода и отсутствия интереса к вещам духовным, они прибегали к спиртному. Святой отец Джон Фрауд не нарушил традиции. Он выполнял свои обязанности с тем англо-католическим фундаменталистским пылом, который сделал его таким непопулярным в Эшере, но с пьяной снисходительностью усмотрел на проделки своей немногочисленной паствы. Последняя же, когда спрос на бренди упал, довольствовалась случайным грузом спиртного, доставляемого в лодках нелегальными иммигрантами из Индии.

Сейчас, когда он покончил с завтраком, состоящим из гоголя-моголя и кофе по-ирландски, и поразмышлял о превратностях судьбы и своих более удачливых коллегах, о чем он прочитал в старой воскресной газете, он стал замечать, что над камышами в проливе Ил трепыхается что-то похожее на белые сосискообразные шары, которые на какое-то мгновение поднимались, а затем снова опускались. Святой отец вздрогнул, закрыл глаза, снова их открыл и подумал о пользе воздержания. Если он не ошибался, а он и сам толком не знал, хотел он ошибиться или нет, утро было испоганено появлением связки презервативов, надутых презервативов, которые болтались там, где никакие презервативы никогда не болтались раньше. Во всяком случае, он надеялся, что это была именно связка. Он так привык к тому, что у него в глазах постоянно двоится и троится, что не был уверен, видит ли он действительно связку презервативов, или только один, или, еще лучше, ни одного.

Он пошел, в кабинет за биноклем и снова вернулся на террасу, но, пока он ходил, явление исчезло. Святой отец печально покачал головой. У него уже давно были нелады со здоровьем, особенно его беспокоила печень. Не хватает ему только галлюцинаций с утра пораньше. Он вернулся в дом и попытался сосредоточиться на деле одного протодиакона из Онгара, который сделал себе операцию по изменению пола и сбежал с церковным служкой. Есть о чем поговорить во время проповеди, если придумать подходящий текст.

Из своего убежища в саду Ева видела, как викарий вернулся в дом, и старалась решить, что же ей делать. Не могла же она в таком виде войти в дом и представиться. Нужна была одежда или хотя бы что-нибудь, чем можно прикрыться. Она огляделась в поисках чего-либо подходящего и в конце концов решила использовать для этой цели плющ, вьющийся по ограде кладбища. Не выпуская дом из виду, она вылезла из-под дерева, галопом пронеслась к забору и через калитку вбежала на кладбище. Там она содрала несколько плетей плюща со ствола дерева и, довольно неуклюже прикрывая ими себя спереди, двинулась осторожно по заросшей тропинке к церкви. Большую часть тропинки нельзя было видеть из дома из-за деревьев, но раз или два ей приходилось низко пригибаться и быстро перебежать от одного

надгробного камня к другому на виду у обитателей дома. Когда она наконец достигла ступеней церкви, она совсем запыхалась, а сознание непристойности всего происходящего возросло вдесятеро. Если перспектива появления в доме голой была ей неприятна с точки зрения светских приличий, то мысль оказаться в церкви в чем мать родила казалась ей просто кошунственной. Она стояла у дверей и изо всех сил старалась взять себя в руки и войти. Там обязательно должна быть какая-нибудь одежда вроде стихиря для хористов в ризнице, она могла бы ее взять и уже тогда пойти в дом. Или не могла? Ева не была уверена в ценности стихиря и боялась, что викарий рассердится. Господи, до чего же все скверно! Наконец она открыла дверь и вошла. Внутри было холодно, влажно и пусто. Крепко прижимая к себе плющ, она прошла через церковь к двери ризницы и попыталась ее открыть. Дверь была заперта. Дрожа от холода, Ева старалась что-нибудь придумать. В конце концов она вышла из церкви и долго стояла на солнце, пытаясь согреться.

* * *

В учительской техучилища балом правил доктор Боард.

– Учитывая все обстоятельства, – говорил он, – я считаю, что мы неплохо выглядим во всем этом деле. Директору всегда хотелось, чтобы наше техучилище заметили, а теперь, благодаря нашему приятелю Уилту, эта цель достигнута. Только посмотрите, сколько внимания нам уделила пресса. Не удивлюсь, если приток студентов резко возрастет.

– Члены комиссии не пришли в восторг от наших возможностей, – заметил мистер Моррис, – поэтому вряд ли можно утверждать, что визит был успешен.

– Лично я считаю, что они не остались внакладе, – сказал доктор Боард. – Не каждый день тебе выпадает шанс одновременно наблюдать эксгумацию и экзекуцию. Одно обычно предшествует другому, а тут им удалось увидеть, как нечто, что по всем статьям было женщиной, за несколько секунд превращается в мужчину. От эдакой мгновенной перемены пола, говоря современным языком, мозги могут пойти враскорячку.

– Кстати, насчет бедняги Мейфилда, – сказал заведующий географическим отделением. – Как я понял, он до сих пор еще в дурдоме.

– Навсегда? – с надеждой спросил доктор Боард.

– У него депрессия. И упадок сил.

– Ничего удивительного. Любой, кто так употребляет... кто так уродует язык, напрашивается на неприятности. К примеру, он употребляет слово «структура» в качестве глагола.

– Он возлагал большие надежды на повышение разряда училища и то, что в этом было отказано...

– И совершенно справедливо, – заметил доктор Боард. – Хоть убейте, не могу понять, какой смысл пичкать второсортных студентов пятисортными идеями по столь далеким друг от друга темам, как средневековая поэзия и городские исследования. Уж пусть они лучше смотрят, как полиция выкапывает то, что, по их предположениям, является телом женщины, покрытым коркой из бетона, вытягивает ей шею, сдирает с нее одежду, подвешивает ее и в финале надувает ее так, что она лопается. Здесь уж они наберутся образования, если хотите знать мое мнение. Здесь все вместе – археология и криминалистика, зоология и физика, анатомия и экономика. Добавьте к этому крайнюю заинтересованность студентов. Если нам

нужны ученые степени, присуждайте их за нечто подобное. К тому же очень практично. Я продумываю, не заказать ли мне такую куклу.

– Но вопрос об исчезновении миссис Уилт все равно остается открытым, – заметил мистер Моррис.

– Ах, милая Ева, – произнес доктор Боард задумчиво. – После того как я увидел так много такого, что, как мне казалось, было ею, то, если я буду иметь удовольствие ее встретить, я отнесусь к ней с изысканной вежливостью. Удивительно разнообразная женщина. А какие пропорции! Назову-ка я свою куклу Евой.

– Но полиция считает, что она умерла.

– Такие женщины не умирают, – провозгласил доктор Боард. – Она может лопнуть, но память о ней будет жить вечно.

* * *

Находящийся в этот момент в своем кабинете святой отец Джон Фрауд вполне разделял точку зрения доктора Боарда. Вряд ли ему удастся когда-либо стереть из памяти крупную и, судя по всему, голую женщину, которая появилась из-под ивы в конце его сада, подобно омерзительно большой нимфе, и пробежала через кладбище. Поскольку ее появление непосредственно следовало за привидившимися ему надутыми презервативами, его подозрение, что он слишком перестарался в смысле алкоголя, усилилось. Отказавшись от сочинения проповеди по поводу богоотступника протодиакона из Онгара (он собирался начать ее со слов «По их плодам вы их узнаете»), он поднялся и посмотрел в окно в сторону церкви. Викарий размышлял над тем, не надо ли ему туда пойти и посмотреть, нет ли там толстой голой женщины, но тут в поле его зрения опять попали камыши за полоской воды. Эти дьявольские штуки появились снова. Никаких сомнений больше не было. Он схватил бинокль и уставился в сторону камышей. На этот раз он видел их более четко, в них угадывалось какое-то неявное, но мрачное предзнаменование. Солнце стояло уже высоко, туман над проливом Ил рассеялся, и презервативы светились странным фосфоресцирующим светом. Эта незначительная деталь придавала им некое подобие одухотворенности. Более того, на них было что-то написано. Прочитать написанное было легко, но понять – трудно. Написано было *ПИТМО*. Святой отец опустил бинокль и потянулся за бутылкой с виски, раздумывая над тем, что это может означать. После того как он в темпе опрокинул три рюмки, он решил, что в спиритуализме что-то есть, только непонятно, почему почти всегда приходится иметь дело с иностранцами. Иначе как объяснить столько ошибок? Тем временем ветер поменял буквы местами и теперь читалось: *ЕТОМОГ* Викария передернуло. Что «мог» этот «его»?

– Грехи наши тяжкие, – вздохнул святой отец, обращаясь к четвертому стаканчику виски, и принялся снова разглядывать небесные знамения. *ООМИГ* последовало за *ТОСМОП*, а потом превратилось в *SSOOTEГИМОП*, что было еще хуже. Святой отец Джон Фрауд отодвинул в сторону бинокль и бутылку виски и опустился на колени, чтобы помолиться об избавлении или хотя бы попросить у Бога помощи в истолковании посланий. Но каждый раз, когда он поднимался с колен, чтобы посмотреть, не уважена ли его просьба, сочетания букв оставались не только бессмысленными, но и просто угрожающими. Что, к примеру, могло значить *МОГИПОТ*? Или *ООТЕПОИ*? В конце концов, решив лично разобраться в истинной

природе явления, он надел сутану и нетвердой походкой направился к причалу.

– Будь проклят этот день. – бормотал он, забираясь в лодку и берясь за весла. Святой отец придерживался твердого мнения насчет презервативов. Это было одним из краеугольных камней его англо-католицизма.

* * *

В каюте крепко спал Гаскелл. Салли была занята приготовлениями. Она разделась и напялила на себя пластиковое бикини. Из сумки достала квадратный кусок шелка, положила его на стол, принесла с кухни кувшин и, перегнувшись через борт, зачерпнула воды. Потом она пошла в туалет и привела в порядок лицо. Наклеила фальшивые ресницы, густо намазала губы и под толстым слоем крема скрыла свою обычную бледность. Когда она вышла из туалета, у нее в руке была купальная шапочка. Одной рукой она оперлась на дверь камбуза и выставила вперед бедро.

– Гаскелл, крошка, – позвала она.

Гаскелл открыл глаза и посмотрел на нее. – Что, черт побери?

– Нравится?

Гаскелл надел очки. Несмотря ни на что, ему нравилось.

– Если рассчитываешь меня обвести вокруг пальца, ничего не выйдет.

Салли улыбнулась.

– Не болтай попусту. Ты меня заводишь, крошка ты моя биодеградирующая. – Она подошла к койке и уселась рядом с ним.

– Что тебе нужно?

– Заставь его встать, крошка. Ты заслужил развлечение. – Она принялась ласкать его. – Помнишь старые денечки?

Гаскелл помнил и почувствовал, что слабеет. Салли наклонилась и прижала его к койке.

– Салли тебя полечит, – сказала она и расстегнула пуговицы у него на рубашке.

Гаскелл попытался увернуться.

– Если ты думаешь...

– А ты не думай, золотце, – сказала Салли и расстегнула ему джинсы. – Пусть только он встанет.

– Боже мой, – пробормотал Гаскелл. Запах духов, пластик, маска на лице и ее руки будили древние фантазии. Он безвольно лежал на койке, пока Салли раздевала его. Он не сопротивлялся, даже когда она перевернула его лицом вниз и соединила его руки за спиной.

– Связанная крошка, – сказала она тихо и потянулась за куском шелка.

– Нет, Салли, не надо, – слабым голосом бормотал он.

Салли мрачно улыбнулась и, обмотав его запястья шелковой тряпкой, крепко связала ему руки. Гаскелл жалобно простонал. – Ты делаешь мне больно.

Салли перевернула его.

– Да ты же тащишься от этого, – сказала она и поцеловала его. Снова сев на койку, она стала его гладить. – Тверже, крошка, еще тверже. Подними моего возлюбленного до неба.

– О, Салли.

– Вот молодец, крошка, а теперь позаботимся о водонепроницаемости.

– Не надо. Мне так больше нравится.

– Я так хочу. Мне это нужно, чтобы доказать, что ты любил меня, пока смерть не разъединила нас. – Она наклонилась и надела на него презерватив.

Гаскелл не сводил с нее глаз. Что-то было не так.

– А теперь шапочку. – Она протянула руку и взяла купальную шапочку.

– Шапочку? – спросил Гаскелл. – Зачем? Я не хочу ее надевать.

– Да нет же, хочешь, сердце мое. Так ты больше похож на девушку. – Она надела шапочку ему на голову. – А теперь дело за Салли. – Она сняла бикини и опустилась на него. Гаскелл застонал. Она была великолепна. Он уж не помнил, когда она последний раз была так хороша в деле. И все же он был напуган. Было что-то в ее глазах, чего он не замечал раньше.

– Развяжи меня, – взмолился он, – руке больно.

Но Салли только улыбнулась и продолжила вращательные движения. – Только когда ты кончишь и уйдешь, крошка Джи. Когда для тебя все будет в прошлом. – Она опять задвигала бедрами.

– Давай, кончай быстренько. Гаскелл вздрогнул.

– Порядок?

– Порядок, – кивнул он.

– Теперь навсегда, крошка, – сказала Салли. – Теперь все. Ты перешел рубеж от настоящего к прошлому.

– От настоящего к прошлому?

– Ты пришел и ушел, пришел и ушел. Теперь только вот что осталось. – Она протянула руку и взяла кувшин с грязной водой. Гаскелл повернул голову, чтобы посмотреть на него.

– А это еще зачем?

– Для тебя, крошка. Молоко речной коровки. – Она слегла подвинулась вперед и уселась ему на грудь. – Открывай рот.

Гаскелл Прингшейм в ужасе уставился на нее, пытаясь вывернуться. – Ты с ума сошла, совсем взбесилась.

– Лежи спокойно – и тогда не будет больно. Все скоро кончится, любовь моя. Смерть от естественных причин. В постели. Ты войдешь в историю.

– Ах ты сука, проклятая сука...

– Сам ты пес поганый, – ответила Салли и начала лить воду ему в рот. Затем поставила кувшин на пол и натянула купальную шапочку ему на лицо.

* * *

Для разъяренного человека, в желудке которого болталось с полбутылки виски, святой отец Джон Фрауд греб на удивление споро. Чем ближе он подплывал к презервативам, тем больше он распалялся. И дело было не в том, что вид этих штук заставил его понапрасну испугаться за состояние своей печени (теперь, когда он был совсем близко, он видел, что они действительно существовали). Пожалуй, все дело было в том, что он придерживался доктрины о сексуальном невмешательстве. С его точки зрения, если верить Книге Бытия, Бог создал совершенный мир, который с той поры только и делает, что катится в пропасть. А не верить Книге Бытия нельзя, иначе вся Библия теряет смысл. Отталкиваясь от этого фундаменталистского постулата, святой отец Джон Фрауд, хаотически пробираясь через

Блейка, Хоукера. Ливиса и других богословов-обскурантов, пришел к убеждению, что все чудеса современной науки от дьявола и что спасение лежит в том, чтобы тщательно избегать всех материальных достижений со времен Ренессанса и кое-чего до того, и что природа куда менее кровожадна, чем современный механизированный человек. Иными словами, он был уверен, что конец света в виде ядерной катастрофы не за горами и что его долг христианина возвещать об этом. Проповеди на эту тему, читавшиеся с устрашающим пылом, и привели к его изгнанию в Уотеруик. Сейчас, выгребая вверх по проливу Ил, он был полон молчаливой ярости, направленной против презервативов, абортотворцев и тех зол, которые несет в себе сексуальная вседозволенность. Все они были причинами и признаками – причинными признаками – того морального хаоса, в который превратилась наша жизнь. И еще эти туристы. Святой отец ненавидел туристов. Они поганили маленький рай его прихода своими лодками, транзисторами и через край бьющим весельем. А туристы, которые осквернили вид из окна его кабинета надутыми презервативами и непонятными посланиями, были просто мерзостью. Когда он заметил катер, он был в таком настроении, что шутить с ним было опасно. Быстро подплыв к катеру, он привязал лодку к поручням и, подняв сугану выше колен, перебрался на палубу.

* * *

В каюте Салли смотрела на купальную шапочку. Она то раздувалась, то снова опадала, то расширялась, то прилипала к лицу Гаскелла. Салли аж передернуло от удовольствия. Теперь она самая-самая свободная женщина в мире. Гаскелл умирал, и она могла делать с миллионом долларов все, что пожелает. И никто не узнает. Он умрет, она снимет шапочку, развяжет его и спихнет тело в воду. Гаскелл Прингшейм умрет естественной смертью: он утонет. Тут дверь каюты открылась и в проеме возник силуэт преподобного отца Джона Фрауда.

– Какого черта... – пробормотала она и соскочила с Гаскелла.

Святой отец стоял в нерешительности. Он намеревался высказаться, и он это сделает, но он явно застал врасплох очень голую женщину с безобразно размалеванным лицом в момент ее совокупления с мужчиной, на первый взгляд, вовсе без лица.

– Я... – начал он было, но остановился. Мужчина скатился с койки на пол и извивался там самым необычным образом. Святой отец в ужасе смотрел на него. У человека не только не было лица, но и руки были связаны за спиной.

– Дорогой друг, – начал викарий, возмущенный этой сценой, и взглянул на голую женщину, ожидая объяснений. Она смотрела на него с ненавистью. У нее в руках оказался большой кухонный нож. Святой отец, спотыкаясь, ретировался на палубу. Женщина надвигалась на него, держа нож перед собой двумя руками. Определенно сумасшедшая. Да и мужчина на полу тоже. Он катался по полу и вертел головой из стороны в сторону. Купальная шапочка слетела, но святой отец в этот момент торопливо перебирался через борт в лодку и этого уже не видел. Он успел отвязать лодку прежде, чем ужасная женщина бросилась на него, и начал быстро грести в сторону, забыв, что он собирался сказать. Стоя на палубе, Салли осыпала его ругательствами, а за спиной в дверях каюты появился какой-то темный силуэт. Викарий был благодарен Богу за то, что теперь у мужчины было лицо, правда, не очень приятное, скорее ужасное, но лицо. Он приближался к женщине с какими-

то страшными намерениями. В следующий момент эти намерения были осуществлены. Мужчина бросился на нее, нож упал на палубу, женщина пыталась ухватиться за борт, но промахнулась и соскользнула в воду. Больше святой отец ждать не стал. Он размахисто погреб прочь. Ему было безразлично, что за сексуально извращенную оргию он прервал, а размалеванные женщины с ножами, которые обзывали его, кроме всего прочего, мудозвонком и разьебаем, не вызывали в нем симпатии, даже если объект их мерзкой похоти спихивал их в воду. Кроме того, они – американцы. Святой отец тратить время на американцев не желал. Они воплощали в себе все, что святому отцу не нравилось в современном мире. Испытывая все возрастающее отвращение и неудержимое желание припасть к бутылке с виски, он добрался до причала и привязал лодку.

Оставшийся на катере Гаскелл перестал орать. Священник, спасший ему жизнь, проигнорировал как его хриплые мольбы о дальнейшей помощи, так и Салли, стоящую по пояс в воде рядом с катером. Пусть там и остается. Он вошел в каюту, изловчился запереть связанными руками дверь и огляделся в поисках чего-нибудь, чем бы разрезать шарф. Он все еще был очень сильно напуган.

* * *

- Правильно, – сказал инспектор Флинт, – и что ты потом сделал?
- Поднялся и прочел воскресные газеты.
- Потом?
- Съел тарелку овсянки и выпил чаю.
- Чаю? Ты уверен, что чаю? В прошлый раз ты сказал – кофе.
- В какой прошлый раз?
- В последний раз, когда ты об этом рассказывал.
- Я пил чай.
- Что потом?
- Я покормил Клема завтраком.
- Чем именно?
- Кашей.
- В прошлый раз ты говорил – мясом.
- А сейчас говорю – кашей.
- Реши, наконец, что это было?
- А какая, мать твою, разница?
- Для меня – разница.
- Кашей.
- Что ты делал после того, как покормил собаку?
- Побрился.
- В прошлый раз ты говорил, что принял душ.
- Сначала принял душ, а потом побрился. Я пытаюсь сберечь время.
- О времени не беспокойся. Его у нас навалом.
- А сколько это?
- Заткнись. Что ты делал потом?
- Бога ради, ну какое это имеет значение? Какой смысл повторять все снова и снова?

– Заткнись.

– Это идея, – сказал Уилт. – Я заткнусь.

– Что ты делал после того, как побрился?

Уилт смотрел на него и молчал.

– Ты побрился, и что?

Уилт хранил молчание. Наконец инспектор Флинт вышел из комнаты и послал за сержантом Ятцем.

– Он замолчал, – сказал тот устало. – Ну и что теперь делать?

– Попробовать убедить физически?

Флинт покачал головой.

– Госдайт был у него. Если в понедельник в суде у Уилта хоть волосок будет не на месте, он развопится насчет жестокости. Надо что-то другое. Должно же у него быть слабое место. Я не я буду, если не найду его. Как это ему удастся?

– Что это?

– Говорить непрерывно и не сказать ничего. Ничего, черт побери, стоящего. У поганца больше мнений по любому вопросу, чем у меня волос на голове.

– Если не давать ему спать еще сорок восемь часов, он наверняка свихнется.

– Вместе со мной, – сказал Флинт. – И мы оба предстанем перед судом в смиренных рубашках.

В комнате для допросов Уилт положил голову на стол. Через минуту они вернутся и опять начнут задавать вопросы, но лучше поспать хотя бы минуту. Поспать. Только бы они дали ему выспаться. Как там Флинт сказал? «Подпиши признание и спи, сколько твоей душе угодно». Уилт поразмыслил над этим высказыванием и таящимися в нем возможностями. Признание? Оно должно быть достаточно достоверным, чтобы дать им работу, пока он не отоспится, и в то же время достаточно диким, чтобы быть отвергнутым судом. Оттянуть время, пока не вернется Ева и тем самым не докажет его невиновность. Что-то вроде «Шейна», чтобы занять газовщиков из второй группы и дать ему возможность помечтать о том, как он засунет Еву на дно шурфа. Следует придумать нечто посложнее, чтобы задействовать их на все сто. Как он их убил? Забил до смерти в ванной комнате? Там мало крови. Даже Флинт вынужден это признать. Так как? Какая смерть предпочтительнее? Бедняга Пинкертон выбрал тихую смерть, присоединив к выхлопной трубе шланг... Пожалуй, подойдет. Но почему? Должен же быть мотив. Ева путалась с доктором Прингшеймом? С этим ублюдком? Да ни за что на свете. Ева на него бы и не взглянула. А откуда это знать Флинту? И при чем здесь эта сучка Салли? Развлекались втроем? Что же, так можно объяснить, почему он убил всех троих. Опять же наличествует мотив, доступный пониманию Флинта. Кроме того, на той вечеринке вполне могло нечто подобное произойти. Значит, он взял шланг... Какой шланг? Шланг тут ни к чему. Пошли в гараж, чтобы сбежать от остальных? Все-таки придется остановиться на ванной комнате. Ева и Гаскелл занимались любовью в ванне? Уже лучше. Он выбивает дверь в припадке ревности. Совсем хорошо. Потом он их топит. Салли поднимается наверх, и ему приходится убить и ее. Вот и объяснение пятнам крови. Она сопротивлялась. Он не собирался ее убивать, но она упала в ванну. Просто великолепно. Однако куда же он их дел? Тут надо подумать. Тут Флинта на что-нибудь примитивное, вроде реки, не купишь. Это должно быть такое место, которое бы объясняло, почему он засунул куклу в яму. Флинт прочно вбил себе в голову, что кукла была частью отвлекающей тактики. Значит, объясняя, что он сделал с телами, он должен

учитывать фактор времени.

Уилт встал и попросился в туалет. Как обычно, его сопровождал констебль.

– Зачем это нужно? – спросил Уилт. – Я не собираюсь вешаться на цепочке.

– Чтоб ты не попортил себе мясо, – ответил констебль хриплым голосом.

Уилт сел на унитаз. Попортить мясо. Ну и выраженьице. Сразу вспоминаются мясники из первой группы. Мясники? В этот момент на него снизошло вдохновение. Уилт встал и спустил воду. Мясники из первой группы займут полицию надолго. Он вернулся в бледно-зеленую комнату с жужжащей лампой. Флинт ждал его.

– Будешь говорить? – спросил он.

Уилт отрицательно покачал головой. Чтоб его признание звучало убедительно, надо заставить их вытаскивать его из него клещами. Он будет колебаться, начинать что-то говорить, замолкать, снова начинать, умолять Флинта перестать его мучить, ныть и начинать все сначала. По крайней мере, это не даст ему заснуть.

– Вы собираетесь начать все сначала? – спросил он.

Инспектор Флинт угрожающе улыбнулся.

– Все сначала.

– Ладно, – сказал Уилт, – делайте что хотите. Только не спрашивайте, чем именно я кормил собаку. Меня мутит от этих разговоров о собачьей еде.

Инспектор Флинт проглотил приманку.

– Почему же?

– Действует мне на нервы, – ответил Уолт, содрогнувшись.

Инспектор Флинт перегнулся через стол.

– Собачья еда действует тебе на нервы? – сказал он.

Уилт колебался с жалким видом.

– Не надо об этом, – попросил он. – Пожалуйста, не надо.

– Так что это было, каша или мясо? – спросил почуявший кровь инспектор.

Уилт схватился руками за голову. – Я ничего не скажу. Не скажу. Зачем вы все время спрашиваете о еде? Оставьте меня в покое. – Голос его поднялся до истерических нот, а вместе с ним и надежды инспектора Флинта. Он понял, что нашел то самое слабое место. Теперь он все узнает.

– Бог ты мой, – сказал сержант Ятц, – но мы ведь вчера ели свиной паштет за обедом. Кошмар какой!

Инспектор Флинт прополоскал рот черным кофе и сплюнул в раковину. Его уже два раза вырвало, и он чувствовал, что третьего раза не миновать.

– Я знал, что будет что-то из ряда вон, – сказал он с содроганием, – я знал, и все. У человека, способного на такие шутки с куклой, наверняка есть за душой какая-нибудь особая мерзость.

– Так может, их уже полностью съели? – спросил сержант. Флинт взглянул на него так, как будто хотел убить.

– Ты что думаешь, он зря прокладывал ложный след? – спросил он. – Хотел выждать, пока их окончательно не поглотят. Его выражение «поглотят», не мое. Ты в курсе, сколько паштет может храниться?

Ятц покачал головой.

– Дней пять. Ну, шесть. Его сделали во вторник, значит, у нас есть один день, чтобы собрать то, что осталось. Я требую, чтобы собрали весь паштет в Восточной Англии. Я требую, чтобы каждый блядский кусок колбасы, бифштекс или пирог с почками, вышедший из ворот фабрики мясной кулинарии, был найден и доставлен сюда И каждая банка с собачьей едой.

– Собачьей едой?

– Ты меня слышал, – ответил инспектор Флинт и, пошатываясь, направился в ванную комнату. – Заодно собери и еду для кошек. С Уилтом никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Он вполне способен какой-нибудь мелочью снова завлечь нас на ложный путь.

– Но если они пошли в мясной пирог, то при чем здесь собачья еда?

– А куда он подевал всякие остатки? – с яростью спросил инспектор Флинт. – Ты что думаешь, он хотел, чтобы люди приходили и жаловались, что в купленном утром пироге им попался зуб или ноготь? Только не Уилт. Эта свинья все предусмотрел. Утопил в собственной ванне. Положил в пластиковые пакеты и закрыл в гараже, потом поехал домой и сунул куклу в эту чертову дыру. В воскресенье он вернулся, взял трупы и целый день провел на мясной фабрике один-одинешенек... Если пожелаешь узнать, что он там целый день делал, почитай его заявление. Мой желудок этого не выдерживает.

Инспектор рванулся в туалет. С понедельника он питался почти исключительно свиным паштетом. Со статистической точки зрения шансы на то, что он откушал миссис Уилт, были чрезвычайно высоки.

Когда в восемь утра фабрика мясной кулинарии открылась, инспектор Флинт уже стоял у дверей. Он ворвался в кабинет управляющего и потребовал, чтобы ему дали возможность с ним поговорить.

– Он еще не приходил, – сказала секретарша. – Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

– Мне нужен список всех магазинов и заведений, которые вы снабжаете свиным паштетом, бифштексами, пирогами с почками, колбасой и собачьими консервами.

– Я никак не могу дать вам эти данные, – сказала секретарша. – Они строго для служебного пользования.

– А почему, собственно? Что там такого секретного?

– Вообще-то, я не знаю. Просто я не могу взять это на себя, в смысле – дать вам такую внутреннюю информацию... – Она замолчала. Инспектор Флинт смотрел на нее с перекошенным лицом.

– Что ж, мисс, – сказал он наконец, – поговорим о внутренней информации. Может, вам интересно будет узнать, что состав вашего свиного паштета крайне любопытен, и информация об этом жизненно важна.

– Жизненно важна? Не понимаю. Наш паштет включает абсолютно доброкачественные ингредиенты.

– Доброкачественные? – завопил инспектор. – Вы называете три человеческих тела доброкачественными? Вы называете сваренные, обескровленные, покрошенные и приготовленные останки трех убитых людей доброкачественными?

– Мы используем только... – секретаршу повело в сторону, и она свалилась со стула в глубоком обмороке.

– Ради всего святого, – закричал инспектор, – кто бы мог подумать, что глупая гусыня, которая работает на бойне, окажется такой чувствительной. Выясните, кто здесь главный, где он живет, и скажите ему, чтобы мчался сюда на всех парах.

Он уселся в кресло, а сержант Ятц начал рыться в бумагах на столе.

– Просыпайся-поднимайся, – сказал инспектор, подталкивая секретаршу ногой. – Уж если кто и вправе полежать в рабочее время, так это я. Три дня и три ночи на ногах и к тому же соучастник в убийстве.

– Соучастник? – переспросил сержант. – Не понимаю, каким образом?

– Не понимаешь? А как ты назовешь того, кто помогает частично избавиться от жертвы? Соккрытие улик?

– Я как-то об этом не подумал, – сказал Ятц.

– А я подумал, – сказал инспектор. – Я ни о чем другом и думать не могу.

* * *

Лежа в своей камере, Уилт умиротворенно смотрел в потолок. Оказалось так просто, что он даже удивился. От вас только требуется сказать людям то, что они хотят услышать, и они поверят самому невероятному. А три бессонных дня и ночи притупили бдительность инспектора Флинта. К тому же Уилт так правдоподобно колебался, а его окончательное признание было великолепной смесью бахвальства и прозаических деталей. Он хладнокровно и точно описал детали убийства, как избавлялся от трупов. Он рассказывал, как мастеровой, гордящийся проделанной работой. Каждый раз, будучи в затруднении, он впадал в маниакальную надменность, смесь бахвальства и трусости, повторяя: «Вы ничего не докажете. От них и следа не осталось». Тут пригодился и антисептик, придав всему рассказу зловещий оттенок реальности: улики спускались по тысячам труб, а вслед сыпался антисептик, как соль из солонки. Еве понравится, когда он ей об этом расскажет, чего нельзя было сказать об инспекторе. Он даже был не в состоянии оценить по достоинству сарказм Уилта, когда тот сказал, что, пока инспектор искал Прингшеймов, они были у него прямо под носом. Особенно он был расстроен замечанием о реакции желудка и советом в будущем есть только здоровую пищу. Да, несмотря на усталость, Уилт получил удовольствие, наблюдая, как ликование и удовлетворение в налитых кровью глазах

инспектора уступает место сначала удивлению, а затем неприкрытому отвращению. А когда в финале Уилт стал хвастаться, что им никогда не привлечет его к суду за неимением улик, реакция Флинта превзошла все ожидания.

– Еще как привлечем, – хрипло закричал он. – Если остался хотя бы один кусок паштета из этой партии, мы его разыщем, и парни из лаборатории...

– Обнаружат там только свинину, – успел сказать Уилт, прежде чем его уволокли в камеру. По крайней мере это была чистая правда, и, если Флинт не поверил, пусть пеняет на себя. Он жаждал признания, и он его получил благодаря мясникам из первой группы, которые на его занятиях часами рассказывали ему о делах на мясной фабрике, а однажды днем даже повели его туда на экскурсию и все показали. Славные ребята. А ведь когда-то он их терпеть не мог. Подумать только, как можно ошибаться в людях. В какой-то момент Уилт подумал, а не ошибается ли он и насчет Евы: и, может быть, ее действительно нет уже в живых – но тут же крепко заснул.

* * *

Со своей позиции на кладбище Ева видела, как святой отец Джон Фрауд вышел из дома, спустился к пристани и начал грести в сторону камышей. Теперь, когда викария дома не было, она была готова рискнуть и предстать перед его женой. Она прокралась через кладбищенскую калитку и огляделась. Дом имел неухоженный вид, а гора бутылок из-под виски и джина в углу наводила на мысль, что, вполне вероятно, викарий холост. Все еще прижимая к себе плющ, она подошла к двери, по-видимому, ведущей в кухню, и постучала. Никто не отозвался. Ева подошла к окну и заглянула. Большая кухня была неприбрана и являла все признаки холостяцкого бытия. Вернувшись к двери, Ева снова постучала. Пока она размышляла, что же делать дальше, послышался шум приближающегося автомобиля.

Поколебавшись секунду, Ева толкнула дверь. Та оказалась незапертой. Она едва успела войти и прикрыть за собой дверь, как во двор въехал фургон молочника. Ева стояла, прислушиваясь, пока он не поставил несколько бутылок и не уехал. Тогда она повернулась и по коридору прошла в гостиную. Только бы найти телефон, позвонить Генри, чтобы он приехал и забрал ее. Она могла бы подождать его в церкви. Но гостиная было пуста. Ева заглянула в другие комнаты и обнаружила, что в них почти нет мебели, а та, что стояла, была зачехлена. Кругом царил грязь и беспорядок. Определенно, викарий – холостяк. Наконец она набрела на кабинет. На столе стоял телефон. Ева подошла, сняла трубку и набрала Ипфорд 66066. Ответа не было. Наверное, Генри в техучилище. Она набрала номер техучилища и попросила Уилта.

– Уилта? – переспросила девушка на коммутаторе. – Мистера Уилта?

– Да, – подтвердила Ева негромко.

– Боюсь, что его нет, – ответила девушка.

– Как нет? Он должен быть там.

– И все же его нет.

– Но он должен быть. Мне совершенно необходимо с ним связаться.

– Простите, но я не могу вам помочь, – сказала девушка.

– Но... – начала Ева и посмотрела в окно. Викарий уже вернулся и шел через сад к дому. – Господи, – пробормотала она и поспешно положила трубку. В панике она

повернулась и выбежала из комнаты. И только вбежав в кухню, она вспомнила, что забыла свой плющ в кабинете. В коридоре послышались шаги. Ева торопливо огляделась, решила на кладбище не возвращаться и поднялась по каменным ступеням на второй этаж. Там она остановилась и прислушалась. Сердце бешено колотилось. Она было совершенно голая, одна, в чужом доме, со священником, а Генри нет в техучилище, хотя он должен быть там. И голос у девушки с коммутатора был какой-то странный, как будто в ее желании поговорить с Генри было что-то плохое. Ева просто не знала, что делать.

* * *

Вошедший в кухню святой отец Джон Фрауд прекрасно знал, что делать: стереть из памяти видение ада, в который его заманили эти подлые штуки с непонятными посланиями, летающие над водой. Он вынул из буфета непочатую бутылку виски и понес ее в кабинет. То, чему ему пришлось быть свидетелем, было так гротескно, так явно дурно, так ужасно и так напоминало сам ад, что святой отец никак не мог решить, было ли все это реальностью или ужасным сном. Человек без лица со связанными за спиной руками, размалеванная женщина с ножом, ругань... Святой отец откупорил бутылку и уже совсем собрался было налить стаканчик, как взгляд его упал на плющ, забытый Евой на стуле. Он поспешно поставил бутылку и устоялся на листьях. Еще одна загадка. Как попали плети плюща на стул в его кабинете? Когда он уходил, их точно не было. Викарий осторожно взял их и перенес на стол. Потом сел и стал разглядывать с растущим чувством беспокойства. Что-то непонятное происходило в его мире. И эта странная фигура, мелькающая меж надгробных плит. Он совсем о ней забыл. Святой отец Джон Фрауд поднялся, вышел на террасу и направился по дорожке к церкви.

* * *

– В воскресенье? – завопил управляющий фабрикой. – В воскресенье? Но мы не работаем по воскресеньям. Там никого нет. Фабрика закрыта.

– Не в это воскресенье, а в прошлое там кое-кто был, мистер Кидни^[15]. – заметил инспектор.

– Кидли, если не возражаете, – поправил управляющий. – Кидли, через «л».

Инспектор кивнул.

– Хорошо, мистер Кидли, так вот, я говорю, что этот парень, Уилт, был там в прошлое воскресенье, и он...

– Как он туда попал?

– Перелез через стену по лестнице со стороны стоянки для машин.

– Среди бела дня? Его бы заметили.

– В два часа утра, мистер Кидли.

– Кидли, инспектор, Кидли.

– Послушайте, мистер Кидли, что же вы хотите – работаете в таком заведении с такой фамилией.

Мистер Кидли взглянул на него с возмущением.

– А вы что, хотите сказать, что какой-то чертов маньяк забрался сюда в прошлое воскресенье с тремя человеческими трупами и целый день на нашем оборудовании перерабатывал их в пищу, пригодную к употреблению в соответствии с законом о качестве продуктов? Да как такое может в голову... Голову? А что он сделал с головами? Ну-ка, скажите мне.

– А что вы делаете с головами, мистер Кидли? – спросил инспектор.

– Ну, это зависит. Часть из них вместе с внутренностями перерабатывается в пищу для животных.

– Правильно. Так же поступил и Уилт. И вы храните эту продукцию в холодильнике № 2? Верно?

Мистер Кидли кивнул с несчастным выражением лица.

– Верно. – Он помолчал и с открытым ртом уставился на инспектора. – Но ведь есть огромная разница между свиной головой и головой...

– Конечно-конечно, – перебил инспектор поспешно, – вы полагаете, что кто-нибудь должен был заметить разницу.

– Вне всякого сомнения.

– Как утверждает мистер Уилт, у вас имеется высокоэффективный смеситель...

– Нет, – в отчаянии завопил мистер Кидли, – нет, не верю. Это невозможно. Это...

– Вы хотите сказать, что в принципе невозможно...

– Я не это имел в виду. Я просто хотел сказать, что он не мог так поступить. Это чудовищно. Это ужасно.

– Конечно, это ужасно, – сказал инспектор, – но факт остается фактом – он воспользовался вашей машиной.

– Мы сохраним наше оборудование в идеальной чистоте.

– Уилт говорит то же самое. Особенно это подчеркивал. Сказал, что все потом тщательно вычистил.

– Судя по всему, так он и сделал, – сказал мистер Кидли.

– В понедельник все было в порядке. Вы сами слышали, как мастер об этом говорил.

– Я также слышал, как эта свинья Уилт говорил, что он тщательно записывал, где что брал, чтобы затем вернуть точно на место. Он обо всем подумал.

– А как насчет нашей репутации в смысле гигиены? Об этом он подумал? Двадцать пять лет мы славились высоким качеством своей продукции, и надо же такому случиться! Мы возглавляли... – мистер Кидли осекся и сел.

– Сейчас мне нужно знать, кого вы снабжаете, – сказал инспектор. – Мы собираемся отозвать каждый фунт паштета и колбасы...

– Отозвать? Не выйдет, – взвизгнул мистер Кидли. – Их уже нет.

– Что значит нет? Что вы имеете в виду?

– То, что сказал. Нет. Их или съели или выбросили.

– Выбросили? Только не говорите мне, что ничего не осталось. Их сделали всего пять дней назад.

Мистер Кидли поднялся.

– Инспектор, наша фирма существует много лет, мы используем традиционные методы, и наш свиной паштет – это настоящий свиной паштет, а не какой-нибудь эрзац с консервантами, который...

Пришла очередь инспектора бессильно опуститься на стул.

– Если я правильно понял, ваши ебаные паштеты не подлежат хранению?

Мистер Кидли кивнул.

– Они для немедленного употребления, – сказал он с гордостью. – Сегодня есть, завтра уж след простыл. Наш девиз. Наверное, видели рекламу?

Инспектор Флинт не видел.

– Свежий паштет с ароматом прошлого, традиционный паштет с домашней начинкой.

– Насчет домашней начинки – в самую точку, – заметил инспектор Флинт.

* * *

Мистер Госдаик скептически оглядел Уилта и покачал головой.

– Надо было меня слушаться, – сказал он. – Я же велел вам молчать.

– Я вынужден был что-то сказать, – ответил Уилт. – Они не давали мне спать и снова и снова задавали те же глупые вопросы. Вы и представить не можете, как это на меня действовало. Я чуть не свихнулся.

– По правде сказать, мистер Уилт, в свете сделанного вами признания трудно поверить, что у вас была такая возможность. Только совершенно безумный человек по доброй воле способен сделать такое заявление.

– Но ведь это же все вранье, – сказал Уилт. – чистая выдумка.

– С массой самых тошнотворных подробностей? Должен заметить, в это трудно поверить. Очень трудно. Например, насчет бедер и ляжек... Просто выворачивает наизнанку.

– Так то ж из Библии, – сказал Уилт, – и кроме того, мне пришлось добавить кое-какие живописные детали, иначе бы они не поверили. К примеру, я сказал, что я отпилил их...

– Мистер Уилт, ради всего святого...

– Я только могу сказать, что вы никогда не преподавали в классе у мясников. Все это я узнал от них, и уж если вы преподаете в таком классе, вас в жизни мало что удивит.

Брови мистера Госдайка поползли вверх.

– Мало? Полагаю, что могу развеять это ваше убеждение, – сказал он торжественно. – Ввиду того что вы сделали признание вопреки моему настойчивому совету, а также потому, что я верю каждому слову в нем, я в дальнейшем не собираюсь выступать от вашего имени. – Он собрал бумаги и встал. – Вам придется найти адвоката.

– Постойте, мистер Госдаик, неужели вы верите всей этой чепухе насчет паштета из Евы? – спросил Уилт.

– Верю? Да человек, способный придумать такую гадость, не остановится ни перед чем. Да, я верю. Кстати, и полиция тоже. В данный момент они рыщут по магазинам, ресторанам, супермаркетам и помойкам по всему округу в поисках свиного паштета.

– Даже если они его найдут, им это не поможет.

– Возможно, вам интересно будет узнать, что они конфисковали пять тысяч банок собачьих консервов, столько же кошачьих и четверть тонны других продуктов этой фабрики? И во всем этом они обязательно найдут следы миссис Уилт, не говоря уж о докторе и миссис Прингшейм.

– Ну, мне только остается пожелать им удачи, – сказал Уилт.

– Присоединяюсь к этому пожеланию, – сказал мистер Госдаик с неприязнью и покинул комнату. Уилт вздохнул. Только бы появилась Ева. Куда она, черт побери,

Находящийся в полицейской лаборатории инспектор Флинт начал проявлять признаки нетерпения.

– Побыстрее нельзя? – спросил он.

Начальник отделения судебной медицины отрицательно покачал головой.

– Все равно что искать иголку в стоге сена, – заметил он, многозначительно оглядев еще одну только что доставленную партию колбасы. – Пока никаких следов. Тут могут потребоваться недели.

– У меня нет столько времени, – сказал инспектор, – у него суд в понедельник.

– Только для взятия под стражу. Кроме того, у вас же его признание.

Но здесь у инспектора были свои сомнения. Он изучил признание и успел заметить несколько несообразностей, которые усталость, отвращение и всепоглощающее желание поскорее закончить чтение этого мерзкого документа, пока его не вырвало, помешали ему заметить раньше. Если рассмотреть получше, то Уилтовы каракули вместо подписи выглядели подозрительно по-детски. К тому же рядом он приписал четыре буквы – QNED, что, как догадывался прозорливый Флинт, означало Quod Non Erad Demonstrandum^[16]. Более того, на его полицейский вкус там было слишком много про свиней, к тому же волосатых. Следовало также иметь в виду, что Уилт специально заказал на обед две порции свиного паштета производства именно этой фабрики. Можно было предположить здесь тягу к людоедству, что вполне вписывалось в общую картину, но все же это был явный перебор. На ум невольно приходило слово «провокация», а после истории с куклой Флинт был особо чувствителен к дурной славе. Он еще раз прочел признание, но к какому-нибудь определенному выводу не пришел. Одно было ясно. Уилт прекрасно осведомлен о том, как работает фабрика по производству мясной кулинарии. Свидетельство тому – куча сообщенных им деталей. С другой стороны, сомнения мистера Кидли насчет смесителя имели под собой веские основания. Флинт с опаской осмотрел жуткое сооружение и не смог поверить, что даже Уилт, этот маньяк-убийца, был способен... Флинт выбросил эту мысль из головы и решил еще немного поговорить с Уилтом. Он вернулся в комнату для допросов в омерзительном настроении и послал за Уилтом.

– Ну, как дела? – спросил Уилт. – Повезло вам с франкфуртерами? Конечно, вы еще можете попытаться найти что-нибудь в пудинге...

– Уилт, – спросил инспектор, – почему ты подписал свое признание детским почерком?

Уилт сел.

– Наконец-то вы это заметили, не так ли? Должен сказать, вы очень наблюдательны.

– Я задал тебе вопрос.

– Правильно. – сказал Уилт. – Давайте будем считать, что это вполне соответствовало обстоятельствам.

– Обстоятельствам?

– Я же колосся, кажется, так у вас говорят, чтобы иметь возможность поспать, поэтому вполне естественно...

– Ты что, хочешь сказать, что все выдумал?

– А что же еще, черт побери? Не думаете же вы, что я способен навязать Прингшеймов и Еву в виде свиного паштета ничего не подозревающей публике? Я хочу сказать, должен же быть предел вашей доверчивости?

* * *

Инспектор Флинт смотрел на него широко открытыми глазами.

– Бог мой, Уилт, если я выясню, что ты это все придумал...

– А что еще вы можете сделать? – перебил Уилт. – Вы уже обвинили меня в убийстве. Чего вы еще хотите? Вы приволокли меня сюда, унижали, орали на меня, сутками не давали мне спать и засыпали меня вопросами насчет собачьих консервов, объявили во всеуслышание, что я помогаю вам в расследовании убийства нескольких человек, заставив тем самым каждого гражданина этой страны поверить, что я зверски убил свою жену и этого проклятого биохимика...

– Заткнись, – заорал Флинт, – плевать мне на то, что ты думаешь. Меня волнует, что ты сделал и что ты сказал, что ты сделал. Ты вывернулся наизнанку, чтобы направить меня по ложному пути...

– Ничего такого я не делал, – сказал Уилт. – До вчерашнего дня я говорил вам только чистую правду, но вы не верили. Вчера я предложил вам, в абсурдной форме свиного паштета, ложь, которую вы так хотели услышать. Если вам нужна белиберда и, чтобы получить ее, вы используете такие незаконные методы, как лишение сна, не надо меня обвинять в том, что я выдал вам эту белиберду. Нечего приходить сюда и орать. Если вы дурак, то это ваша проблема. Лучше бы разыскали мою жену.

– Кто-нибудь, держите меня, а то я убью этого мерзавца, – завопил Флинт, выбегая из комнаты. Он прошел в кабинет и послал за сержантом Ятцем. – Прекратите эту возню с паштетом. Все это куча навоза.

– Навоза? – неуверенно переспросил сержант.

– Дерьма, – сказал Флинт. – Он снова взялся за свое.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что этот засранец снова нас надул.

– Но как он узнал про фабрику и все такое?

Флинт взглянул на него с жалостью.

– Хочешь знать, почему он ходячая энциклопедия, пойд и спроси сам.

Сержант Ятц вышел и вернулся через пять минут.

– Первая группа мясников, – произнес он загадочно.

– Что?

– Класс мясников, где он преподает. Они водили его туда на экскурсию.

– Господи, – вздохнул инспектор, – а есть кто-нибудь, кого этот говнюк не учил?

– Он говорит, от них можно многому научиться.

– Ятц, сделай мне одолжение. Пойди туда снова, и пусть он тебе перечислит классы, где он преподавал. Будем хоть знать, что нас ждет.

– Ну, он упоминал о штукатурах, газовщиках...

– Я хочу знать обо всех, Ятц, обо всех. Не хочу опять купиться на историю, что он спустил миссис Уилт в канализацию, потому что он преподавал в классе у говночистов. –

Взяв вечернюю газету, он стал просматривать заголовки.

ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ ПРОПАВШУЮ ЖЕНУ В ПАШТЕТЕ.

– Бог ты мой, – простонал он, – рекламу мы себе сделали что надо.

* * *

Такое же мнение высказал директор техучилища на собрании заведующих отделений.

– Мы превратились во всеобщее посмешище, – сказал он. – Во-первых, все теперь считают, что мы взяли за правило нанимать на работу преподавателей, которые закладывают своих нелюбимых жен в фундамент нового корпуса. Во-вторых, нам придется распроститься с надеждой получить звание политеха, поскольку нам уже отказали в повышении ранга училища на том основании, что наши возможности недостаточны для обеспечения высшего образования. Профессор Баксендейл весьма определенно высказался по этому поводу, особенно после услышанного им замечания одного из наших коллег относительно некрофилии...

– Я просто сказал... – начал доктор Боард.

– Мы все слышали, что вы сказали, доктор Боард. Может быть, вам интересно будет узнать, что доктор Кокс, когда он в ясном сознании, все еще отказывается от холодного мяса. Доктор Мейфилд уже подал прошение об отставке. А теперь еще это.

Он показал газету, через вторую полосу которой шел крупный заголовок:

ЛЕКЦИИ О СЕКСЕ ДЛЯ ПОТряСЕННЫХ СТУДЕНТОВ

– Полагаю, все обратили внимание на фотографию, – сказал директор с горечью, демонстрируя большую фотографию Джуди, болтающуюся на крюке в крайне неудачном ракурсе. – В статье написано... ладно, что об этом говорить. Сами прочтете. Я только хотел бы получить ответы на следующие вопросы. Кто распорядился закупить тридцать экземпляров «Последнего исхода из Бруклина»^[17] для групп наладчиков и слесарей?

Мистер Моррис попытался вспомнить, кто подписал заявку.

– Должно быть, Уоткинз, – предположил Моррис. – Он у них преподавал в прошлом семестре. Он у нас работал неполный день.

– Слава Богу, что неполный, – сказал директор. – Второе, кто из преподавателей завел привычку агитировать медсестер, чтобы они постоянно носили... противозачаточные колпачки?

– Мистер Седуик к ним равнодушен, – ответил доктор Моррис.

– К кому, сестрам или колпачкам? – спросил директор.

– Может, к тому и другому? – вкрадчиво вставил доктор Боард.

– Он большой противник противозачаточных таблеток, – добавил доктор Моррис.

– Пожалуйста, попросите мистера Седуика зайти ко мне в кабинет в десять утра в понедельник. Я объясню ему, на каких условиях он был принят на работу. И наконец, кто из преподавателей использует нашу видеотехнику для показа порнофильмов старшим секретарям?

Мистер Моррис энергично затряс головой.

– Это не мои, – сказал он.

– Здесь говорится, что такие фильмы демонстрировались на уроках, отведенных для обсуждения текущих событий, – сказал директор.

– Уэнтворт действительно показывал им «Влюбленную женщину», – признался заведующий кафедрой английского языка.

– Ладно, оставим. Вот еще что я хотел сказать. Мы не будем проводить вечерние занятия по первой медицинской помощи с особым упором на раны в брюшной полости, для чего мы собирались приобрести надувную куклу. Отныне мы по одежке будем протягивать ножки.

– На основании вздувшихся цен? – спросил доктор Боард.

– На том основании, что комитет по образованию уже много лет ждет не дождется возможности урезать наш бюджет, – сказал директор. – Теперь у них есть такая возможность. Тот факт, что мы оказываем обществу услугу, по словам мистера Морриса, «отвлекая с улиц большое число умственно неполноценных и потенциально опасных психопатов», остался незамеченным.

– По-видимому, он имел в виду учеников дневного отделения, – попытался поправить положение доктор Боард.

– Ничего подобного, – сказал директор. – Если я ошибаюсь, пусть Моррис меня поправит, но он имел в виду работников отделения гуманитарных наук.

Собрание на этом закончилось. Позднее мистер Моррис уселся писать заявление об увольнении по собственному желанию.

Из окна пустой спальни на втором этаже дома викария Ева Уилт наблюдала, как святой отец Джон Фрауд задумчиво шел по дорожке в направлении церкви. Как только она потеряла его из виду, она спустилась вниз, в кабинет. Нужно снова позвонить Генри. Раз его нет в техучилище, значит, он дома. Она подошла к столу и уже готова была снять трубку, как увидела плющ. О Господи, она совсем позабыла про плющ и оставила его там, где викарий непременно должен был его увидеть. Как все неприятно. Она набрала 34 Парквью и подождала. Никто не ответил. Тогда она набрала номер техучилища. Одновременно она не сводила глаз с кладбищенской калитки, чтобы не прозевать возвращение викария:

– Фенлендское художественно-техническое училище, – услышала она голос телефонистки.

– Это опять я, – сказала Ева – Мне нужен мистер Уилт.

– Очень жаль, но мистера Уилта нет.

– Где же он? Я звонила домой и...

– Он в полицейском участке.

– Как вы сказали? – переспросила Ева.

– Он в полицейском участке, помогает полиции в расследовании...

– В расследовании? В каком расследовании? – спросила Ева пронзительным голосом.

– Разве вы не знаете? – спросила девушка. – Во всех газетах писали об этом. Он убил свою жену и...

Ева отняла телефонную трубку от уха и в ужасе уставилась на нее. Девушка еще что-то говорила, но Ева уже не слушала. Генри убил свою жену. Но ведь его жена – она. Это же бред какой-то. Ее не могли убить. На какой-то момент Ева почувствовала, что теряет рассудок. Затем снова приблизила трубку к уху.

– Вы меня слушаете? – спросила девушка.

– Но я – его жена, – закричала Ева. Последовала длинная пауза, и она услышала, как на другом конце провода девушка говорила кому-то, что звонит какая-то сумасшедшая, которая утверждает, что она миссис Уилт, и спрашивала у кого-то, что ей отвечать.

– Говорю вам, я миссис Ева Уилт, – закричала она, но в трубке послышались короткие гудки. Ослабевшей рукой Ева положила трубку. Генри в полицейском участке... Генри ее убил... Господи! В этом мире все сошли с ума. И она здесь в чем мать родила в доме викария... Ева не имела представления, где она находится. Она набрала 999.

– Справочная слушает. С кем вас соединить? – спросила телефонистка.

– С полицией, – ответила Ева. – Послышался щелчок и затем мужской голос.

– Полиция слушает.

– Это миссис Уилт, – сказала Ева.

– Миссис Уилт?

– Миссис Ева Уилт. Правда ли, что мой муж убил... Я хочу сказать, что мой муж... Господи, я не знаю, что сказать.

– Вы говорите, что вы миссис Уилт, миссис Ева Уилт? – спросил мужской голос.

Ева кивнула и сказала:

– Да.

– Так-так, – сказал мужчина с сомнением. – Вы совершенно уверены, что вы миссис

Уилт?

– Конечно, я уверена. Я потому и звоню.

– Можно поинтересоваться, откуда вы звоните?

– Не знаю, – сказала Ева. – Понимаете, я в этом доме, и у меня нет одежды... О

Господи! – Викарий возвращался по дорожке к дому.

– Дайте мне ваш адрес.

– Я больше не могу говорить, – сказала Ева и повесила трубку. Чуть поколебавшись, она схватила плющ и выбежала из комнаты.

* * *

– Говорю вам, не знаю я, где она, – сказал Уилт. – Наверное, вы могли бы найти ее в списке пропавших лиц. Из сферы реальности она переместилась в сферу абстракции.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду? – спросил инспектор, протягивая руку за чашкой кофе. Было уже воскресенье, одиннадцать часов утра, но Флинт стоял на своем. Оставалось двадцать четыре часа, чтобы добиться правды.

– Я всегда предупреждал ее, что трансцендентальная медитация таит опасности, – сказал Уилт, пребывая в смутном состоянии между сном и бодрствованием. – Но она продолжала.

– Что продолжала?

– Трансцендентально медитировать. В позе лотос. Может, на этот раз она зашла слишком далеко. Возможно, произошла метаморфоза.

– Мета что? – подозрительно спросил инспектор.

– Превратилась каким-то чудесным способом во что-то другое.

– Уилт, ради всего святого, если ты опять про этот свиной паштет...

– Я имел в виду что-то духовное, прекрасное, инспектор.

– Сильно сомневаюсь.

– Да вы сами подумайте. Вот я сижу здесь с вами, в этой комнате, и все это происходит от моих прогулок с собакой и мрачных мыслей об убийстве своей жены. В результате пустых мечтаний я приобрел репутацию убийцы, не совершив никакого убийства. Кто возьмется утверждать, что Ева, чьи мысли были однообразно прекрасны, не заработала равнозначно прекрасного вознаграждения? Как вы любите говорить, инспектор, что посеешь, то и пожнешь.

– Я уповаю на это, Уилт, – сказал инспектор.

– Да, но где же она? – спросил Уилт. – Объясните мне. Тут нужны не просто предположения, а...

– Мне тебе объяснить? – заорал инспектор, опрокинув чашку с кофе. – Это ты знаешь, в какую дыру ты ее засунул, в какой смеситель для цемента или инсинератор.

– Я говорил метафорически... то есть риторически, – сказал Уилт. – Пытался представить, во что бы превратилась Ева, если бы ее мысли, какие ни есть, стали реальностью. Я в душе мечтал стать безжалостным человеком действия, решительным, плюющим на мораль и угрызения совести, Гамлетом, превратившимся в Генриха Пятого, только без той патриотической страсти, которая заставляет предполагать, что он бы не одобрил Общий рынок, Цезарем...

С инспектора Флинта было довольно.

– Уилт, – прорычал он, – плевать я хотел на то, кем ты собирался стать. Мне нужно знать, что случилось с твоей женой.

– Я как раз собирался об этом сказать, – заметил Уилт. – Сначала надо разобраться, что я за человек.

– Я знаю, что ты за человек, Уилт. Проклятый болтун, жонглирующий словами, шибанутый убийца логики, лингвистический Гудини^[18], энциклопедия никому не нужных сведений... – На этом метафоры у инспектора Флинта кончились.

* * *

– Блестяще, инспектор, просто блестяще. Сам бы лучше не сказал. Убийца логики, увы, не своей жены. Разумно рассуждая, Ева, несмотря на ее прекрасные мысли и медитацию, на самом деле так же мало изменилась, как и я. Потустороннее ее избегает. Нирвана ускользает у нее из рук. Красота и правда ей не даются. Она носится за чистотой с мухобойкой в руке и посыпает антисептиком унитаза самого ада...

– Ты говоришь об этом антисептике, наверное, уже в десятый раз, – сказал инспектор, внезапно обеспокоенный новым ужасным подозрением. – Ты не...

Уилт отрицательно покачал головой.

– Вы опять за свое. Совсем как бедная Ева. Буквальный ум, который стремится поймать мимолетное и ухватить фантазию за несуществующее горло. Вот вам Ева. Ей никогда не танцевать в «Лебедином озере». Ни один режиссер не разрешит ей залить сцену водой и водрузить там двуспальную кровать. А Ева будет стоять на своем.

Инспектор встал.

– Так мы ничего не добьемся.

– Абсолютно точно, – согласился Уилт, – совершенно ничего. Мы все такие, какие мы есть, и, что бы мы ни делали, нам этого не изменить. Форма, в которой отливались наши характеры, остается целехонькой. Назовите это наследственностью, назовите это случайностью...

– Назовите это кучей дерьма, – закончил инспектор и вышел из комнаты.

В коридоре он встретил сержанта Ятца.

– Был телефонный звонок от женщины, которая выдает себя за миссис Уилт, – сообщил сержант.

– Откуда?

– Она не говорит, где она, – ответил Ятц. – Говорит, не знает... и что она голая...

– Господи, опять одна из этих чертовых психопаток, – сказал инспектор. – Что ты у меня зря время отнимаешь? Как будто у нас без того мало хлопот.

– Я подумал, вы захотите узнать. Если она еще позвонит, мы засечем номер.

– Мне без разницы, – сказал Флинт и заторопился прочь, в надежде наверстать упущенное и поспать.

* * *

День у святого отца Джона Фрауда выдался беспокойный. Осмотр церкви ничего не дал.

Не было никаких признаков, что там был совершен какой-либо непристойный ритуал (святому отцу пришла на ум черная месса). Возвращаясь в дом, он с удовлетворением отметил, что небо над проливом Ил было чистым и что все презервативы исчезли. Как и плющ с его стола. Он мрачно оглядел стол и налил себе виски. Он мог поклясться, что, когда он уходил, ветвь плюща лежала на столе. К тому времени, когда он прикончил бутылку, в его голове роились всякие фантастические мысли. В доме было на удивление шумно. Слышался какой-то скрип на лестнице и непонятные звуки наверху, как будто кто-то или что-то там осторожно передвигается. Когда же викарий поднялся на второй этаж, чтобы посмотреть, в чем дело, звуки внезапно прекратились. Заглянув во все пустые спальни, он снова спустился на первый этаж и постоял в холле, прислушиваясь. Затем прошел в кабинет и попытался сконцентрироваться на проповеди. Но ощущение, что он в доме не один, не проходило. Святой отец сидел за столом и размышлял, не могут ли это быть привидения. Происходило что-то странное. В час дня он пошел на кухню пообедать и обнаружил, что из буфета исчез пакет молока, а также остатки яблочного пирога, который миссис Снейп, приходящая убираться, приносила ему дважды в неделю. Ему пришлось довольствоваться бобами и тостом, после чего он поплелся наверх вздремнуть. В этот момент он впервые услышал голоса. Вернее, один голос. Казалось, он доносился из кабинета. Святой отец сел в постели. Если уши не обманывали его, а в связи с утренними сверхъестественными событиями он вполне допускал, что такое вполне могло быть, он мог поклясться, что кто-то пользовался его телефоном. Он встал и надел ботинки. Кто-то плакал. Он вышел на лестничную площадку и прислушался. Рыдания прекратились. Он спустился вниз и заглянул во все комнаты, но кроме того, что исчез чехол с одного из стульев в гостиной, которой он не пользовался, ничего не обнаружил. Он уже хотел снова подняться наверх, как зазвонил телефон. Святой отец вошел в кабинет и снял трубку.

– Дом викария в Уотеруике, – пробормотал он.

– Фенлендское полицейское управление, – сказал мужской голос. – К нам только что поступил звонок с вашего номера. Звонившая назвалась миссис Уилт.

– Миссис Уилт? – спросил викарий. – Миссис Уилт? Боюсь, здесь какая-то ошибка. Я не знаю никакой миссис Уилт.

– Звонили с вашего номера, это точно, сэр.

Святой отец Джон Фрауд немного подумал.

– Очень странно, – сказал он. – Я живу один.

– Вы – викарий?

– Разумеется, я викарий. Это дом викария, и я викарий.

– Понятно, сэр. Не назовете ли ваше имя?

– Преподобный Джон Фрауд. Ф...Р...А...У...Д.

– Ясно, сэр. И у вас точно нет женщины в доме?

– Разумеется, у меня нет женщины в доме. Я нахожу это предположение крайне неприличным. Я...

– Прошу прощения, сэр, но мы должны были проверить. Позвонила миссис Уилт. По крайней мере, она так назвалась. И звонила она с вашего телефона...

– Кто такая эта миссис Уилт? Никогда не слыхал о миссис Уилт.

– Понимаете, сэр, миссис Уилт... несколько сложно все объяснить. Предположительно она убита.

– Убита? – переспросил святой отец. – Вы сказали «убита»?

– Давайте скажем, что она исчезла из дома при странных обстоятельствах. Мы сейчас допрашиваем ее мужа.

Святой отец Джон Фрауд покачал головой.

– Вот не повезло, – пробормотал он.

– Спасибо за помощь, сэр, – сказал сержант. – Извините за беспокойство.

Святой отец задумчиво положил трубку. Мысль о том, что он находился в доме с недавно убитой и расчлененной женщиной, пришла ему в голову, но делиться ею со звонившим ему не захотелось. Он и так был достаточно широко известен как эксцентричный человек, и ему вовсе не хотелось усиливать это впечатление. С другой стороны, то, что он видел на катере в проливе Ил, если хорошо подумать, здорово смахивало на убийство. Возможно, каким-то странным образом он оказался свидетелем уже свершившейся трагедии, эдакого посмертного спектакля, если можно так сказать. Разумеется, если мужа допрашивают, значит, убийство произошло до того, как... в этом случае... Святой отец с трудом пробирался сквозь целую серию предположений, в которых фигурировали само Время и призывы о помощи из потустороннего мира. Может быть, он должен рассказать полиции об увиденном? Он колебался и раздумывал, как лучше поступить, когда снова услышал рыдания, и на этот раз очень четко. Они раздавались из соседней комнаты. Он встал, собрался с духом при помощи глотка виски и открыл дверь. В центре комнаты стояла крупная женщина, спутанные волосы в беспорядке распущены по плечам, жалкое лицо. На ней было что-то вроде савана. Святой отец Джон Фрауд с ужасом уставился на нее. Затем опустился на колени.

– Давайте помолимся, – хрипло прошептал он.

Жуткий призрак тяжело упал на колени, прижимая к груди саван. Хором они начали молиться.

* * *

– Проверить? Что, черт побери, ты собираешься проверять? – сказал инспектор Флинт, которому здорово не понравилось, что его разбудили в середине дня, когда он пытался хоть немного поспать после тридцати шести бессонных часов. – Сначала ты меня будишь, чтобы сообщить какую-то бредовину насчет викария по имени Зигмунд Фрейд...

– Джон Фрауд, – поправил Ятц.

– Плевать, как его зовут. Все равно это неправдоподобно. Если этот чертов парень говорит, что ее там нет, значит, ее там нет. Что я теперь должен делать?

– Просто я подумал, может, послать патрульную машину и проверить. Вот и все.

– Почему ты думаешь...

– Мы знаем точно, что женщина, назвавшаяся миссис Уилт, звонила с этого номера. Она уже дважды звонила. Второй разговор мы записали на пленку. Она сообщила некоторые подробности о себе, и они выглядят правдоподобно. Дата рождения, адрес, место работы Уилта, даже как зовут собаку и что у них в гостиной желтые занавески.

– Ну это тебе любой дурак скажет. Достаточно пройти мимо дома.

– И имя собаки. Ее зовут Клем. Я проверял, все сходится.

– А она случайно не сказала, где пропадала всю неделю?

– Она сказала, что была на катере, – ответил Ятц. – И повесила трубку.

Инспектор Флинт сел в постели.

– Катер? Какой катер?

– Она положила трубку. Да, она еще сказала, что носит обувь десятого размера. И это правда.

– Мать твою за ногу, – сказал Флинт. – Ладно, сейчас приеду. – Он вылез из постели и начал одеваться.

* * *

Уилт лежал в своей камере, уставившись в потолок. После стольких часов допроса голова у него гудела. Как вы ее убили? Куда вы спрятали труп? Что вы сделали с орудием убийства? Бессмысленные вопросы, единственной целью которых было сломать его. Но Уилт не сломался. Он взял верх. Единственный раз в своей жизни он знал, что был абсолютно прав, тогда как другие – совершенно неправы. Раньше он всегда испытывал сомнения. Может, шутка из второй группы правы, и в стране действительно слишком много иностранцев? Возможно, если снова начнут вешать, это послужит сдерживающим фактором? Уилт так не думал, но он и не был абсолютно уверен в своей правоте. Здесь время судья. Только в деле «Королева против Уилта» по обвинению его в убийстве миссис Уилт не было никаких сомнений в его невиновности. Даже если его будут судить, признают виновным и приговорят. Уже ничего изменить нельзя. Он невиновен, и если его приговорят к пожизненному заключению, то эта грандиозная несправедливость только усилит его сознание собственной невиновности. Впервые в жизни Уилт почувствовал себя свободным. Так, как будто ему отпустили его первородный грех – то, что он. Генри Уилт, проживающий в Ипфорде на Парквью 34, преподаватель гуманитарных наук в Фенлендском техучилище, бездетный муж Евы Уилт. Все неудобства, связанные с собственностью, привычками, зарплатой, общественным положением, тщеславием, с которым они с Евой оценивали себя и других, – все это ушло. Запертый в камере Уилт был свободен. И что бы ни случилось, никто никогда больше не сможет заставить его стусеваться. После открытого презрения и ярости инспектора Флинта, после целой недели унижений и оскорблений он не нуждается в их одобрении. В гробу он его видал. Уилт будет держаться своей линии и использует свой явный талант нелогичности. Давайте ему пожизненное заключение и прогрессивного начальника тюрьмы, и он за месяц доведет беднягу до психушки своим мягким, но необоснованным отказом подчиниться тюремным правилам. Даже если его посадят в одиночную камеру или на хлеб и воду, если такое наказание еще существует, это его не остановит. Дайте ему свободу, и он применит свои вновь приобретенные таланты на благо училища. Он с удовольствием будет принимать участие во всех заседаниях и доводить их участников до бешенства, неизменно поддерживая точку зрения, диаметрально противоположную той, которой придерживается большинство. В конечном итоге, жизнь – не гонка по кратчайшей к цели, а неудержимый бег в логический вакуум, и жизнь была суматошной, хаотичной и полной случайностей. Правила устанавливались только для того, чтобы их нарушать, и человек с разумом кузнечика всегда был на один прыжок впереди других. Установив этот новый закон, Уилт повернулся на бок и попытался уснуть. Однако сон не шел. Он попробовал перевернуться на другой бок, но заснуть все равно не удавалось. Мысли, вопросы, бессмысленные ответы и воображаемые диалоги лезли в голову. Он

попробовал пересчитать овец, но обнаружил, что думает о Еве. Милая Ева, чертова Ева, беспокойная Ева полная энтузиазма Как и сам Уилт, она стремилась к чистоте, к вечной истине, которая избавила бы ее от необходимости мыслить самостоятельно. Она пыталась обрести это через занятия керамикой, трансцендентальную медитацию, батут, дзюдо и, самое нелепое, восточные танцы. В конце концов она попыталась найти это в сексуальной эмансипации, женском движении и таинстве оргазма, где она бы смогла навек потерять себя. Что, надо заметить, ей и удалось сделать. Прихватив с собой этих мерзких Прингшеймов. Что ж, ей придется потрудиться и все объяснить, когда она вернется. Уилт мысленно улыбнулся, представив себе, что она скажет, когда обнаружит, к чему привело ее последнее увлечение бесконечностью. Уж он постарается, чтобы она жалела об этом до конца своих дней.

* * *

Сидя на полу в гостиной викария, Ева боролась с возрастающей уверенностью, что ее смертный час давно пробил и ничего с этим не поделаешь. Все, с кем ей приходилось сталкиваться, думали, что она умерла. Полицейский, с которым она говорила по телефону, никак не хотел верить ее утверждению, что она жива и относительно в порядке, и настойчиво требовал, чтобы она доказала, что она – это она. Ева ретировалась с пошатнувшейся уверенностью в своем существовании, и реакция святого отца Джона Фрауда на ее появление в его доме была последней каплей. Его страстные призывы к Всемогущему Богу спасти душу недавно усопшей, некой Евы Уилт, невинно убиенной, и вызволить ее из нынешней ненадежной оболочки, произвели на Еву сильное впечатление. Она опустилась на колени на ковер, а викарий тем временем смотрел на нее поверх очков, закрывал глаза, возвышал дрожащий голос в молитве, снова открывал глаза и вообще вел себя так, как будто хотел нагнать мрак и уныние на мнимый труп. Когда же он сделал последнюю отчаянную попытку заставить Еву Уилт, усопшую, занять подобающее ей место в небесном хоре и, прервав молитву относительно того, что «человеку, рожденному от женщины, отведено мало времени для жизни, полной невзгод», с дрожью в голосе приступил к псалму «Следуй за мной», Ева не смогла больше сдерживаться и проникновенно запричитала псалом «Быстро спускается тьма». Когда они добрались до «Твое присутствие нужно мне каждое мгновение», святой отец Джон Фрауд придерживался совершенно противоположного мнения. Шатаясь, он вышел из комнаты и скрылся в кабинете. За его спиной Ева с энтузиазмом, с каким она в свое время занималась керамикой, дзюдо и батутом, потребовала, чтобы ей сообщили, «где жало смерти есть и где ты ждешь, моя могила».

– Откуда мне, черт побери, знать, – пробормотал святой отец и потянулся за бутылкой, но обнаружил, что она пуста. Он опустился на стул и закрыл уши ладонями, чтобы заглушить эти ужасные звуки. Вообще-то, с псалмом «Следуй за мной» он слегка погорячился. Следовало бы выбрать «Зеленые холмы вдали». Этот псалом труднее истолковать двусмысленно.

Когда наконец псалом подошел к концу, он посидел, наслаждаясь тишиной, и уже было собрался пойти поискать еще одну бутылку, как раздался стук в дверь и вошла Ева.

– Святой отец, я согрешила, – пронзительно воскликнула она. Святой отец Джон Фрауд уцепился за подлокотники кресла и попытался проглотить комок в горле. Это было нелегко.

Затем, преодолев весьма обоснованные опасения относительно внезапного появления у него симптомов белой горячки, он нашел в себе силы говорить.

– Встань, дитя мое, – обратился он к Еве, извивающейся на ковре у его ног. – Я выслушаю твою исповедь.

Инспектор Флинт выключил магнитофон и посмотрел на Уилта.

– Ну?

– Что «ну»? – спросил Уилт.

– Это она? Это миссис Уилт?

Уилт кивнул.

– Боюсь, что она.

– Что ты хочешь этим сказать? Чертова баба жива. Ты, мать твою, должен быть счастлив. А ты говоришь, что боишься, что это она.

Уилт вздохнул.

– Я просто подумал, какая пропасть лежит между человеком, живущим в нашей памяти и воображении, и тем, что он на самом деле собой представляет. Я уже было начал вспоминать о ней с удовольствием и вдруг...

– Ты когда-нибудь бывал в Уотеруике?

Уилт отрицательно покачал головой.

– Никогда.

– Местного vicarия знаешь?

– Я вообще не знал, что там есть vicарий.

– И ты не имеешь представления, как она туда попала?

– Вы же слышали, что она сказала, – заметил Уилт. – Она сказала, что была на катере.

– А ты, разумеется, не знаешь никого, у кого бы был катер?

– Инспектор, у людей моего круга нет катеров. Может, у Прингшеймов есть катер?

Инспектор поразмыслил над предположением и отверг его. Они проверяли все лодочные станции и выяснили, что катера у Прингшеймов не было и они не брали катера в аренду.

С другой стороны, в мозгу его начинала брезжить мысль, что он является жертвой ужасного розыгрыша, злокозненного и сложного плана сделать из него идиота. По наущению этого дьявола Уилта он распорядился об эксгумации надувной куклы и позволил сфотографировать себя на ее фоне в тот момент, когда она меняла пол. Он является инициатором изъятия свиного паштета в масштабах, не имеющих прецедента в этой стране. Его ничуть не удивит, если фабрика подаст на него в суд за то, что он нанес урон ее ранее безупречной репутации. И наконец он в течение недели держал под стражей по всей видимости невиновного человека. К тому же на него непременно свалят всю вину за задержку в строительстве нового административного корпуса и дополнительные расходы. Вне всякого сомнения, были и другие неприятные последствия, о которых стоило подумать, но для начала хватало и этих. И винить кроме себя некого. Разве что Уилта. Он посмотрел на Уилта с ненавистью.

Уилт улыбнулся.

– Догадываюсь, о чем вы думаете.

– Ошибаешься, – сказал инспектор. – И представления не имеешь.

– Что мы все зависим от обстоятельств, что многое оказывается не таким, как кажется, и что во всем больше смысла...

– Мы об этом позаботимся, – сказал инспектор. Уилт поднялся.

– Полагаю, я больше вам не нужен, – сказал он. – Я поеду домой.

– Ничего подобного. Ты поедешь с нами за миссис Уилт.

Они вышли во двор и сели в полицейскую машину. По мере того как они ехали через пригород, мимо заправочных станций и фабрик и дальше по болотам, Уилт все больше съеживался на заднем сиденье машины и чувство свободы, переполнявшее его в полицейском участке, постепенно улетучивалось. С каждой милей от него оставалось все меньше и меньше, а вместо чувства свободы возникало ощущение суровой реальности с ее необходимостью что-то решать, зарабатывать на жизнь, скучать и по мелочам препираться с Евой, играть в бридж с Моттрамами по субботам, а по воскресеньям отправляться на автомобильную прогулку с Евой. Сидящий рядом с ним в мрачном молчании инспектор Флинт потерял всю свою символическую притягательность. Перестав быть стимулятором уверенности Уилта в себе и оппонентом его алогичных построений, он превратился в товарища по несчастью в жизненном бизнесе, практически в зеркальную копию собственной никчемности Уилта. А впереди, за плоской черной равниной под серым небом с кучевыми облаками, ждала Ева и вся оставшаяся жизнь с вынужденными объяснениями и всевозможными обвинениями. На какое-то мгновение Уилт подумал, а не крикнуть ли ему: «Остановите машину. Я выйду», – но сдержался. Что бы ни ждало его в будущем, он не должен принимать его как данное. Не для того он познал парадоксальную природу свободы, чтобы снова стать рабом дома на Парквью, техучилища и Евиных мелочных пристрастий. Он ведь был Уилтом, человеком с умом кузнечика.

* * *

Ева была пьяна. На ее ужасную исповедь святой отец машинально отреагировал переходом с виски на 96-градусный польский спирт, который он берег для особых случаев, и Ева в промежутках между приступами раскаяния и трагическим живописанием своих грехов тоже прикладывалась вместе с ним к бутылке. Под воздействием спирта, воодушевленная застывшей благожелательной улыбкой викария, а также растущим убеждением, что если она мертва, то вечная жизнь требует от нее полного раскаяния, а если нет, то таким образом ей удастся избежать неприятного объяснения по поводу того, что она делала голая в чужом доме, Ева исповедовалась в своих грехах с энтузиазмом, отвечавшим ее самым сокровенным потребностям. Она исповедовалась в грехах, которые совершила, и в тех, которые не совершала, грехах, о которых она вспомнила, и тех, о которых забыла. Она предала Генри, она желала его смерти, ей хотелось других мужчин, она изменяла мужу, она была лесбиянкой и нимфоманкой. И вперемешку с плотскими грехами она перечисляла грехи упущения. Ева припомнила все. Холодную еду Генри на ужин, его одинокие прогулки с собакой, ее неблагодарность за все, что он для нее делал, ее неспособность быть хорошей женой, ее чрезмерное увлечение антисептиком... Она рассказала обо всем. Святой отец Джон Фрауд сидел на стуле, непрерывно кивая головой, подобно игрушечной собачке за задним стеклом автомобиля, время от времени поднимая голову, чтобы взглянуть на нее в те моменты, когда она признавалась, что она – нимфоманка, и резко опуская ее при упоминании антисептика. При этом он все время пытался понять, что привело эту толстую, голую (саван постоянно спадал) леди, нет, определенно не леди, тогда женщину с явными признаками религиозного психоза в его дом.

– Это все, дитя мое? – спросил он, когда Евин репертуар наконец иссяк.

– Да, святой отец, – прорыдала Ева.

– Слава Богу, – произнес святой отец Джон Фрауд с чувством и стал думать, что делать дальше. Если верить хотя бы половине того, что она наговорила, он видел перед собой такую грешницу, по сравнению с которой экс-протодиакон из Онгара был просто святым. С другой стороны, в ее исповеди были некоторые несообразности, которые заставляли его помедлить с отпущением грехов. Исповедь полная лжи отнюдь не говорит о полном раскаянии.

– Как я понял, вы замужем, – начал он с сомнением, – и этот Генри является вашим законным обвенчанным мужем.

– Да, – ответила Ева – Милый Генри.

Бедолага, подумал викарий, но чувство такта помешало ему сказать это вслух.

– И вы его покинули?

– Да.

– Ради другого мужчины?

Ева отрицательно покачала головой.

– Чтобы проучить, – сказала она неожиданно воинственно.

– Проучить? – переспросил викарий, судорожно пытаясь сообразить, какой урок мог извлечь несчастный мистер Уилт из ее отсутствия. – Вы сказали, проучить?

– Да, – подтвердила Ева. – Я хотела, чтобы он понял, что не может без меня обойтись.

Святой отец задумчиво потягивал спирт. Если верить хотя бы четверти ее исповеди, то муж должен быть счастлив, что получил наконец возможность обходиться без нее.

– И теперь вы хотите к нему вернуться?

– Да, – ответила Ева.

– А он этого не хочет?

– Он не может. Его забрала полиция.

– Полиция? – переспросил викарий. – Нельзя ли поинтересоваться, за что его забрали?

– Они говорят, что он меня убил, – сказала Ева.

Святой отец Джон Фрауд смотрел на нее с возрастающим беспокойством. Теперь он наверняка знал, что миссис Уилт не в своем уме. Он огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать как оружие в случае необходимости, но, не обнаружив ничего более подходящего, чем гипсовый бюст поэта Данте и бутылки польского спирта, взял последнюю за горлышко. Ева протянула стакан.

– Вы просто ужасны, – сказала она. – Вы меня совсем споили.

– И то верно, – заметил викарий и поспешно поставил бутылку. С него хватало оказаться одному в доме с крупной, пьяной, полуголой женщиной, которая воображала, будто муж ее убил, незачем было еще и подводить ее к мысли, что он ее намеренно спаивает. Святому отцу вовсе не хотелось стать объектом пристального внимания следующего номера воскресной газеты «Ньюз ов зе уорлд».

– Вы, кажется, сказали, что вас муж убил... – он замолчал, сообразив, что развитие этой темы вряд ли может принести плоды.

– Как он мог меня убить? – спросила Ева. – Я же вот, вся тут, правда?

– Вне всякого сомнения, – сказал викарий.

– Вот видите, – сказала Ева. – И вообще, Генри не может никого убить. Не знает как. Он даже предохранитель не в состоянии заменить. Я сама все в доме делаю. – Она подозрительно посмотрела на викария. – Вы женаты?

– Нет, – ответил святой отец, вдруг страстно пожалев об этом факте.

– И что вы можете знать о жизни, если вы не женаты? – спросила Ева грубо. Польский спирт оказывал свое действие, и она вдруг почувствовала себя жутко несчастной.

– Мужчины. Какая от них польза? Даже дом держать в порядке неспособны. Поглядите на эту комнату. Я вам говорю. – Она развела руки в стороны, чтобы придать убедительности своим словам, и чехол упал на пол. – Вы только посмотрите. – Но у святого отца не хватало глаз, чтобы смотреть по сторонам. При взгляде на стоящую перед ним Еву он понял, что его жизнь в опасности. Он вскочил со стула, сильно ударившись о стол, попавшийся по дороге, перевернул корзину для мусора и выбежал в холл. Пока он искал, куда бы спрятаться, раздался звонок в дверь. Святой отец Джон Фрауд открыл дверь и оказался лицом к лицу с инспектором Флинтотом.

– Слава Богу, вы пришли, – выдохнул он. – Она там.

Инспектор и два констебля в форме пересекли холл. Уилт неуверенно последовал за ними. Настал момент, о котором он думал с содроганием. Все, однако, оказалось проще. Но не для инспектора Флинта. Войдя в кабинет, он увидел перед собой крупную голую женщину.

– Миссис Уилт, – начал он, но Ева не сводила глаз с двух констеблей в форме.

– Где мой Генри? – закричала она. – Вы забрали моего Генри. – Она кинулась вперед. Инспектор весьма неосмотрительно попытался ее удержать.

– Миссис Уилт, если вы только... но инспектор не смог закончить фразу, получив удар в голову.

– Уберите руки, – завопила Ева и, призвав на помощь свои познания в дзюдо, швырнула его на пол. Она уже было собралась повторить прием на констеблях, но тут Уилт ринулся вперед.

– Я здесь, радость моя, – сказал он. Ева замерла. Какое-то мгновение она дрожала и потом, как показалось инспектору, начала таять. – О Генри, – сказала она. – что они с тобой сделали?

– Абсолютно ничего, дорогая, – ответил Уилт. – Теперь оденься и пошли домой. – Ева посмотрела на себя, содрогнулась и позволила увести себя из комнаты.

Инспектор Флинт медленно и устало встал на ноги. Вот теперь он понял, почему Уилт засунул ту чертову куклу в дыру и почему он так спокойно сидел сутками на допросе. После двенадцати лет брака с Евой желание убить хотя бы двойника должно было быть непреодолимым. А что до того, что он так прекрасно выдерживал перекрестный допрос, то и тут все ясно. Но инспектор также знал, что объяснить это кому-либо он вряд ли когда сможет. Есть такие тайны в человеческих взаимоотношениях, которые объяснить невозможно. И вот Уилт стоит здесь и спокойно велит ей одеться. С чувством невольного восхищения Флинт вышел в холл. Как бы там ни было, но в мужественности этому поганцу не откажешь.

* * *

Всю дорогу до Парквью они молчали. На заднем сиденье машины Ева, завернутая в одеяло, спала, положив голову на плечо Уилта. Генри Уилт гордо сидел рядом. Женщине, способной заставить инспектора Флинта замолчать одним прямым ударом в голову, цены не

было. Кроме того, сцена в кабинете дала ему в руки оружие, которого так недоставало. Голая и пьяная в кабинете викария... Уж теперь она не отважится задавать вопросы по поводу этой чертовой куклы и почему он ее засунул в яму. Никаких обвинений, никаких оправданий. Весь эпизод уйдет в небытие. И вместе с ним уйдут все сомнения в его способности быть настоящим мужчиной и умении постоять за себя. Шах и мат. На какое-то мгновение Уилт даже впал в сентиментальность и подумал о любви, но тут же вспомнил, какая это опасная тема. Лучше всего вести себя индифферентно и скрывать свои чувства «Не стоит дразнить гусей», – подумал он.

* * *

Это мнение полностью разделяли и Прингшеймы. Они были на редкость несловоохотливы, когда перебирались с катера на полицейское судно, когда сходили на берег, когда объясняли скептически настроенному инспектору, как они застряли на неделю в проливе Ил на катере, принадлежащем кому-то другому. Нет, им неизвестно, почему дверь в ванную комнату оказалась выбитой. Может, какой несчастный случай? Слишком много выпили, поэтому не помнят. Кукла? Какая кукла? Травка? В смысле, марихуана? Не имеют понятия. В их доме?

В конце концов инспектор их отпустил.

– Я вас вызову, когда получше сформулирую обвинения, – сказал он мрачно. – Прингшеймы отправились на Росситер Глоув укладываться. На следующее утро они улетели домой.

Директор училища сидел за письменным столом и с изумлением взирал на Уилта.

– Повышение? – спросил он. – Я вас правильно понял, вы сказали «повышение»?

– Совершенно верно, – подтвердил Уилт. – Более того, вы также слышали, что я претендую на должность заведующего отделением гуманитарных наук.

– И после всего, что вы натворили, у вас еще хватает наглости требовать, чтобы вас назначили заведующим отделением гуманитарных наук?

– Да, – ответил Уилт.

Директор пытался найти слова, способные выразить его чувства. Это было нелегко. Перед ним сидел человек, виновный в целой серии катастроф, погубивших его самую сокровенную мечту. Техучилищу теперь никогда не стать политехом: им окончательно отказали в повышении разряда училища. И потом, вся эта огласка, сокращение бюджета, его сражения с комитетом по образованию, унижение до того, что ему присвоили кличку директор «общества любителей куклотраханья»...

– Вы уволены, – закричал он.

Уилт улыбнулся.

– Полагаю, вы ошибаетесь, – сказал он. – Вот мои условия...

– Ваши что?

– Условия, – сказал Уилт. – Если вы назначите меня заведующим гуманитарным отделением, я обещаю не подавать на вас в суд за незаконное увольнение, которое бурно комментировалось прессой. Вот здесь у меня контракт с «Санди Пост» на серию статей о том, чем на самом деле занимается отделение, – я собираюсь назвать эту серию «Лицом к лицу с варварством» – так я его не подпишу. Я откажусь читать лекции в Центре полового воспитания. Я не приму участия в телевизионной программе «Панорама» в следующий понедельник. Короче, я откажусь от удовольствия появляться на публике и соответствующих вознаграждений...

Директор поднял дрожащую руку.

– Достаточно, – сказал он. – Я посмотрю, что можно сделать.

Уилт поднялся.

– Дайте мне ответ до обеда, – сказал он. – Я буду в своем кабинете.

– Своим кабинете? – удивился директор.

– Там когда-то сидел мистер Моррис, – сказал Уилт и закрыл дверь. Он успел услышать, как директор снял трубку. Сомнений, в серьезности угроз Уилта у него не было. Следовало поторопиться.

Уилт прошел по коридору в гуманитарное отделение и долго стоял, разглядывая книги на полках. Много придется изменить. Такие книги, как «Повелитель мух», «Шейн», «Влюбленная женщина», рассказы Оруэлла и «Над пропастью во ржи» – все эти интеллектуальные изыски нужно убрать. В будущем газовщики и мясники будут учиться конкретному делу, тому, как надо что-то делать, а не почему. Как читать и писать. Как делать пиво. Как мухлевать с декларациями о доходах. Как вести себя с полицейскими в случае ареста. Как жить с женой, с которой жить невозможно. По последним двум темам Уилт сам прочтет лекции. Конечно, кое-кто из преподавателей будет возражать и грозить уходом, но он настоит на своем. Возможно, он даже примет отставку нескольких особо

стойких противников его идей. Если честно, чтобы, учить газовщиков, как все делать, вовсе не нужна ученая степень в области английской литературы. Кстати, пожалуй, он узнал от них больше, чем они от него. Значительно больше. Он вошел в пустой кабинет мистера Морриса, уселся за письменный стол и принялся сочинять памятную записку для сотрудников гуманитарного отделения. Она была озаглавлена: «Заметки о самообразовании студентов дневного отделения». Он только-только успел в пятый раз написать «неиерархический», как зазвонил телефон. Звонил директор.

– Благодарю вас, – сказал новый заведующий гуманитарного отделения.

* * *

Ева возвращалась домой от врача в веселом расположении духа. Она приготовила Генри завтрак, вычистила гостиную и холл, протерла окна, посыпала антисептиком унитаза, побывала в Центре общественной гармонии, помогла отсканировать объявление об организации новой театральной группы, сходила в магазин, заплатила молочнику, а также побывала у доктора, чтобы спросить, стоит ли принимать таблетки от бесплодия, и он сказал, что стоит. «Разумеется, придется сделать анализы, – сказал он ей, – но нет никаких оснований опасаться, что они будут отрицательными. Единственно чего стоит опасаться, это как бы вам не родить шестерню». Еву такая перспектива не пугала. Как раз то, о чем она мечтала – полный дом детей. И сразу. Генри будет рад. Поэтому солнце светило ярче, небо было особенно голубое, цветы были необыкновенно красивы, и даже в Парквью появилось нечто новое и жизнерадостное. Был один из Евиных лучших дней.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Герой романа Ф.С.Фицджеральда

Роман Т.Харди

Роман Д.Элиот, английской писательницы

Леви Строе Клод (род. 1908 г.), французский этнограф и социолог

Имеется в виду Р. Никсон

Сильное развитие подкожного жирового слоя на бедрах и ягодицах человека

Перефразированное лат. «Cogito ergo sum» (я мыслю, значит, я существую.) Здесь – я совокупляюсь, значит, я существую

Радость по поводу чужих неудач (нем.)

Душевная депрессия (нем.)

Действующее лицо «Поэмы о старом моряке» СТ.Колриджа

Действующие лица книг, которые изучались в разных учебных группах, где преподавал Уилт. (Прим. перев.)

Английское слово, означающее «репетиция», имеет одинаковый корень со словом, означающим «катафалк»

С. Къеркегор (1813–1855), датский философ-иррационалист

Шарль Бодлер (1821–1867), французский поэт

По-английски слово «kidney» (кидни) означает «почка»

Что не требовалось доказать (лат.)

Роман Х. Салби

Известный на Западе фокусник